

И. ГУРВИЧ

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
РУССКОЙ ДЕРЕВНИ**

**О Г И З
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1941**

И. ГУРВИЧ

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
РУССКОЙ ДЕРЕВНИ**

ОГИЗ. ГОСПОЛИТИЗДАТ. 1941

Книга И. А. Гурвича «Экономическое положение русской деревни» дает картину экономических отношений, сложившихся в русской деревне в 80-х годах прошлого столетия в результате крестьянской реформы 1861 г.

Настоящее издание печатается без изменений с первого русского перевода, сделанного А. Саниным и изданного в 1896 г. под редакцией и с предисловием автора.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Исаак Адольфович Гурвич (1860—1924)—один из первых русских марксистов. Гурвич принимает участие в революционном движении с конца 70-х годов, примкнув сначала к чернопередельцам. В 1880 г. Гурвич был арестован по делу подпольной типографии и в 1881 г. сослан на четыре года в Сибирь. Вернувшись из ссылки летом 1885 г., он поселился в Минске и связался с местными революционерами, среди которых преобладали народовольцы. В ссылке Гурвич стал марксистом, однако, как пишет он сам в своих воспоминаниях, его марксизм в то время «еще сильно отдавал старым народническим запахом».

Гурвич с головой окунулся в пропагандистскую работу среди еврейских рабочих. Пропаганда велась в кружках, легальных субботних школах, рабочих библиотечках и т. д.

Гурвич следующим образом рисует свою работу среди минских рабочих:

«... Назвать наши первые рабочие кружки 1884—1886 гг. социал-демократическими в отличие от народовольческих едва ли было бы правильно... Из литературы Группы освобождения труда у нас в Минске вплоть до 1890 г. имелся только один экземпляр «Наших разногласий»¹. Некоторая духовная связь с Группой у нас установилась только в 1887 году... Мы собирались раз в неделю в течение полугода, и в результате большинство из нас... приняло по всем программным вопросам социал-демократические формулы»².

К этому именно периоду относится работа Гурвича над книгой «Переселения крестьян в Сибирь»³, для которой он использовал

¹ Речь идет о книге Плеханова «Наши разногласия», направленной против народников.—*Прим. ред.*

² Из воспоминаний И. Гурвича, «Былое» № 6/18, июнь 1907 г.—*Ред.*

³ Отрывок (сокращенный) из этой книги приводится в настоящем издании (см. стр. 123).

материалы обследования переселенческих хозяйств, проведенного им за период четырехлетней ссылки в Сибирь (1881—1885 годы). Гурвич вслед за «родоначальниками скептического отношения к общине Зибером и М. М. Ковалевским» (стр. 2)¹ высказывает, правда «с ограничениями и оговорками», мысль «о присутствии в русском земледелии задатков капиталистического развития» (стр. 2) и считает переселение одним из факторов разложения русской общины. Эта работа «неизвестного автора, отрицательно относящегося к господствующему взгляду на общину» (стр. 2), не нашла себе издателя, и Гурвич издал ее на собственный счет. Народнические критики явно недоброжелательно встретили книгу Гурвича, обрушившись на нее целым градом обвинений в «скоропелости» выводов и т. д.

Преследования полиции вынудили Гурвича в 1889 г. эмигрировать из России; с 1891 г. он поселился в Америке. Здесь он в 1892 г. выпустил на английском языке основную свою работу «The economics of the russian village» («Экономическое положение русской деревни»).

Материалом для этой книги Гурвича послужили данные земской статистики по Рязанской губернии (уезды Данковский и Рязанбургский).

Задачей своего исследования Гурвич поставил показать внутренние противоречия русской общины, разлагающие ее изнутри.

«Нельзя утверждать,—пишет Гурвич в предисловии к русскому переводу книги,—что община обречена *историческим законом* на разложение, не доказавши, что в недрах ее таятся силы, которые *и независимо от внешних влияний* должны неминуемо рано или поздно повлечь за собою ее разложение» (стр. 3). Гурвич показал, что такими силами, разлагающими общину, являются разделение труда, развитие денежного хозяйства, производство на рынок и превращение большой доли «самостоятельных» хозяев в земледельческих рабочих.

Гурвич показал, что «архаическое крестьянское производство, основанное на натуральном хозяйстве, в весьма значительной степени вытеснено денежным хозяйством», что «те двory, которые покупают на рынке, не продавая продуктов, добывают необходимые деньги посредством продажи своей рабочей силы», что разделение труда, отходничество, растущая экономическая дифференциация старой патриархальной семьи имели в высшей степени

¹ Здесь и ниже в тексте даются ссылки на страницы настоящего издания книги Гурвича.—Ред.

важные экономические последствия. Неизбежным результатом их было раздробление наделной земли, «уменьшение количества скота, принадлежащего каждой семье, а следовательно и понижение ее земледельческой производительной силы» (стр. 65).

Для доказательства своих положений Гурвич отказался от старых, общепринятых методов работы земских статистиков. Вместо группировки дворов по количеству наделной земли он ввел группировку по размерам и типам хозяйств.

Группируя земские статистические данные по числу взрослых работников и по количеству наемных рабочих, а также по количеству рабочего скота, Гурвич показал, что при общинном землевладении наделы зачастую только формально остаются в собственности общины, что общинная земля ускользает из рук ее юридических владельцев под видом сдачи в аренду.

На основе большого цифрового материала Гурвич доказал, что «внутри деревенской общины возникли антагонистические социальные классы»¹, что происходит разложение крестьянства на безземельный сельский пролетариат и деревенскую буржуазию, что положение средних, переходных, групп крестьянства крайне неустойчиво.

Ленин неоднократно ссылается на Гурвича и цитирует его в своих гениальных работах «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и «Развитие капитализма в России».

В борьбе с народниками, которые, пользуясь средними цифрами о количестве наделной земли, отрицали процесс разложения русской общины, процесс ее капиталистического развития, возникновение антагонистических классов, Ленин резко поставил вопрос о непригодности статистических методов, принимающих в основу группировки дворов только количество наделной земли и не делающих даже «...попытки систематически изучить хотя бы статику разложения крестьянства и указать те формы, в которых происходит этот процесс».

«Единственным исключением, — указывает далее Ленин, — является прекрасная работа *И. Гурвича*: „The economics of the russian village“. New York 1892. Рус. пер. „Экономическое положение русской деревни“. М. 1896. Надо удивляться тому искусству, с каким г. Гурвич обработал земско-статистические сборники,

---

¹ Цит. по *Ленину*, Соч., т. I, стр. 158.

не дающие комбинационных таблиц о группах крестьян по хозяйственной состоятельности»¹.

Отвергая народнические утверждения о якобы «коренном» значении наделной земли в экономике деревни, Ленин в своей работе «Что такое „друзья народа“...» ссылается на глубоко верные рассуждения Гурвича о пресловутой «неотчуждаемости»².

Ленин указывает, что народники, «...толкую о „народном“ обращении и развитии „сил страны“ благодаря развитию „предприимчивости и инициативы“...», не упоминают «...об антагонистичности этого развития... об эксплуататорском характере этой предприимчивости и этой инициативы...» и не понимают, что, кроме деревни «...хозяйственных мужичков, имеющих „сбережения“... есть и другая деревня, гораздо более многочисленная, о которой не мешало бы почаще вспоминать „друзьям народа“,—деревня разоренного и оголенного, обобранного до нитки крестьянства, не имеющего не только „сбережений“ для оплаты труда „интеллигентов“, но даже и хлеба в таком количестве, чтобы не умереть с голоду»³. И дальше Ленин цитирует Гурвича: «Народник 70-х г.г.—очень метко говорит Гурвич—не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между „эксплуататором“—кулаком или мироедом—и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом»⁴.

Высоко ценил Ленин и другие работы Гурвича. О первой его книге, в которой Гурвич, по собственному выражению, лишь «с необходимыми ограничениями и оговорками» высказывает мысль «о присутствии в русском земледелии зачатков капиталистического развития», Ленин пишет: «...Переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни). Эта связь переселений с разложением крестьянства вполне доказана *И. Гурвичем* в его превосходном исследовании: „Переселения крестьян в Сибирь“ (М. 1889). Мы усиленно рекомендуем читателю эту книгу, которую усердно старалась замолчать наша народническая пресса»⁵.

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 132.

² См. Ленин, Соч., т. I, стр. 134—135.

³ Там же, стр. 154—155.

⁴ Цит. по Ленину, Соч., т. I, стр. 157—158.

⁵ Ленин, Соч., т. III, стр. 133.

В другом месте, направленном против Скворцова, Ленин снова ссылается на эту работу Гурвича:

«...Разве может хоть один экономист, находящийся в здравом уме и твердой памяти, *не придавать значения* ежегодным переселениям... Экономист, который видит свою задачу в том, чтобы изучать особенности экономического строя и развития России (а не только в том, чтобы подробно цитировать, и зачастую не к месту цитировать, Маркса), необходимо должен поставить вопрос: какое именно влияние оказывают переселения в России? Не изучая специально этого вопроса, я отметил в указанном г. Скворцовым месте, что мои выводы по вопросу о разложении крестьянства вполне гармонируют с выводом г. Гурвича»¹.

В течение некоторого времени Ленин вел переписку с Гурвичем, находившимся в эмиграции в Америке, и обменивался с ним новыми книгами и журналами. Так, в 1914 г. Ленин из Кракова просит Гурвича достать ему вновь опубликованные материалы американского статистического бюро и одновременно дает свой отзыв о новой книге Гурвича «Immigration and Labour», что «...эта работа дает массу ценного по изучению капитализма, будучи вместе с тем как бы перенесением лучших методов нашей земской статистики на *западную* почву»².

Об этой же книге Гурвича Ленин писал в статье «Капитализм и иммиграция рабочих», доказывая, что переселение рабочих в условиях капитализма имеет прогрессивное значение, так как втягивает отсталые слои рабочих в классовую борьбу: «Интересное наблюдение делает Гурвич, автор чрезвычайно поучительной английской книги: „Иммиграция и труд“, вышедшей в прошлом году. После революции 1905 года число иммигрантов в Америку особенно возросло (1905 г.—1 мил., 1906 г.—1,2 мил., 1907 г.—1,4 мил., 1908—1909—по 1,9 миллиона). Рабочие, пережившие всякие стачки в России, внесли и в Америку дух более смелых, наступательных, массовых стачек»³.

Гурвич в 1892 г. в своей прекрасной работе,—как ее оценивает Ленин,—на основе правильной обработки статистического материала по двум уездам, сумел дать глубокий анализ классового расслоения русской деревни. Констатировав, что «Россия грядущих дней будет иметь своим базисом крестьянскую

---

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 495.

² Там же, т. XXIX, стр. 112.

³ Там же, т. XVII, стр. 41.

буржуазию, земледельческий пролетариат и капиталистическое сельское хозяйство» (стр. 122), Гурвич не видел, однако, каким путем произойдет ломка старых земельных отношений, как будет совершена аграрная революция.

В. И. Ленин, разработав огромный статистический материал о положении русской деревни, используя при этом также и работы Гурвича, еще в 1894 г. гениально предсказал авангардную роль русского пролетариата, предвидел тот путь, который привел трудящееся крестьянство в союзе с пролетариатом, под руководством партии Ленина—Сталина к построению социалистического общества в нашей стране.

* * *

Государственное издательство политической литературы перепечатывает книгу Гурвича как ценное пособие при изучении истории экономического развития России.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемый труд был первоначально задуман исключительно для представления на факультет политических наук Columbia College'a, как диссертация на получение докторской степени. Этим, главным образом, и объясняется выбор района исследования. Статистические сборники по Рязанбургскому и Данковскому уездам были мною протрудированы еще в 1883 г. в связи с вопросом о переселениях, и с тех пор у меня сохранились систематически сгруппированные выборки из наделавших в свое время много шума «Прибавлений». Ввиду краткости срока и крайней затруднительности получения книг из России, благодаря отсутствию прямой почтовой пересылки, я решил воспользоваться готовым материалом. Нельзя сказать, чтобы выбор оказался вполне удачным. Рязанская губерния была третьей по счету, приступившей к производству земско-статистических исследований по «Московскому методу». Как и следовало ожидать, издания Рязанского бюро далеко уступают по технике группировки данных позднейшим статистическим сборникам, в основу которых положен был предшествующий опыт. Шедевр русской земской статистики представляют издания Воронежского бюро, но я получил их, когда книга уже была в печати. Поскольку возможно было, я восполнил ими пробелы рязанских сборников, для чего мне пришлось заново написать несколько глав. Само собою разумеется, было бы предпочтительно охватить весь район, обследованный статистиками, но такого труда хватило бы одному человеку на целую жизнь. На самом же деле различия между уездами и даже губерниями сводятся лишь к цифровым колебаниям. Не перерабатывая всего сочинения, для чего у меня в настоящее время нет необходимого досуга, я приложил к этому переводу сравнительные таблицы, в которых сопоставлены данные по разным губерниям и уездам. Приблизительное сходство основных цифр дает нам право распространить наши выводы на всю среднюю полосу России.

Правда, разработкой данных земской статистики занимается целая плеяда заслуженных русских экономистов и статистиков, положившая в основу своих занятий принцип разделения труда. Но коренное различие моей точки зрения от взглядов господствующей в русской литературе школы обеспечивает за настоящей работой свой особый *raison d'être*.

Считаю излишним, в связи с этим, установить точную генеалогию проводимого в настоящей книге воззрения на деревню, так как и среди сторонников его порой замечается склонность считать себя не помнящими родства. Родоначальники скептического отношения к общине в русской литературе—покойный Зибер и М. М. Ковалевский, весьма определенно высказавшиеся по этому вопросу еще в семидесятых годах. Наряду с ними нужно поставить Глеба Успенского. Никто так много не сделал, как он, для развенчания иллюзии мужицкого «коммунизма». С этой стороны Глеб Успенский ждет еще оценки экономической критики. К концу семидесятых годов труды этих писателей успели создать небольшую горсть адептов, совершенно впрочем теряющуюся в народнической массе. Прошло полтора десятка лет, прежде чем общественное мнение изменилось настолько, что книга неизвестного автора, отрицательно относящегося к господствующему взгляду на общину, находит издателя. Хорошо иллюстрирует общественное настроение десять лет назад одиссея первого моего опыта: «Переселения крестьян в Сибирь». В 1884 г. последняя работа, составляющая самостоятельное местное исследование, была представлена в Западносибирский отдел географического общества и удостоилась весьма лестного печатного отзыва в «Записках» отдела, но напечатана не была по несоответствию программе «Записок». Лишь через два с половиною года мне удалось поместить четыре главы в «Юридическом Вестнике», и затем, после неудачных переговоров с издателями, я выпустил всю работу отдельной книгой на собственный счет через четыре с лишком года после того, как она впервые узрела свет. Библиография встретила книгу чрезвычайно недружелюбно. За исключением «Наблюдателя», одобрительно отозвавшегося о книге, большинство ежемесячных изданий совершенно не заметило ее. «Неделя» выдрала автора за уши на десяти строчках, а г. Григорьев в «Юридическом Вестнике» занялся этим более пространно. Обойдя гробовым молчанием сделанный мною в приложении разбор его сочинения «Переселение крестьян Рязанской губернии», критик накинулся на мои замечания о крупном землевладении. Замечания эти читатель найдет в приложении. В показаниях моих мужицких «корреспондентов» я нашел материал, правда, отрывочный, дававший мне однако право заключить о присутствии в русском земледелии зачатков капиталистического развития. Положение это было высказано с необходимыми ограничениями и оговорками, но оно все же дало повод обозревателю подтрунить над «скороспелыми» выводами автора.

Понятно, при столь неблагоприятных предзнаменованиях я не мог рассчитывать увидеть предлагаемую книгу на русском языке. Она была написана по-английски, для английской публики, и потому, разумеется, мне приходилось распространяться о таких вещах, которые русским читателям общеизвестны. Первоначально я предполагал выкинуть в русском переводе все то, что для русского читателя уже стало общим местом, или же, что не составляет продукта самостоятельной работы; такова, например, I глава англий-

ского издания (Введение настоящего перевода), представляющая чисто компилятивную работу, или глава III—о податях и недоимках, заключающая факты, давно уже всем прожужжавшие уши. Но впоследствии к этому представились некоторые трудности, и я должен был ограничиться кое-какими незначительными сокращениями. Выпущено предисловие, I глава обращена в Введение; читатель в нем не найдет новых фактов, но старые факты представлены в иной перспективе, вследствие чего крестьянская реформа и весь пореформенный период являются лишь необходимыми звеньями в цепи эволюции от первобытного коммунизма к частной поземельной собственности.

Народническая школа, начиная с ее великого духовного отца, видела в общине не вымирающий остаток старины, а при благоприятных условиях—исходную точку грядущего экономического прогресса. Для философии истории вопрос о «возможной истории возможного Запада Европы», а тем более о «возможной истории возможного Востока Европы» представляется далеко не праздным; нельзя утверждать, что община обречена *историческим законом* на разложение, не доказавши, что в недрах ее таятся силы, которые *и независимо от внешних влияний* должны неминуемо рано или поздно повлечь за собою ее разложение. В эпоху знаменитого спора об общине между «Современником» и «Экономическим указателем» еще не написаны были слова: «раз страна напала на след естественного закона своего экономического развития, то она уже не может ни перескочить через его естественные фазы, ни отменить их декретами». Но вопрос был поставлен в этой именно форме на страницах «Современника». Двадцать лет спустя один народник пытался разрешить задачу при помощи казуистики: «а что, если страна еще не напала на след своего естественного закона экономического развития?» Выходило как будто так, что тогда *естественные* фазы последнего можно отменить декретами и, по выражению тургеневского Паклина, прямо перескочить из XVIII века в XX. Что бы мы ни думали теперь об этом кассационном толковании на предисловие к «капиталу», нужно признать, что в эпоху спора об общине подобное решение имело весьма реальную подкладку. Дело шло не о чем другом, как о создании новой экономической среды, в которой община могла бы жить и развиваться. Но реформа 1861 г. свела вопрос в практическом отношении к бесплодным умствованиям Кифы Мокиевича. Автор «Критики философских предрубеждений против общинного землевладения», с самого начала не предававшийся никаким иллюзиям, не принял никакого участия в хоре ликующих. «Представьте себе,—говорит он,—что близкому вам человеку преподносят подарок. Казалось бы, желая добра своему другу, вы должны радоваться. Но что, если подарок обременен долгами, далеко превышающими его ценность?»

Пессимизм и разочарование учителя не коснулись, однако, учеников. Все последующее умственное движение России напоминает собою погону пламенно влюбленного Аратова за призраком Клары Миллич. И всякому беспристрастному наблюдателю должно

быть ясно, что иначе оно и не могло быть. «Счастье было так возможно, так близко», что вполне законно было желание вырвать красавицу из когтей смерти, если нужно.

Два десятилетия страстных исканий не прошли бесплодно. Алхимики искали философского камня, а заложили фундамент научной химии. Потребность найти философский камень для поддержания «устоев» создала земскую статистику. Восьмидесятые годы, именно в силу своей безнадежной бесцветности, оказались наиболее подходящим временем для такой кропотливой работы. В эту работу была вложена вся не нашедшая себе исхода молодая энергия, и народники вправе с гордостью указать на это единственное в экономической литературе творение и воскликнуть:

Exegi monumentum aere perennius.

Люди восьмидесятих годов сделали свое дело и подготовили почву для научной постановки вопросов русской экономической жизни и для критической оценки народничества.

Русское народничество совершенно неправильно смешивают с западным социализмом. Неверность такого взгляда рельефнее всего выступает там, где народничество сталкивается лицом к лицу с социализмом, как в Америке. Агитация последователей Генри Джорджа во многом родственна русскому народничеству¹. Как в учении Г. Джорджа, так и в русском народничестве и его приемном детище—толстовщине, земля совершенно заслоняет собой остальные факторы производства. «Обеспечьте народ землею, и прочая приложатся вам»,—твердят в униссон *Single-taxer*'ы² и русские народники. Ни те, ни другие не имеют никакой определенной программы вне этого коренного требования. Русское народничество вполне мирится с разрозненным, мелким производством; мало того, оно всячески изыскивает полумеры к поддержанию мелкого земледелия, мелкой кустарной промышленности. В своем преклонении перед общинным духом крестьянства народничество не замечает, что крестьяне, как мелкие собственники, в гораздо большей степени пропитаны мировоззрением мелких собственников, нежели общинным духом. Логическим результатом осуществления народнических требований было бы распространение на всю Россию сибирских сельскохозяйственных порядков. В Сибири же, в местностях, обильных общедоступною, удобною для обработки землею, мы находим огромные кулацкие хозяйства, основанные на наемном труде. Народники могут сами по себе предпочитать хозяйственный тип, основанный на личном труде землевладельца, типу, основанному на труде наемном, но этим логические последствия народнической программы еще не устранены. Школа Генри Джорджа обстоятельствами вынуждена была к большей последовательности ввиду наличности в Америке значитель-

¹ Небезынтересно, что сам Генри Джордж не чужд был знакомства с стремлениями русского народничества. «Progress and Poverty», p. 232 (Sterling Library ed. New-York. 1894).

² Т. е. последователи Генри Джорджа.

ного фабричного пролетариата. Последовательность заставила их признать правомерность наемного труда и вытекающих из него экономических явлений. Мы видим таким образом, что учения Г. Джорджа и народничества служат, первое—сознательно, второе—бессознательно, выражением интересов класса мелких собственников, носят, стало быть, при всех симпатиях своих к народным массам, мелкобуржуазный характер.

В истории народничества нужно различать три периода. Конец пятидесятых и шестидесятые годы образуют пролог; будущее народничество еще выступает носителем западноевропейских идеалов. В семидесятых годах занесенные с Запада учения подвергаются переработке в применении к русским условиям. Наблюдения из крестьянской жизни, накопленные в восьмидесятых годах, раскрывают коренное противоречие русской переработки с западноевропейскими идеалами. Там, где всякая программа не более, как трапедия для умственной гимнастики,—«се бо есть предел, его же не преидеши»—направление, которое носит в себе самое внутреннее противоречие, не в состоянии надолго удержать позицию. Народническая эпоха бесспорно одна из самых блестящих, полных глубокого драматизма, страниц в русской истории. Народничество сыграло крупную роль в умственном развитии русского общества, но роль его сыграна.

И. Гурвич.

Нью-Йорк,
3/15 января 1896 г.

В В Е Д Е Н И Е

ОБЩИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В РОССИИ

Русская деревенская община исторических времен.—Переживание общинной кооперации.—Коммунистическое крестьянское домохозяйство.—Происхождение частной поземельной собственности.—Вотчина и поместье.—Рабство как последствие договора займа.—Поместье как институт публичного права.—Ограничение крестьян в праве перехода от владельца к владельцу.—Поместья делаются наследственными.—Закон Петра Великого о наследовании в дворянских имениях; уничтожение различия между вотчиной и поместьем.—Подушная подать.—Уравнение рабов и крепостных.—Освобождение дворянства от обязательной службы.—Ожидание воли и волнения среди крестьян.—Крестьянский вопрос в екатерининской законодательной комиссии.—Пугачевщина.—Дальнейшее развитие вопроса об эмансипации.—Крестьянские волнения в эпоху Крымской войны.—Экономическая необходимость уничтожения крепостных отношений.—Освобождением крестьян завершается эволюция частной поземельной собственности.—Экспроприация крестьянства.—Легенды о национализации земли.—Положение 19 февраля 1861 г.—Платежи.—Ограничение личной свободы налогоплательщика.—Обложение земли как фактор, поддерживающий целость общины.—Противодействующее влияние возвышения земельной ренты.

В настоящее время можно, кажется, считать вполне установленным в науке положением, что на заре развития человечества индивидум не был еще обособлен от социального агрегата. Архаический коммунизм в производстве пищи и других предметов необходимости, так же как в обладании ими и в потреблении их, теперь всеми, я полагаю, признается за первобытную форму социальной жизни. Лишь на высших ступенях развития возникает частное владение отдельных лиц; частная же поземельная собственность появляется на исторической сцене в самую позднюю эпоху. Разложение поземельной общины в Западной Европе—факт сравнительно недалекого прошлого. В России, где процесс развития шел не так быстро, мы находим этот первобытный институт сохранившимся вплоть до наших дней.

Мы не встречаем в России в исторические времена того родового коммунизма, какой Льюис Г. Моргэн нашел у американских индейцев. Русская сельская община исторической эпохи состоит из известного числа крупных семей, нередко, хотя и не всегда, ведущих свое происхождение от общих предков и владеющих землей сообща, но обрабатывающих ее домохозяйствами. Древняя общинная кооперация оживает спорадически в чрезвычайных случаях в виде *помочи*. Домохозяин приглашает соседей подсобить ему

в какой-нибудь работе—скосить сено, сжать хлеб на его полосе, нарубить лесу на новый дом, который он собирается строить, и т. п. Соседи сзываются как бы в гости, и по этому случаю ставится угощение, которое служит единственным вознаграждением за выполняемую гостями сообща работу. Конечно, в этом обычае нет ничего принудительного, и кто не хочет, не обязан являться на приглашение. Но лицо, воспользовавшееся услугами соседей, несет нравственное обязательство приходить на помощь ко всем, кто подсоблял ему.

Помочь, еще сохраняющаяся ныне как явление экстраординарное и все более и более выходящее из употребления, играла, очевидно, гораздо более важную роль в прежние времена, когда земледельческие поселения были рассеяны среди девственных лесов, где работа пионера была делом повседневным. Но даже и тогда этот обычай являлся лишь социальным переживанием, намекавшим на предшествующую эпоху более тесной коммунистической кооперации и вместе с тем подчеркивавшим завершившееся уже обособление домохозяйств, из которых состояла община. Другими словами, помочь, будучи, несомненно, переживанием первобытного общинного строя, служит в то же время признаком распада первобытной общины на отдельные домохозяйства.

Нужно, однако, заметить, что русская семья не тождественна с римской семьей или производными ее формами. Римский *paterfamilias*—неограниченный владыка над всем живущим под его *patria potestas*, он—неограниченный собственник всего семейного имущества, хотя бы это имущество являлось плодом личного труда отдельных членов семьи. С другой стороны, современная семья—лишь союз индивидуумов, имеющих свои индивидуальные права, признанные законом, хотя иногда и без некоторых ограничений в пользу главы семейства. Русская крестьянская семья, наоборот, представляется настоящим коммунистическим общежитием. Все движимое имущество, принадлежащее семье, равно как и весь доход ее, составляют коллективную собственность семьи, а не главы ее. Сказанное относится даже к тем частям империи, где сельская община исчезла задолго до освобождения крестьян. В Малороссии и Белороссии, как и в других местностях, Положение 1861 г. лишь санкционировало деревенские учреждения, выросшие на почве крестьянского обычного права. И вот, земля и здесь была отведена в надел семейству, а впоследствии сенатом разъяснено, что земля принадлежит не домохозяину, а всей семье в совокупности.

Мало того, старинная русская семья и численностью своею сильно походила на общину. Г. Красноперов в «Отечественных записках» за 1882 г. описал семью, найденную им в Могилевской губернии. В этой семье насчитывалось 99 человек; она состояла из бабушки с сыновьями и женатыми внуками. Все они жили вместе и работали сообща. Подобные семьи в наши дни составляют, правда, редкое исключение, но в прежнее время они были явлением всеобщим.

Итак, общинное владение землей за пределами семьи, полный коммунизм внутри семьи—таковы основные элементы деревенского строя на заре русской истории.

Появление и рост частной поземельной собственности вскоре начинают суживать область сельской поземельной общины.

На первых ступенях человеческого развития кооперация необходима для успеха в борьбе за существование, которую человек ведет изо дня в день с окружающей природой; и размеры земле-владения, будь оно коллективное, либо частное, должны открывать достаточный простор кооперации. Поэтому частная поземельная собственность впервые является в истории в форме крупного земле-владения. Но пока население редко и незанятая земля фактически доступна всякому, захватывать обширные земельные пространства представляется делом бесполезным, если нельзя принудить земледельца работать на помещичьих полях. И действительно, частная поземельная собственность в ранние периоды истории идет рука об руку с личной зависимостью хлебопашца.

В Московском государстве мы находим две формы частной поземельной собственности—*вотчину* и *поместье*.

Поместье было институтом государственного права, вотчина обязана своим происхождением праву частному и возникает в более древнюю эпоху. Вотчины встречаются в Новгородской земле и в других удельных княжествах еще до завоевания их великими князьями московскими. Происхождение этой формы собственности тесно связано с развитием рабства в древней России. Рабство, подобно вотчине, было частноправовым институтом, проистекающим из договора займа. Уплата долга, как в римском праве, обеспечивалась личностью должника. Бесспорно, это было единственное обеспечение, возможное в историческую эпоху, когда поземельная собственность приобретала ценность лишь в том случае, если к ней прилагался человеческий труд. Как в Риме, война на Руси служила постоянной причиной, ставившей крестьянина в необходимость заключать займы. Как в Риме, в течение первых столетий русской истории едва ли найдется двухлетний промежуток непрерывного мира. Разоренье, являвшееся последствием войны, принуждало обыкновенно крестьянина отчуждать свою свободу, «лучшему человеку» (*vir bonus, callosus & χηχιδός*), который снабжал его скотом, семенами и орудиями. Продавал себя крестьянин или на срок, на известное число лет, или на всю жизнь; с течением времени рабское состояние сделалось наследственным. Труд этих рабов (закупов, кабальных холопов) кредитор употреблял на обработку своих полей или на расчистку новых земель из-под леса. Среди дикой природы первобытных лесов такие участки возделанной земли обладали уже известной ценностью, которая и привлекала поселенцев. Таким представляется нам происхождение вотчин в России в течение удельно-вечевого периода.

Однако, предоставленное личному почину на почве частных правоотношений распространение частной поземельной собственности, как и число рабов, оставалось сравнительно ограниченным. Лишь

в качестве политических институтов частное землевладение и личная зависимость крестьянина сделались основами социальной жизни в России.

Зародышем, из которого развилась русская частная поземельная собственность, было поместье.

Не только в России, но и во многих других странах, частная земельная собственность выросла на почве государственно-правовых отношений. Государственная земля (*ager publicus*) давалась первоначально в пользование чиновникам, в вознаграждение за службу и для пользы службы. По мере того, как должности становятся наследственными и отношения, вытекающие из управления общественными делами, развиваются в личную зависимость простого народа от должностных лиц, владение землей по праву службы делается наследственным и затем превращается в частноправовой институт. Дальнейшим шагом было освобождение землевладельца от обязанности нести государственную службу, связанную с владением землею. Таким-то образом последнее получило независимый характер. С другой стороны, принадлежавшее народу неограниченное право на землю, с дальнейшим ходом исторического развития, уступило место владению зависимому. Наконец, с отменой личной зависимости крестьянина было погашено и его право на землю.

Такою представляется с высоты птичьего полета эволюция частной собственности в большинстве европейских стран. В России ход развития, в существенных чертах, был тот же самый.

Древняя удельно-вечевая Русь не знала твердого правительства. Князь избирался и низлагался народом, и среди раздоров между враждующими партиями буйных граждан трудно было ему удержаться на княжеском столе два года подряд. Обыкновенно князья всю свою жизнь переезжали из одного княжества в другое, а за ними следовала и вся их дружина. Война была их главным занятием, война же была для них и главным источником доходов. Кроме того, с конфискацией судебных функций, часть виры, уплачиваемой осужденным потерпевшей стороне, стала поступать в княжескую казну и шла на раздачу княжеской дружине. Между князем и дружиной, с одной стороны, и землею, с другой, не существовало никаких связующих уз, доколе бродячий выборный князь не уступил своего места великому князю московскому и государю всей Руси. Борьба с татарами, длившаяся два века, способствовала росту централизации и монархической власти, и прежний вольный княжеский дружинник превратился в государева служилого человека.

Государство в древней Руси всегда было самодовлеющей силой, требующей себе службы от каждого, с своей же стороны никому и ничему не обязанной. Если государство и брало на себя пресечение преступлений, то не столько в интересах правосудия или для защиты населения, сколько для целей фискальных или в видах государственной безопасности, которой угрожали воровские и разбойничьи шайки. Обязанностью служилого человека было преследо-

вать лихих людей, охранять границы от набегов кочевников и являться, в случае войны, в государевы войска с положенным числом ратных людей. Чтобы доставить дворянину средства на содержание отряда и вообще для отправления службы, он верстался участком земли «в поместье». Селившийся на этой земле крестьянин обязан был платить известный оброк (натурой) дворянину, которому государство делегировало право взимания податей. Однако добиться исправной уплаты оброка было дело не легкое, ибо крестьянин мог уйти со своего места, когда вздумается, раз платежи становились ему невтерпеж.

Даже и в современной России, в многоземельных местностях, земледелие в значительной степени носит кочевой характер. Поле обрабатывается без перерыва года два-три, затем крестьянин бросает его и переходит на свежий участок. Лишь лет через двадцать крестьянин вернется, пожалуй, на прежнее место, но бывает и так, что он опять перебирается на новую землю.

В старые годы в пределах Европейской России переселения были так же легки, как теперь в Сибири. Такое положение дел вызвало конкуренцию среди дворян, которые наперебой друг перед другом понижали платежи, взимаемые с крестьян. Дворянину, не переставая, жаловалось, что ему «не с чего править государеву службу», пока не будет конца такому самовольству со стороны крестьян. Чтобы обеспечить исправное несение сословиями государственного тягла, свобода перехода с места на место была сперва ограничена, а впоследствии постепенно и совсем уничтожена. Вольный крестьянин сделался крепким земле. Но эта зависимость имела свое основание всецело в отношениях государственного права. Крестьянин подчинен был дворянину не в интересах дворянина, а для пользы государства. Единственным ограничением гражданских прав, в котором выражалась для крестьянина его зависимость, было запрещение переселений, да и в этом отношении не было разницы между крестьянином и дворянином, ибо и последнему не дозволено было покидать свое поместье. В течение московского периода русской истории крестьянин рассматривался как гражданин и пользовался защитой государства против злоупотреблений властью со стороны помещика. Последний не был даже собственником земли; она принадлежала государству, или царю, как олицетворению государства. Земля давалась помещику за службу и только пожизненно и могла быть во всякое время отобрана в казну за нерадение. Однако, так как и сын помещика поступал на царскую службу, то мало-помалу вошло в обычай верстать сына отцовским поместьем. Таким-то образом поместье сделалось наследственным.

Петр Великий сгладил все различия, характеризовавшие предыдущую эпоху. Заставив каждого землевладельца поступать на государственную службу и установив единообразный порядок наследования во всякого рода недвижимых имуществах, принадлежавших дворянству, он слил воедино вотчины и поместья. С другой стороны, обложив крестьян подушной податью и сделав землевла-

дельца ответственным за исправный платеж этой подати, он сравнял рабов и крепостных и поставил последних в личную зависимость от помещика. Преемники Петра ограничили гражданские права крестьян и лишили их права жаловаться в суд на господ. В то же время господам дано было право ссылать своих крестьян в Сибирь и продавать их, даже с разлучением жены от мужа, детей от родителей. С другой стороны, после Петра Великого обязательность службы для дворян постепенно ослаблялась и, наконец, совсем была отменена Петром III в 1762 г.

Этим-то указом частная собственность на землю и крепостная зависимость и были наконец признаны в России институтами частного права. Но тотчас же после дарования Петром III «жалованной грамоты дворянству» и крестьян начал волновать вопрос о воле. Три поколения—период слишком краткий, чтобы насадить в крестьянском мозгу новые начала, внесенные в социальные отношения петербургскою эпохою. Консервативный ум крестьянина сроднился со старыми представлениями, соответствовавшими московскому обычному праву. Он не знал императора,—для него все еще существовал царь, владеющий всеми землями в своем государстве для блага своего народа. Дворянин обязан служить царю, крестьянин обязан доставлять необходимые для этого средства. Отсюда—крепостная зависимость и поместное владение. Да и подлинно, таким ли устарелым оказывался этот взгляд для XVIII века? Не каждый ли день жаловались большие имения господам за службу царю? Ну, а раз,—думал народ,—дворянин по царской милости освобожден от службы, нет более никакого основания, которое давало бы дворянину право удерживать землю за собою, нет никакого основания и крестьянина держать в зависимости от барина... После этого,—рассуждал народ,—вполне понятно, почему дворяне составили заговор против Петра III. Когда, мол, «царю-батюшке» удалось избежать грозившей ему опасности, господа выдумали, будто он умер. Но, к счастью, после 11 лет изгнания Петру Федоровичу удалось, наконец, набрать себе войнство из верных подданных, готовых помочь ему возвратить незаконно отнятый у него престол. Кончится война, и народу все милостивейше пожалованы будут земля и разные вольности... Так рассуждали многие из крепостных.

Легенда нашла себе благодарную почву в уме крестьян, которые затем под предводительством Пугачева целый год держали в своей власти половину России. Было бы, конечно, слишком смело искать непосредственной связи между кровавым восстанием 1773—74 гг. и обсуждением вопроса об освобождении в «комиссии для составления нового уложения», созданной Екатериной II в 1767 г. Однакож заслуживает внимания то, что вопрос об освобождении крестьян вообще был поднят и что за освобождение высказался в комиссии представитель донских казаков, которым вскоре выпало стать во главе восстания. И действительно, некоторые из лиц, бывших в комиссии депутатами от казаков, принимали впоследствии участие в бунте. Подавление последнего повело

к расширению пространства крепостного состояния. Так в царствование Екатерины II около миллиона государственных крестьян отдано было во владение помещикам за военные, гражданские, либо личные заслуги.

Царствования преемников Екатерины II отмечены непрерывным рядом крестьянских бунтов, аграрных преступлений и полумер со стороны правительства, направленных к ослаблению крепостных уз. В то же время, по окончании наполеоновских войн, освободительные идеи начали распространяться среди высшего поместного сословия. Одной из главных целей декабристов была, как всем известно, отмена крепостного права. Подавление восстания 14 декабря 1825 г. не остановило распространения освободительных идей, которые через посредство Жуковского, воспитателя императора Александра II, проникли во дворец.

Сознание политической необходимости освобождения для охранения государственного порядка еще более утвердилось в умах правящих классов, благодаря всеобщему возбуждению, охватившему крестьянство вслед за Крымской войной и разразившемуся по всей стране множеством бунтов самого тревожного характера. «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собой начнет отменяться снизу», — с этими историческими словами обратился Александр II к московскому дворянскому собранию 31 августа 1858 г. Подобная политическая дальновидность императора опиралась на то, что экономические условия уже созрели для преобразования. Действительно, после Крымской войны правительству стало ясно, что Россия с ее устарелыми путями сообщения не могла играть выдающейся роли в «европейском концерте». Между тем вполне очевидно было, что обширная сеть железных дорог не может питаться одним земледелием в стране, где девять десятых населения — крепостные либо государства, либо помещиков, которым приходится из своих скудных доходов поддерживать обширное военное государство и аристократию. Промышленность и торговля были необходимы для удовлетворения государственных нужд. Освобождение крестьян являлось средством для привлечения отечественных и иностранных капиталов к русской промышленности. Давая деньги в руки помещикам, предполагали дать толчок развитию земледелия и тесно с ним связанных производств. Путем освобождения 20 миллионов крепостных создавался класс наемных рабочих для промышленных предприятий.

Экономическое значение реформы 19 февраля 1861 г. заключается в том, что, с одной стороны, она завершила эволюцию частной поземельной собственности, с другой, одним ударом произвела в широких размерах экспроприацию крестьянства.

До освобождения некоторое подобие разграничения между землей помещичьею и крестьянскою существовало лишь в барщинных имениях. Но и тут это разграничение не было ясно обозначено, так как крестьяне пользовались правом пастьбы сообща с помещиком и правом рубки дров на топливо в помещичьем лесу.

Кроме того, разделение не могло проводиться строго уже потому, что помещик мог по своему произволу заменять барщину оброком. Оброчная система преобладала во многих имениях. В последних помещик пользовался лишь правом верховной собственности (*Obereigenthum, dominium ex jure Quiritium*), крестьянам же принадлежало действительное владение (*Nutzeigenthum, dominium ex jure gentium*). Теперь же отрезка в пользу помещиков обширных пространств земли, находившихся при крепостном праве в пользовании общины, прекратила общинное владение в частную дворянскую собственность. Обрабатывавший эту землю хозяин превратился в арендатора или наемного работника.

В эпоху освобождения среди дворянства существовала партия, которая добивалась еще более решительной реформы в указанном направлении. В соответствии с волеизъявлениями этой партии предложено было превратить всю землю в частную собственность помещиков, оставив крестьянину только усадебную оседлость. Но по зрелом обсуждении этот радикальный план был оставлен из опасения, чтобы осуществление его не повлекло серьезных нарушений общественного спокойствия.

Несомненно, что начала, положенные в основание реформы, не отвечали стремлениям крестьян, которые крепко держались взгляда, выразившегося в поговорке: «Мы ваши, а земля наша». Отсюда—значительное разочарование крестьянства в реформе, не давшей удовлетворения их заветным надеждам. А так как, по их представлению, земля царская и неправильно захвачена господами, то можно ли еще сомневаться, что дворяне и чиновники «сговорились» идти против царской воли... Тут мы подходим к источнику слухов о переделах, получивших широкое распространение среди крестьянства в первое 25-летие после освобождения.

Чтобы предотвратить острые вспышки народного недовольства, правительство старалось действовать гуманно и избегало слишком решительных мер.

В угоду поклонникам ирландской системы землевладения, каждому обществу предоставлено было на выбор—пойти на выкуп или согласиться на «дарственный надел», равный четверти нормального надела; выкупа за «дарственные наделы» не полагалось, и они сразу поступали в полную собственность крестьян.

Равным образом правительство не признало уместным немедленно уничтожить общинное землевладение, хотя и считало его препятствием на пути сельскохозяйственного прогресса. Везде, где существовало общинное владение, земля отводилась в надел обществу. Но вместе с тем открыт был путь к самопроизвольному и постепенному разложению общины. Усадебная оседлость была объявлена собственностью семьи. Далее, общине дано было право разверстывать землю на подворные участки по приговору двух третей домохозяев. Наконец, каждому домохозяину предоставлено было, по уплате единовременно всей выкупной ссуды и выполнении известных формальностей, выделять свой надел из общественного владения в личную собственность. Рассчитывали, что стоит

только открыть путь к разложению общины, и частная собственность не замедлит вытеснить общинное владение. Ожидания эти, однако, оправдались лишь в весьма скромных размерах. Причина лежит в том, что правительство не решалось совершенно порвать со старым порядком.

Чтобы смягчить оппозицию дворянства, выкуп земли сделан был необязательным. Государство приняло на себя роль посредника между дворянином и крестьянином на известных нормальных условиях. Но соглашение оставлено было на волю сторон. Только дворянину дано было преимущественное право требовать обязательного выкупа земли на условии скидки одной пятой доли с нормальной оценки. В случае, если такого требования им не предъявлялось и добровольного соглашения состояться не могло, крестьянин оставался во временной зависимости от своего прежнего господина. Повинности заключались в платеже оброка или в принудительном труде. Это смягченное крепостное состояние продолжало существовать во все царствование Александра II и было уничтожено лишь в 1883 г. До прекращения обязательных отношений разрушительное влияние «Положения о выкупе» не могло коснуться общины временно обязанных крестьян. Но, каковы бы ни были последствия сохранения временной зависимости, старая фискальная система, действующая и поныне, оказывала общине гораздо более существенную поддержку. Мы не станем критиковать русскую финансовую систему с точки зрения справедливости в распределении податных тягостей. Закон самосохранения — первый закон всего сущего. Для покрытия многомиллионных расходов приходится брать деньги, где только можно взять. Где же взять их в России? Государство может облагать или производителя, или потребителя, или того и другого. Где же искать производителя для целей обложения? Не в сфере ли пидустрии, поощряемой при помощи премий и запретительных тарифов? Не среди ли дворянства, для которого государство учреждает поземельные банки и пр.? Остается — крестьянин. Что касается потребителей, то из них 80% составляют крестьяне, на которых и падает большая часть косвенных налогов¹. Словом, падает ли податное бремя на производителя

¹ По государственной росписи на 1892 г. косвенные налоги исчислены в таком размере:

	1892 г.	1891 г.
§ 4. Питейный доход	242 570 981 руб.	259 550 981 руб.
§ 7. Нефтяной »	10 026 800 »	9 528 500 »
§ 8. Спичечный »	4 720 000 »	4 524 000 »
§ 5. Табачный »	27 741 102 »	28 213 102 »
§ 6. Сахарный »	21 174 000 »	20 161 000 »
§ 9. Таможенный »	110 900 000 »	110 929 000 »

(См. «Правительственный Вестник» 1892, № 1). Налоги, перечисленные в §§ 4, 7 и 8, уплачиваются главным образом, конечно, крестьянами, составляющими большинство потребителей, а доходы по этим параграфам простираются от 62 до 63% общей суммы доходов от косвенных налогов.

или потребителя, на долю русского крестьянина неизбежно придется львиная часть в платеже налогов.

Что же получается?

Большую сенсацию произвела в 1877 г. книга проф. Ю. Э. Янсона «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах». Пользуясь докладом «комиссии для исследования сельского хозяйства и сельской производительности в России» (1872 г.) и трудами податной комиссии, он показал, что сумма взносов крестьянином платежей значительно превышала частный доход с его земли¹. Это значит, что крестьянину было прямо невыгодно владеть землей, ибо часть податей ему приходилось покрывать из заработной платы, между тем как, бросив надел, он пользовался бы своим заработком сполна, исключая незначительную подушную подать. Но он этого сделать не мог: выполнение крестьянином его обязанностей по отношению к государству было обеспечено стеснением его личной свободы. В случае накопления недоимки, ему не выдавали паспорта, и он не мог отлучаться дальше 30 верст от места жительства, под страхом препровождения домой по этапу. Но пусть крестьянин откажется от права передвижения — накопление недоимок неизбежно влечет за собой публичную продажу его имущества и телесное наказание². Кроме того, все члены общины отвечают круговой порукой за исправную уплату податей, причитающихся по окладу со всей общины. Поэтому везде, где подати превышают земельную ренту³, попрежнему крепка прадедовская вера в авторитет общины, и в деле распределения земли блудится самая щепетильная справедливость: «чтобы носок в пятку попадал». Размер надела строго соотнобразуется с числом мужских душ в семье, или с числом работников (в возрасте от 15—18 до

¹ В Новгородской губернии бывш. госуд. крестьяне уплачивали в виде податей весь чистый доход со своей земли, а бывш. помещичьи на 61—465% больше чистого дохода. В Петербургской губ. платежи превышали чистый доход на 34%, в Московской — на 105%.

Превышение платежей над чистым доходом:

Губернии	% у бывш. госуд. кр-н	% у бывш. помещ. кр-н
Тверская	144	152
Смоленская	66	120
Костромская	46	140
Исковская	30	113
Владимирская	68	176
Витебская	3	100

В черновском районе разница простиралась от 24 до 200% для бывш. помещичьих крестьян, бывш. же государственные платили в виде податей от 30 до 148% чистого дохода с земли (Янсон, стр. 35—36, 86).

² Телесное наказание за долги («правеж») является институтом русского права, носящим на себе печать глубокой старины. Быть может людям, проникнутым «народной гордостью», и лестно относить этот институт к числу проявлений «самобытного русского духа», но он к сожалению встречается и у некоторых других народов на известной ступени исторического развития.

³ Рента тут не фактическая величина, ибо сдача крестьянам своих наделов в аренду — явление обыденное.

55—60 лет), порою даже с числом «едоков», и демократизм в таких случаях доходит до отрицания всяких различий между мужскими и женскими «ртом». Сроки переделов различны, смотря по угодьям. Луга переделываются каждое лето, пашня—через более продолжительные промежутки. Но тем временем по тем или другим причинам в распоряжении общины может очутиться пустопорожня земля. В то же время могут оказаться другие «сильные» семьи, которые в состоянии нести платежи за прибавочную полосу земли. В таких случаях община производит частную переверстку. Через некоторое время, с увеличением числа частных переверсток, запутанность и неравенство в распределении земли вызывают новый общий передел. Оптимисту, поклоннику общины, представляется, что вот, невзирая на неблагоприятную среду, она пустила твердые корни в земле.

Однакож, несмотря на соблюдение строжайшей точности при распределении земель, в чем проявляется преобладание мира над частными интересами, равновесие деревенской общины нужно признать крайне неустойчивым, так как оно покоится на таком шатком основании, как чрезмерное обложение земли. Экономическое развитие России между тем клонится к уничтожению несоответствия между доходностью земли и податями.

Благодаря изъятию половины земли из владения общины, крестьянин поставлен был в необходимость искать земли или заработков вне своего надела. В видах обеспечения землевладельцев рабочими руками переселение бывших помещичьих крестьян в многоземельные местности было обставлено массой канцелярской формальности, что фактически равнялось запрещению. Кроме того, в 1866 г. эмансипация государственных крестьян повела за собой отмену старого закона, поощрявшего переселение, при известных условиях, выдачей пособия от государства. «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости», примененное в 1866 г. и к бывшим государственным крестьянам, принесло им новое ограничение их личных прав.

Крестьяне очутились привязанными таким образом к месту своего рождения. Но увеличение спроса на землю сказалось и на крестьянских наделах—поднятием их арендной ценности, которым нейтрализуются последствия чрезмерного податного обложения. Так постепенно падает влияние фискальной системы, задерживающее разложение деревенской общины.

Г Л А В А I

ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА

Район, выбранный для исследования.—Формы владения землей. Община.—Четвертное землевладение.—Его история.—Превращение его в общинное землевладение.—Мнение русских ученых о происхождении общинного землевладения.

Область, выбранная мною для исследования, обнимает два уезда Рязанской губернии—Данковский и Раценбургский. Они распо-

ложены в Средней России, между 53° и 53°31' северной широты, 38°40' и 40°10' восточной долготы, и имеют умеренный климат. Почва здесь по большей части чистый чернозем: он составляет 69% общего количества находящейся во владении крестьян земли (113 681 дес. из 164 361—в Раненбургском, 89 376 дес. из 130 082—в Данковском уезде).

По данным земской статистики, собранным в 1882 г., крестьянского населения в этой области насчитывалось 36 126 семей, состоящих из 232 323 душ мужского и женского пола и живущих в 653 сельских обществах.

Общинное землевладение является здесь преобладающей формой владения землей. Право собственности принадлежит общине, причем земля или находится в общем пользовании или равномерно распределяется между общинниками на основаниях, определяемых общиной.

В настоящее время одно только пастбище остается в нераздельном пользовании всех членов общины. Пахотная земля и луга переделываются и находятся во временном владении отдельных домохозяев; но после жатвы и сенокоса они возвращаются в общинное пользование—для пастбы скота. Однако, рядом с поземельной общиной мы встречаем здесь еще своеобразную форму наследственного владения, известную под названием «четвертного землевладения»¹. Различие между общинным и четвертным землевладением состоит в том, что при первом надель устанавливается миром, а при последнем они определяются в зависимости от прав наследования, дарения и т. д. Однако, отдельному лицу здесь, точно так же как и при общинном землевладении, принадлежит не самая земля, а известная идеальная доля в общем владении. Пахотная земля, хотя и рассматривается законом как частная собственность, фактически переделывается обществом по тем же самым правилам, как и при общинном землевладении; паст-

¹ Численное отношение между этими двумя формами землевладения показано в следующей таблице:

Наследственное владение

Уезды	Общества бывш. госуд. крестьян		Дворы		Земля	
	число	в %	число	в %	число	в %
Раненбургский	25	48	1 639	21	21 236	24
Данковский	21	54	2 180	41	32 539	50

См. *К. Панкеев*, Четвертное землевладение (в «Русской мысли», 1886, кн. 2, стр. 50). Статья эта предназначалась первоначально для «Сборника статистических сведений по Рязанской губернии», издание которого было приостановлено рязанским земским собранием.

бище, лес и луга находятся во владении всего общества. Леса и луга переделаются ежегодно. При дележе последних не все деревни придерживаются одинаковых принципов: в одних доли отдельных домохозяев соотносятся с размером четвертных участков пахотной земли, в других они равны. Пастбищем пользуются сообща.

Вполне установлено, что общинное землевладение, наблюдаемое теперь у большинства государственных крестьян рассматриваемого района, представляет собою явление очень недавнего происхождения, развившееся из наследственного владения¹.

В XVI и XVII вв. нынешние среднерусские губернии были порубежными областями московского государства, прилежавшими к владениям Порты и малорусской военной республики. В видах защиты окраин, по границе были поселены земледельцы, составившие нечто вроде народного ополчения. По тогдашнему обычаю они были поверстаны землей на поместном праве. Постепенное преобразование поместья в вотчину путем законодательства не коснулось, однако, этого разряда поместных владельцев, так как они не числились в дворянском сословии. Тем не менее процесс преобразования совершился и здесь благодаря естественному действию экономических сил. Г. Панкеев не указывает в своей статье причин, вызывавших частую продажу мелких поместий в течение XVIII века. Так как время это совпадает с периодом, в продолжение которого все силы страны были доведены до крайнего напряжения наступательной политикой тогдашнего правительства, то можно считать вполне вероятным, что мобилизация земли *однодворцев* (такое название получили упомянутые поселенцы с 1719 г.) обусловливалась лежавшими на них податными тягостями. С другой стороны, правительственная политика, по отношению к этому классу землевладельцев, была направлена к уравниванию их с крестьянами. Отчуждаемость земли шла, очевидно, в разрез с этими видами правительства, ибо благодаря ей многие однодворцы становились безземельными. Отсюда попытки положить предел мобилизации однодворческой земли, выразившиеся в целом ряде указов, запрещавших продажу земель, состоявших во владении однодворцев. В видах точного исполнения этих указов, правительство в 1766 г. преобразовало способ наделения однодворцев землей наподобие общинного порядка, какой издавна применялся у крестьян. Последовало распоряжение, чтобы впредь земля отмежевывалась «в одну округу» целой деревне, а не отдельными участками на каждого домохозяина, как делалось раньше. В то же самое время было запрещено и отчуждение наделов. Таким образом обществу предоставлялось распределять землю между своими членами. Распределение основывалось сперва на размерах индивидуального владения прежнего времени; но оно приводило обыкновенно, через несколько посредствующих форм, к установлению общинного землевладения. По сведениям, собранным министерством государствен-

---

¹ Панкеев, там же, кн. 3, стр. 28.

ных имуществ, в 50-х годах однодворцы, по форме владения землей, разделялись следующим образом¹:

Форма владения	Число душ	
	мужск.	и женск. пола
Четвертное	452	508
Общинное	533	201

Во всех деревнях, населенных этими 533 201 крестьянином, общинное землевладение явилось на смену господствующему некогда четвертному владению. По данным переписи, произведенной правительством в 1849 г., в Рязанской губернии было 287 деревень, населенных однодворцами. По формам землевладения они разделялись так:

Формы землевладения	Число деревень	Число душ мужск. и женск. пола	Земли в десятинах
Четвертное	176	11 265	64 811
Общинное	56	21 283	84 448
Смешанное	55	12 627	49 508

Здесь общинное землевладение развилось также из четвертного. Процесс этот совершался и после 1849 г., не остановившись даже и после реформы 1866 г., когда земля, принадлежащая бывшим однодворцам, признана была их частной отчуждаемой собственностью. Прогрессивное развитие общинного землевладения от 1849 до 1882 г. можно видеть из следующей таблицы²:

Размеры четвертного владения

	Население (мужск. и женск. пола)	
	1849 г.	1882 г.
Ряненбургский уезд	49 714	4 213
Данковский »	10 509	6 089

В резком противоречии с взглядами, общепринятыми среди новейших писателей, оказывается здесь обратное историческое

¹ К. Панкеев, Четвертное землевладение, кн. 3, стр. 33.

² Там же, стр. 27. Цифры показывают численность населения в деревнях, где крестьяне владеют землей на четвертном праве. Население 1849 г. показано согласно девятой ревизии (1846), население 1882 г. по десятой ревизии (1858). Размеры частной собственности оказались бы преувеличенными, если бы сравнение сделать с результатами переписи 1882 г. Если не принимать в расчет увеличения населения в промежутке времени между девятой и десятой ревизией, то результаты сравнения выступают рельефнее.

соотношение между двумя указанными формами землевладения. Этот факт может, повидимому, считаться новым аргументом в пользу теории, которая рассматривает земельную общину, как производную форму владения, обязанную своим происхождением политике государства. Б. Н. Чичерин, автор этой теории, утверждает, что земельная община вызвана к жизни указами Петра I, устанавливающими подушную подать и круговую поруку всех членов общества в исправной уплате подати.

Всестороннее рассмотрение этого спорного вопроса не входит в задачу нашего исследования, ибо каково бы ни было происхождение поземельной общины, ее существование в течение последних двух столетий составляет факт неоспоримый, да и заниматься здесь мы намерены лишь пореформенным периодом. Кроме того указанная теория возникла в эпоху, когда изучение истории русского крестьянства только что начиналось. За последние 30 лет эта специальная отрасль исторической науки сделала громадный шаг вперед, и взгляды профессора Чичерина уже отвергнуты исследователями истории русского права. Немногих замечаний будет достаточно для целей нашего очерка, так как теперь никто уже не верит, будто земельная община явилась, подобно Минерве, из головы какого-нибудь административного Юпитера.

В стране развитого индивидуализма едва ли возможно представить круговую ответственность в уплате налогов. Она предполагает такое состояние общества, где в социальных отношениях за единицу принимается не индивидуум, а группа. А таково именно и было социальное положение России около XVII века. Земский собор служил представителем не индивидуальных избирателей, как при современном конституционном правлении, а целых общин. Такие соборы созывались в экстраординарных случаях; одной из задач их являлось обложение некоторыми добавочными налогами общин, представленных на соборе, но никогда—отдельных плательщиков. Даже наказания налагались *in solido* на общину, когда находили мертвое тело, или обнаруживалось другое какое преступление, а виновник оставался неотысканным. Коллективное владение землей является неразлучным спутником, если не материальным базисом, таких социальных отношений.

Изучение развития поземельной собственности у дворян поведло однако же к возрождению воззрений проф. Чичерина, поскольку дело касается этого разряда русского крестьянства. Проф. В. О. Ключевский высказал мнение, что развитие общинного землевладения вызвано политикой правительства, которое в этой форме владения видело средство к обеспечению фискальных интересов. Тот факт, что правительство вмешивалось в порядок распределения земли между дворянами, а равно и в куплю-продажу их участков, повидимому подтверждает это мнение. С другой стороны, известный историк русского крестьянства В. И. Семевский полагает, что общинное землевладение создано по инициативе самого крестьянства, которое пришло к заключению, что эта форма владения лучше удовлетворяет его нуждам, чем

четвертное. Правительство действовало лишь согласно с желаниями крестьянства, нашедшими себе выражение в бесчисленных прошениях и земельных тяжбах, и давало санкцию закона результатам экономического развития.

Г. Панкеев, статистик, склоняется к последнему мнению. Исследования земских статистиков показали, что борьба из-за формы владения землей была очень упорна и тянулась долгие годы. Нередко спорящие стороны прибегали к насилию. Судебные места были завалены бесконечными тяжбами, и часто суды и правительство решали дело в пользу четвертного землевладения. Стало быть, еще вопрос, насколько действия правительства способствовали установлению общинных порядков. Кроме того, развитие общинного землевладения из четвертного в пореформенную эпоху, когда правительственная политика прямо благоприятствовала развитию частной собственности, рассматривается русскими народниками как доказательство живучести общинного духа среди крестьянства. Тогда как защитники капиталистического сельского хозяйства, с одной стороны, и русские марксисты, с другой, указывают на прогрессирующее разложение русской деревенской общины, — в глазах народников пример четвертного землевладения является доказательством в пользу совершенно противоположного воззрения. Г. Панкеев утверждает, что в настоящее время четвертное землевладение не может считаться формой вполне установившейся. В деревне безостановочно идет скрытая борьба между богатым и бедным, подобная той борьбе, которая раньше вела к победе общинных порядков, и кажется весьма вероятным, что общинное владение скоро восторжествует над четвертным по всей линии.

Однако, мне кажется, возможно еще третье мнение. Рассматриваемый случай едва ли позволительно считать переходом от частной поземельной собственности к общинному землевладению; не может он следовательно служить и аргументом в пользу теории, по которой общинное землевладение служит продуктом политики правительства.

Как справедливо утверждает г. Панкеев, четвертное землевладение, даже в теперешнем его виде, соединяет зараз и черты частной и черты общинной собственности.

Сходство этой формы землевладения с германскою маркою бросается в глаза. В марке, как и у четвертных крестьян, пастбище находится в нераздельном пользовании всего общества; с другой стороны, и тут и там пахотная земля находится в подворно-наследственном пользовании; наконец, периодически переделываемые угодья (луг, лес) как здесь, так и там, распределяются пропорционально подворно-наследственным долям отдельных домохозяев. И если германская марка относится к формам общинного владения, то правильно ли подводить четвертное владение под категорию частной собственности.

Если мы припомним, как возникло четвертное владение, мы найдем, что даже поместья, доставшиеся служилым людям в XVI и XVII вв., нельзя рассматривать как частную собственность.

Земля давалась во временное или наследственное пользование; право собственности оставалось за государством. Пастбища, лес и луга нарезывались в одной меже целой деревне, а не каждому служилому человеку отдельно. Одна только пахотная земля отводилась каждому отдельными участками. Хотя эти участки путем наследования, дарения и т. д. и переходили к отдельным лицам, однако это нельзя считать доказательством в пользу существования частной собственности на землю. Нужно иметь в виду, что в России везде, где свободной земли много, владение ею основывается на праве заимки. В Сибири подобные участки переходят от отца к сыну или дочери, совершенно так же, как это было в обычае у однодворцев лет сто назад. И тем не менее всеми исследователями русской деревенской общины такие порядки рассматриваются как землевладение общинное, а не индивидуальное, ибо верховное право на землю принадлежит общине. Пока нет недостатка в земле, это право проявляется в пользовании жнивьем как общим выгоном после жатвы. Лишь только с приростом населения земли становится слишком мало, чтобы допускать неограниченное пользование правом захвата, община заявляет свое верховное право посредством раздела заимок. В районе, исследованию которого посвящен наш очерк, право первого захвата¹ действовало еще в начале XIX в., и стремление к разделу пахотной земли начинается с того времени².

В рассматриваемой местности мы можем наблюдать различные виды землепользования, являющиеся последовательными ступенями в процессе перехода от захватного владения к пределам пахотной земли. Мы находим здесь первоначальную форму—четвертное владение, и заключительную форму—равномерный раздел земельных угодий обществом между его членами, находим и промежуточную стадию развития, когда одна часть земли разделяется на неизменные наследственные доли, а другая на равные участки между всеми членами общины.

¹ См. *В. Григорьев*, Доклад XVII рязанскому губернскому земскому собранию, стр. 5, и Переселения крестьян Рязанской губ.

В Восточной России раздел пахотной земли—факт очень недавнего происхождения. В Сибири он совершился не далее как за два поколения до настоящего времени, и даже до сих пор в очень многих округах общиной не установлено никаких ограничений для свободного пользования землей каждым из ее членов. Однако подушная подать введена была здесь также около 200 лет назад. Этот факт, как мне кажется, доказывает, что введение названной подати вызывает уравнительный раздел земель лишь там, где земли мало. Отсюда можно сделать вывод, что к установлению пределов ведет не подушная подать, а недостаток земли в наиболее населенных местностях. С этой точки зрения раздел земель является естественным фазисом в эволюции общинного землевладения. Ср. об этом замечания проф. Эшли (*W. J. Ashley*) в его введении к книге Фюстель-де-Куланжа о «Происхождении собственности на землю» (английск. изд. «*The Origin of Property in Land*», p. XLVII—XLVIII).

² Г. Панкеев делает в одном месте намек на аналогию между развитием четвертного землевладения в общинное и превращением права первого захвата в общинную собственность в Повороссии и в Воронежской губ. (там же, кн. 3, стр. 35, прим.). Но аналогия эта остается у него без дальнейшего развития.

В Данковском и Раненбургском уездах, в тех общинах, где преобладает эта промежуточная форма владения, 44% всей земли (включая сюда выгон, лес и луг) считается теперь общинной собственностью. Прежде вся эта земельная площадь служила общим пастбищем. Когда начинал чувствоваться недостаток в земле, разные участки общинного выгона занимались отдельными домохозяевами и обращались в пашню. Эта пахотная земля прежде всего была объявлена собственностью общины и подверглась уравнительному разделу между общинниками. Следующим шагом является раздел четвертной пахотной земли. Так промежуточная форма переходит в чистое общинное землевладение¹.

Заключение, вытекающее из приведенных фактов, сводится к тому, что четвертное землевладение—лишь архаическая форма землевладения общинного, не подчиняющаяся в своем развитии никаким исключительным законам, хотя это развитие и представляется несколько запоздалым.

Г Л А В А II

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ КРЕСТЬЯНСТВА

Нормальный размер надела, требуемый при теперешнем состоянии земледелия.—Действительный размер крестьянских наделов.—Различие между бывшими государственными и бывшими крепостными крестьянами.—Недостаток корма для скота.—Состояние скотоводства.—Недостаток топлива.—Отопление навозом.—Отсутствие удобрения.—Истощение почвы.—Неудобное положение наделов.—Урожай хлеба.—Баланс крестьянского земельного хозяйства.—Крестьянские бюджеты.—Развитие денежного хозяйства.

Старые законы, которым подчинялись государственные крестьяне до реформы 1866 г., устанавливали нормальный размер наделов в 8 дес. на каждую ревизскую душу мужского пола—для «местностей малоземельных».

При реформах 1861 и 1866 гг. ни один разряд крестьянства не был наделен таким количеством земли, какого требовало состояние

¹ Размеры трех форм землевладения в настоящее время показаны в следующей таблице:

Формы землевладения	Общин	Семей	Жителей	Количество земли			
				чисто общинной		четвертной	
				десятин	%	десятин	%
Четвертное . . .	33	2 480	15 071	3 754	11	29 598	89
Душево-четвертн.	12	1 639	11 037	9 210	45	11 243	55
Чисто общинное .	45	9 319	62 114	99 493	99,5	493	0,5

земледелия в данном районе¹, и средний надел, находящийся во владении даже бывшего государственного крестьянина, поставленного в более благоприятные условия, чем бывший помещикий, лишь немного превышает половину упомянутого эмпирически установленного нормального надела. Само собой разумеется, что нормальный размер участка меняется в зависимости от увеличения населения и усовершенствования способов земледелия. Посмотрим, как велико количество земли, требуемое ныне, но не находящееся во владении крестьянства изучаемого района.

В нижеприведенной таблице указано общее число общин, в которых все домохозяева были в силах вести хозяйство при помощи собственного инвентаря.

Счастливым положением этих немногих общин обуславливалось тем, что земля, арендуемая и приобретенная в частную собственность преобладающим большинством крестьян, равняется по своему объему общинной земле. Общины эти в общем имеют земли в полтора раза больше против среднего.

	Общины	Ревизские души м. п.	Хозяйство		Земля (десятины)		
			число	%	всего	на 1 рев. душу	на 1 хозяйство
Общинная земля							
а) наделная	28	465	158	100	1 180	2,5	7,5
б) арендованная	—	—	?	—	314	—	—
Земля, снятая у помещиков	—	—	107	68	666	—	6,2
Купчие земли	—	—	14	9	147	—	10,5
			121	77			
Итого	28	465	158	100	2 307	5	14,6
Во всем районе (наделная земля)	653	90 031	36 126		294 443	3,3	8,1

Нужно еще заметить, что земельное владение неравномерно распределено среди крестьянства, благодаря установленным законом различиям. Главное различие ведет свое начало от реформ 1861 и 1866 гг. Вот количество земли у разных разрядов крестьян нашего района (см. табл. на 26 стр.).

Что несоразмерность не есть результат последовавших после реформы изменений в числе населения или размерах собственности, можно видеть из сравнения между средним наделом, уста-

¹ См. приложения, табл. I.

Уезды и разряды крестьян	На каждую сотню		На каждую душу
	душ	десятин	десятин
<i>Раненбургский уезд</i>			
Бывш. помещичьи крестьяне	59,9	45,4	1,0
Бывш. государственные крестьяне	39,9	54,4	1,7
<i>Данковский уезд</i>			
Бывш. помещичьи крестьяне	64,1	50,0	1,1
Бывш. государственные крестьяне	35,4	49,4	1,9

новленным для бывших помещичьих крестьян в 1861 г., и наделом данным бывшим государственным крестьянам в 1866 г.:

На каждую рев. душу м. п. (по X ревизии)	Раненбург- ского у.	Данков- ского у.
	Десятин	
Бывш. помещичьи кре- стьяне	2,4	2,7
Бывш. государственные крестьяне	4,3	4,6

Это неравенство в земельном обеспечении двух главных разрядов крестьян объясняется влиянием помещичьих интересов в реформу 1861 г. Дело в том, что значительные пространства земли отрезаны были от прежних крестьянских владений и поступили в абсолютную собственность господ¹. Нечего и говорить, что при подобных условиях свободный крестьянин должен был опуститься ниже уровня крепостного. Рядом с бывшими крепостными даже государственные крестьяне кажутся «высшим классом». А между тем среднее количество земли у государственных крестьян далеко не достигает того размера, какой, по указанию опыта, представляется необходимым для ведения хозяйства в нашем районе.

Недостаток земли принуждал крестьянина распахивать все, что только можно распахать, не оставляя, можно сказать, никаких угодий для скотоводства.

Общее количество сена, собираемого с лугов крестьян, пользующихся землею на общинном праве², равно 458 000 пуд. в год;

¹ В прибавлениях к земским статистическим сборникам имеются данные для сравнения пространства земли, прежде бывшего в пользовании у крепостных крестьян, с тем, каким владеют теперь свободные «крестьяне-собственники». В 117 из 562 общин бывших крепостных в пользовании крестьян было:

До освобождения	53 870 дес.	100%
После «	40 537 »	75%
Отрезано . . . . . 13 333 дес. 25%		

Нужно помнить, что кроме этих 25% помещики до 1861 г. обрабатывали обширные пространства земли в своих имениях крепостным трудом.

² Общины с четвертным землевладением составляют лишь 8,4% всего населения в Раненбургском уезде и 15,2%—в Данковском.

оно должно быть распределено между 83 079 гол. крупного скота¹. Стало быть, на каждую голову приходится средним числом 5½ пудов в зиму (6 месяцев), или немного больше 1 фунта в день.

Не лучше обстоит дело и летом, ибо выгоны, если только они имеются, очень скудны. Все это произошло вследствие обращения пастбищ под пашни и под усадебные места для народившегося населения. Количество скота у крестьян доведено до жалкой цифры, как видно из следующей таблицы:

Уезды и разряды крестьян	Хозяйств	Рабочих лошадей	Коров	В среднем на 1 хозяйство	
				лошадей	кр. рог. скота
<i>Раненбургский уезд</i>					
I. Бывш. помещичьи кр. . . .	12 999	16 140	8 924	1,2	2,6
II. Бывш. государств. кр.					
а) душевые	6 237	8 241	5 687	1,3	2,9
б) четвертные	415	830	544	2	4
с) душево-четвертные	1 224	1 781	1 195	1,5	3,1
Всего	20 875	26 992	16 320	1,3	2,6
<i>Данковский уезд</i>					
I. Бывш. помещичьи кр. . . .	9 989	13 576	6 485	1,4	2,5
II. Бывш. государств. кр.					
а) душевые	3 082	4 092	2 189	1,3	2,6
б) четвертные	1 765	3 126	1 406	1,8	3,3
с) душево-четвертные	415	648	318	1,6	2,9
Всего	15 251	21 442	10 398	1,4	2,7 ²

Две рабочие лошади на двор, даже по русским земледельческим условиям, это нельзя считать признаком особенно высокого хозяйственного положения. Но в действительности размеры крестьянского скотоводства не достигают даже этого минимума, исключая 415 общин четвертных крестьян в Раненбургском уезде, которые, благодаря размерам своего надела, представляют своего рода крестьянскую аристократию.

Угнетенное состояние скотоводства воздействует в свою очередь на земледелие. Помимо этого есть еще другая общая причина,

¹ Мелкий и молодой скот (овцы, свиньи, телята и т. д.) включен в этот итог, причем 10 голов мелкого скота приняты равными 1 голове крупного (вол, лошадь).

² Бывшие государственные четвертные крестьяне выделены здесь в общую группу с целью показать, что в деле скотоводства они поставлены в условия, одинаковые с остальными крестьянами.

препятствующая естественному употреблению навоза на удобрение полей. Я разумею недостаток леса.

По отношению к владению лесом, столь необходимым в русском климате, большинство государственных крестьян находилось первоначально в привилегированном положении, по сравнению с бывшими помещичьими крестьянами, которым большей частью совсем не отведено лесов. Это видно из следующей таблички:

Общины	Раненбургский уезд		Данковский уезд	
	б. помещичьи крестьяне	б. госуд. крестьяне	б. помещичьи крестьяне	б. госуд. крестьяне
Всех общин	276	52	260	39
Наделенных лесом . .	3	26	19	27 ¹

Но время сгладило всякое различие между более счастливыми и менее счастливыми общинами. От прежних лесов теперь остается один лишь кустарник да молодая поросль, не имеющие практической ценности. Государственный крестьянин и бывший крепостной одинаково терпят недостаток в древесном топливе, который и принуждены возмещать единственным имеющимся у них под руками горючим материалом—навозом. Во многих общинах это совершенно исключает возможность удобрения почвы; во многих других удобряется лишь ближайшая к усадьбе земля, а беднейшим из крестьян и совсем нечего вывозить на поля. Понятно и без всяких объяснений, до какой степени подобное положение дел способствует быстрому истощению почвы².

Кроме этих общих условий, мы не можем не отметить еще некоторые частные обстоятельства, действующие угнетающим образом на земледелие многих общин бывших крепостных.

Проведение реформы 1861 г. не обошлось без серьезных волнений, которые в некоторых случаях вели к вмешательству вооруженной силы. Для примера укажем на деревню Спешнево, Хрущевской волости, Данковского уезда. В *статистическом сборнике* по этому уезду рассказывается следующее (стр. 210):

«В 1861 г. крестьяне отказались взять нынешний надел, отведенный вместо прежнего, гораздо более удобного и лучшего по качеству; семь лет вовсе не пахали и согласились принять надел только после присылки в село военной команды».

¹ «Сборник статистических сведений по Рязанской губ.», т. II, стр. I—II, прибавл.

² В приложении к сборнику по Раненбургскому уезду (стр. 321) читаем: «Деревня Новоселки, бывшие крепостные Баркови «...Около 1877 г... вследствие крайнего недостатка в хлебе засеяли все три поля и с тех пор по той же причине ни одного из них не оставляли под паром; урожай все хуже и хуже, а удобрять землю совсем нечем».

«Село окружено частновладельческой землей. Надел... начнется за 200 саж. от села и тянется верст на 5. Штрафы за поправы очень часты».

За этим сухим, деловым описанием кроется повествование о системе, практиковавшейся во время освобождения помещиками и услужливыми чиновниками. В некоторых случаях земля намеренно разверстывалась таким образом, чтобы поставить крестьян в необходимость пользоваться разными угодьями в господских имениях (правом проезда, прогона, водопоя и т. п.). Земли отводились крестьянам, по крайней мере частью, далеко от их деревень, длинной и узкой полосой, куда не было иногда даже и проезжей дороги. Не говоря уже о потере времени на переезды туда и обратно, было бы невыгодно удобрять отдаленные участки. Таким образом, помимо непосредственного ущерба для крестьян, на который рассчитана была эта система, значительная часть земли оказывалась непригодной для рациональной культуры.

Указанная система породила ряд явлений, которых нельзя встретить ни в какой другой стране, кроме России. Обнесение изгородью считается обыкновенно признаком частной собственности. Россия представляет единственное исключение из этого правила. Здесь землевладелец не заботится об огораживании своего имения, крестьянин не имеет для этого нужных средств, за отсутствием леса в его владениях. Раз имение землевладельца примыкает к деревне, мужицкий скот, не сведущий в межевых знаках, неизбежно переступает за роковую черту. Тогда, если его поймут (а это случается почти всегда), он арестуется на законном основании и выдается хозяину лишь после того, как тот заплатит за понесенные землевладельцем убытки. Суды завалены процессами этого рода, и как раз в страдную пору, когда крестьянин занят по-горло. Число деревень, поставленных в подобные неблагоприятные условия, показано в следующей табличке:

Общины бывших крепостных

	Общее число	С неудобным местоположением
Раненбургский уезд	288	22
Данковский »	274	17 ¹

Как видно из сказанного выше, недостаточность земельных наделов ведет к недостатку рабочего скота, что является немаловажным препятствием для земледельческого прогресса, и к хищническому хозяйству.

Для иллюстрации приводим данные об урожаях ржи и овса,—главных хлебов, возделываемых русским крестьянством,—в различных странах²:

¹ «Сборник статистических сведений по Рязанской губ.», т. II, прибавл.

² «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.», т. II, ч. II, стр. 166, 172.—«Report of the Secretary of Agriculture», 1890, Washington 1891, p. 335; «Reports of the Bureau of Statistics of the Department of Agriculture», 1891, by J. R. Dodge, Statistician, p. 277—80, 654—8.

Страны	Сбор с эйкра ¹			
	рожь		овес	
	бушели	%	бушели	%
Россия ¹ , Острогожский у., Воронеж. г., среднее за 10 лет (1877—86)	8,9	100	10,7	100
Соединенные Шт., среднее за 10 лет (1880—89)	11,9	134	26,6	249
Онтарио, Канада (1889—90)	15,5	174	30,7	287
Великобритания (1889—90)	—	—	40,3	377
Франция (1888—89)	16,1	181	26,1	244
Германия (1890)	14,7	165	30,1	287
Австрия	14,5	163	17,6	164
Венгрия	13,8	155	17,4	163

Если только низкая производительность земледелия не вознаграждается величиной запашки, баланс неизбежно сводится с дефицитом. Этот факт установлен земскими статистическими исследованиями по Воронежской губернии, где статистиками подведены были итоги денежных доходов и расходов для каждой из зарегистрированных семей. Результаты получились вот какие²:

Уезды	Число хозяйств	Выручка от продажи продуктов (рубли)	Расходы (рубли)			Дефицит ³ (рубли)
			потребл.	рента	всего	
Задонский	15 528	390 178	724 061	239 072	1 023 133	632 955
Коротоякский	20 232	1 280 206	1 017 727	304 789	1 322 516	42 310
Нижедевицкий	20 051	1 326 110	1 069 013	327 200	1 396 213	70 103

Рассматривая статьи расходов, мы видим, что рожь и мука находятся в числе таких предметов необходимости, которые крестьянину в течение части года приходится покупать на рынке. Стало быть, дефицит в крестьянском хозяйстве означает не что иное, как

¹ Урожай в Острогожском уезде представляет почти среднюю величину для России, как видно из следующих цифр:

Урожай ржи на эйкр	%
По всей России	4,5
По Острогожскому уезду	4,5
В Соед. Штатах	6,1

См. «Reports», etc., by J. Dodge, p. 480. Янсон, Сравнительная статистика России, стр. 74.

² См. «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.», т. IV, ч. I, стр. 97, 98; т. V, ч. I, стр. 106—109; т. VI, ч. I, 144—6.

³ В действительности дефицит гораздо больше, ибо часть доходов получается от продуктов, собранных с арендованной земли. Нужно еще заметить, что налоги не включены здесь в расходы.

недостачу в насущном хлебе. Вывод этот подтверждается следующими цифрами¹:

Уезды	Крестьяне, покупающие рожь и муку		На сумму (рубли)	Дефицит по уезду (рубли)
	число	% к населению		
Коротоякский	3 368	16	31 481	42 310
Нижнедевицкий	7 238	36	84 473	70 103

Так как количество хлеба, потребляемое в год крестьянской семьей, достигает в среднем 57 пуд.², то нехватка хлеба при обыкновенном урожае выражается в следующих цифрах³.

Уезды	Дворы, покупающие хлеб	Нехватка хлеба
Острогожский	58%	54%
Задонский	41%	44%

Чтобы дать некоторое представление о «жизненном уровне» (standard of life) русского крестьянина, приводим краткий обзор грех крестьянских бюджетов Тамбовской губернии⁴.

1. Гаврило Михеев Трушов, имеющий 4 лошади и владеющий 15 дес. земли, является поистине одним из немногих «избранников» среди массы тамбовского крестьянства. Любопытно познакомиться поближе с бюджетом подобного представителя мужицкой аристократии. Общий расход семьи из 4 взрослых и 3 детей не превышает 510 руб. в год, или около 10 рублей в неделю. Все расходы на туалет двух деревенских grandes dames достигают громадной суммы—16 р. в год, тогда как кавалеры довольствуются одной шапкой на 5 лет и одним кушаком на десятилетие. Чтобы свести концы с концами, им приходится ограничиться, средним числом, 1½ фунт. мяса в день на 7 чел. и обходиться без чаю, употребляя в виде баловства целый стакан водки в день на всю семью. Разные мелкие расходы составляют 10 руб. в год, или менее копейки в день на взрослого (мужчину или женщину). Такая бережливость дает им возможность приумножать свое богатство 7 р. 79 копейками в год, когда

¹ См. «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.», т. V, ч. I, 107, столб. 89, 93; т. VI, ч. I, 145, столб. 151, 154, 155.

² Там же, т. IV, ч. I, стр. 97, столб. 75—76, итоги.

³ Там же, т. II, ч. I, 223, столб. 58, 59; т. IV, ч. I, 97, столб. 77—82.

⁴ «Сборник статистических сведений по Борисоглебскому уезду», прибав., стр. 86—87. Все бюджеты составлялись на основании показаний домохозяина, даваемых в присутствии соседей, основательно знакомых с приходом и расходом обрабатываемой семьи; данные эти можно поэтому считать вполне достоверными (см. там же, стр. 28). В приложениях читатель найдет эти бюджеты целиком.

урожаем бывает сам-10. Это почти вдвое больше средней величины, и в полтора раза больше максимума для Рязанской губ. Если уменьшить урожай с сам-10 до среднего сам-6,5 для ржи и сам-6,8 для овса, как показано в «Сборнике» по Борисоглебскому у., то получится следующее сокращение доходов: с ржи 56 р., с овса 38 р. 40 к., всего 94 р. 40 к. Дефицит будет равняться 86 р. 61 коп. в год. Чтобы покрыть этот дефицит, Трупову приходится обыкновенно обращаться к заработкам на стороне.

2. Другая семья—также одна из более состоятельных, ибо она может позволять себе такую роскошь, как 1 ф. чаю и 5 ф. сахару в год. Земледелие дает ей дохода всего лишь 358 р., и недостающие 660 р. 45 к. приходится добывать из других источников.

3. Наконец, третья семья «крестьян-собственников» имеет дохода только 27 р. 80 коп., расходы же ее достигают 241 р. 80 к. в год, или 20 р. 15 к. в месяц на 8 чел. Хотя и получается дефицит в 65 р. 20 к., который покрывается посредством займов и иногда, вероятно, продажи имущества, она является плательщиком налогов и вносит 8 р. ежегодно на нужды государства.

Исно, что даже наиболее благоприятно обставленные группы русского крестьянства едва ли могут существовать, хотя бы кое-как, хозяйством на своих наделах. Отсюда—экономическая зависимость русского крестьянина во всех ее проявлениях.

Есть еще другая, весьма важная, черта современного крестьянского хозяйства, на которую бросают свет бюджеты. Далеко не ничтожную часть общей массы предметов потребления крестьянину приходится получать посредством покупки вне собственного хозяйства¹, и, следовательно, соответственная часть крестьянского труда должна тратиться на производство для рынка. Таким обра-

¹ В приведенных бюджетах явление это выражается в следующих цифрах:

Потребление	Собственные продукты		Купленные продукты	
	Сумма	Процент	Сумма	Процент
Гаврило Трупов	309 р. —	65%	166 р. 71 к.	35%
Кузьма Абрамов	586 р. 80 к.	59%	416 р. 45 к.	41%

Если включить в расходы подати и аренду, то таблица примет следующий вид:

Всего расхода	Собственные продукты		Рыночные продукты	
	Сумма	Процент	Сумма	Процент
Трупов	309 р. —	59%	219 р. 21 к.	41%
Абрамов	586 р. 80 к.	45%	714 р. 45 к.	55%

К таким же точно результатам приводят исследования 67 типических крестьянских бюджетов в Землянском, Задонском, Коротоянском и Цивиле-

вом архаическое крестьянское производство, основанное на натуральном хозяйстве, в весьма значительной степени вытеснено денежным хозяйством¹. Другими словами, русское земледелие из производства потребительных ценностей или полезностей развилось в производство товаров.

Те дворы, которые покупают на рынке, не продавая продуктов, добывают необходимые деньги посредством продажи своей рабочей силы.

Г Л А В А III ПОДАТИ И НЕДОИМКИ

Обратное отношение между доходностью и платежами.—Выкупные платежи бывших крепостных.—Подушное обложение.—Недоимки.—Влияние их на скотоводство.—Фискальная система и экономическое развитие. — *Приложение: Недоимочные деревни.*

Мы видели, что баланс крестьянского хозяйства из года в год заключается с дефицитом. При подобных условиях представляется целом уже второстепенной важности, будет или нет прибавлена в графу расходов еще одна статья—уплата налогов. В том и дру-

девицком уезде («Сборник оценочных сведений по крестьянскому землевладению». Приложение к тт. III—IV, стр. 248, 253):

Бюджет 67 домо- хозяйств	Приход		Р а с х о д			
	рубли	%	на хоз. нужды (искл. аренду и подати)		всего (включая аренду и подати)	
			рубли	%	рубли	%
Всего	32 533,80	100	24 870,18	100	29 075,26	100
В том числе:						
Натурой	16 907,30	52	14 679,83	59	14 679,83	50
Деньгами	15 626,50	48	10 190,35	41	14 395,43	50

Подробные данные по тем же хозяйствам читатели найдут в приложениях.

Уезды Воронеж- ской губ.	Число дворов, покуп. на рынке	Дворы, продающие продукты		Дворы, потребляю- щие свои продукты сполна	
		число	% из общ. числа	число	% из общ. числа
Задонский . . .	15 528	8 094	51	7 610	49
Коротоякский . .	20 232	18 769	93	1 463	7
Нижнедевицкий .	20 051	18 558	93	1 493	7

гом случае крестьянин одинаково принужден искать заработков на стороне, вне своего хозяйства, чтобы свести концы с концами. Не имеет также большого значения и то обстоятельство, что подати нужно уплачивать деньгами, а не натурой, ибо крестьянину все равно немалую часть продуктов своего хозяйства приходится продавать на рынке, чтобы на вырученные деньги купить разных хозяйственных принадлежностей, одежды, даже жизненных припасов для себя и корма для скота¹.

Но экономическое влияние налогов проявляется в их принудительном характере и неравномерности их распределения между различными разрядами населения.

Можно принять за правило, что тяжесть обложения находится в России в обратном отношении к средствам налогоплательщика².

Бывший помещичий крестьянин обложен податями больше, и абсолютно (каждый мужчина и каждый работник) и относительно (каждая десятина земли), чем крестьянин бывший государственный. Эта разница в обложении составляет в полном смысле слова дань, уплачиваемую помещикам за освобождение их крепостных.

В самом деле, большая часть податей бывшего крепостного состоит или из выкупных платежей или из оброка помещику. Вот количество податей (в рублях), приходящихся на одну ревизскую душу мужского пола у крестьян различных разрядов рассматриваемого района (см. табл. на стр. 35).

Что часть платежей в пользу помещика составляет в действительности не что иное, как выкуп за личность крепостного, это можно видеть из сравнения суммы оброчной подати, уплачиваемой бывшими государственными крестьянами казне, с суммой оброка, уплачиваемого временно обязанными крестьянами своим господам. А величина оброка сделана была основанием для выкупа.

С другой стороны, наименьшая сумма податей платится теми из бывших помещичьих крестьян, которые уже совсем выкупили

¹ Подати составляют лишь меньшую, хотя и очень значительную, часть денежных расходов земледельца, и выручка от продажи продуктов его хозяйства намного превышает сумму, уплачиваемую им в виде налогов.

Уезды Воронежской губернии	Денежные расходы на покрытие нужд земледельца (рубли)	Подати (рубли)	Выручка от продажи продуктов (рубли)
Задонский	784 061	271 729	390 178
Коротоякский	1 017 727	504 608	1 280 206
Нижнедевицкий	1 069 013	511 285	1 326 110

² См. приложения табл. II. В этой таблице земля и скот—главные средства производства в русском сельском хозяйстве—показывают сравнительную высоту благосостояния крестьянина.

Разряды крестьян	Данковский уезд					Раненбургский уезд				
	всего	оброк по-мещику	выкуп	оброкная подать	%	всего	оброк	выкуп	оброкная подать	%
<i>И. Бывш. помещичьи</i>										
а) временно-обязанные	12,6	8,2	—	—	65	11,9	7,5	—	—	60
б) собственники . . .	11,1	—	6,6	—	59	10,8	—	6,3	—	58
<i>II. Бывш. государственные из помещичьих . . . .</i>	7,9	—	—	2,9	36	7,0	—	—	2,4	34
<i>III. Бывш. государственные</i>	10,0	—	—	3,8	38	10,4	—	—	4,4	42

свои наделы («полные собственники»), или которые получили так называемые дарственные наделы; т. е. меньше всего взимается с тех, которые свободны от обязательств к своим прежним господам.

Но тут мы снова встречаемся с особенностью русской финансовой системы: «полный собственник», имеющий в шесть-восемь раз больше земли, чем дарственник, и в два с лишком раза больше скота, чем этот последний, обложен податями в два-четыре раза меньше на каждую десятину земли. Было бы, конечно, нелепо подозревать русское финансовое ведомство в намерении обременить налогами наиболее бедных крестьян, облегчая в то же время податное бремя более зажиточным. Указанная несообразность составляет естественный результат финансовой системы, которая принадлежит эпохе, совершенно отличной от нашей, и которая пережила социальный переворот, уничтоживший ее экономический базис.

Примем за податную единицу мужскую ревизскую душу (официальную единицу обложения); сравним затем друг с другом подати, взимаемые с обоих исключительных разрядов крестьянства—полных собственников и дарственников; сравним, наконец, между собою подати, взимаемые с остальных разрядов крестьянства. Мы увидим, что каждая мужского пола душа обложена в общем в одинаковом приблизительно размере. Такова обычная система обложения во всяком примитивном государстве, где земля находится в изобилии и степень производительности человеческого труда крайне низка. Так как рабочие силы людей приблизительно равны, то подушное обложение обеспечивает грубую первобытную справедливость в распределении налогового бремени. Но после реформ 1861 и 1866 гг., создавших новые, более резкие имущественные различия среди крестьянства вдобавок к тем, какие уже существовали раньше,—подушное обложение сделалось силою, которая обострила социальные неравенства и, бла-

годаря своему принудительному характеру, ускорила разорение слабых.

Задолженность земельной собственности является наклонной плоскостью, ведущей к экспроприации мелкого земледельца-крестьянина, равно как и аристократа-помещика. В России примене значительных разрядах крестьянства,—именно «полные собственники», «дарственники» и «четвертные владельцы»,—одни только имеют право собственности на свою землю, и, следовательно, одни они лишь могут закладывать свои имения частным лицам. Масса крестьянства¹ не имеет права отчуждать свою надельную землю. Поэтому хроническая задолженность ее принимает единственно возможную при подобных условиях форму—форму недоимок по казенным платежам, составляющим большое место русской администрации.

Недоимки крестьян достигают значительных размеров, как можно видеть из следующей таблицы:

	Сумма нало- гов	Недоимки	
	(рубли)	(рубли)	% к оклад.
<i>Раненбургский уезд</i>			
Бывш. помещичьи крестьяне	347 672	176 288	50
государственные крестьяне	212 571	70 303	33,1
Итого	560 243	246 591	44
<i>Данковский уезд</i>			
Бывш. помещичьи	292 648	12 352	4,2
» государственные	135 019	4 936	3,7
Итого	427 667	17 288	4

Нет надобности распространяться о том, как отзывается на государственном казначействе недополучение почти половины прямых налогов с самого многочисленного разряда населения. Однако, средние цифры для целого района не дают еще истинного представления о том расстройстве, какое вносится в хозяйство отдельных общин несостоятельностью в уплате лежащих на них податей. Число таких общин, равно как и размеры задолженности, очень

¹ Вот соответствующие цифры для изучаемого района:

	Дворов %	Земли %
Раненбургский уезд	91,6	86,9
Данковский »	83,8	73,8

значительны, и кроме того тягости неравномерно распределяются между задолженными обществами, так что некоторые из них совершенно подавлены ими¹.

В Раненбургском уезде, гнезде «упорных неплательщиков», 9,6% бывших крепостных и 2,1% бывших государственных крестьян не причиняют беспокойства начальству. Остальное население, т. е. 293 общества из 340 (больше 86%), все недоимщики. Тягость недоимки увеличивается еще благодаря неравномерному ее распределению. За одной третью бывших государственных крестьян числится больше половины недоимок, лежащих на этом разряде крестьянства, тогда как три восьмых с лишком бывших крепостных ответственны за 70% всей суммы, остающейся в недоимке за бывшими крепостными. Эти наиболее задолженные группы населения образуются из тех общин, недоимка которых превышает взимаемые за землю платежи, — оброчную подать, уплачиваемую бывшими государственными крестьянами, оброк помещику или выкуп бывшего крепостного. Другими словами, одна треть бывших государственных и три восьмых бывших помещичьих крестьян не в силах нести лежащие на них платежи за землю.

Наконец этот факт обратил на себя внимание правительства, и в 1892 г. министр внутренних дел затребовал от земств сведений об «общинах, хозяйство которых пришло в окончательное расстройство»² и для которых представляется желательным понижение выкупных платежей. Комиссия, избранная для этой цели рязанским уездным земством, обратилась за необходимыми сведениями к статистическим сборникам. Это не могло быть сделано в Раненбургском и Данковском уездах, так как сборники были потом запрещены рязанским губернским земством. Если бы были приняты во внимание данные, добытые земскими статистическими исследованиями, то все вышеупомянутые три восьмых бывших крепостных были бы, вероятно, зачислены в разряд крестьян, «хозяйство которых пришло в окончательное расстройство», так как свыше одной четверти их должны казне средним числом по 20 р. 10 коп., а одна девятая — по 34 с лишком рублей на двор. Эта одна девятая обременена недоимкой, размер которой простирается до 1—2 годовых окладов податей.

Но какова бы ни была абсолютная сумма недоимок, — главная беда заключается в том, что они всей своей тяжестью ложатся на скот, который составляет единственную ценную часть движимого имущества крестьянина и потому прежде всего подлежит продаже с публичного торга. Недоимки являлись, стало быть, своего рода дамкловым мечом, постоянно угрожающим самому существованию крестьянского хозяйства³.

Кроме того, недоимки прикрепляют крестьянина к месту и таким образом суживают рынок для его труда.

¹ См. таблицу распределения недоимок в приложениях.

² См. «Сборник статистических сведений», т. II, ч. I, предисловие, стр. 7.

³ См. приложение в конце этой главы («Недоимочные деревни»).

Но это лишь зло переходной эпохи. Перемена громадной важности произошла в столь короткий период времени, как 10 лет, отделяющие земские исследования от работ правительственных комиссий (1872 г.).

Чрезмерное обложение исчезло, поглощенное увеличением ценности земли. Арендная цена за крестьянские наделы в обоих рассматриваемых уездах превышает лежащие на них подати на 1—3 руб. (т. е. подати за землю поглощают в среднем от 78 до 91% арендной платы)¹. Хотя возвышение арендных цен отнюдь нельзя назвать благодеянием для крестьянина, — частью арендатора, частью земледельческого рабочего, каким он является в настоящее время, — однако, выгода для него, как плательщика, тут в том, что он приобретает возможность располагать своей рабочей силой по своему усмотрению, сдавая надел в аренду желающим платить за него подати.

Таким образом, старый вопрос о хронической недоимочности крестьянского населения ныне легко разрешается путем публичной продажи крестьянского скота. Сеченье, как мера финансовой политики, может быть покинута, но крайней мере по отношению к несостоятельным должникам, ибо теперь обеспечением в уплате податей, помимо тела налогоплательщика, является земля.

Так экономическая эволюция ослабила юридические цепи, приковывавшие прежде крестьянина к земле.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ III (стр. 37).

НЕДОИМОЧНЫЕ ДЕРЕВНИ

Максимум недоимок в трех общинах достигает огромной суммы — 65 руб. в среднем на двор. Это означает полнейшее расстройство самостоятельного крестьянского хозяйства. Приведем несколько примеров для иллюстрации.

1. *Большая Карповка, Карповской волости, Рененбургского уезда, соб. б. Балк.* Недоимка достигает 67 р. 90 коп. на каждого домохозяина, только 24 обрабатывают свои наделы сами. Лишь трое из них имеют двух лошадей, остальным приходится довольствоваться одной лошадейю, а у 26 (т. е. у половины всех домохозяев) вовсе нет рабочего скота. У одного из этих 26 домохозяев есть корова, остальные не имеют ни лошади, ни коровы. Равным образом только 13 коров приходится на 24 более состоятельных домохозяев, которые сами обрабатывают свою землю. Во всей деревне имеется лишь одна свинья, да еще 87 овец, т. е. в среднем меньше двух

¹ «Сборник статистических сведений», т. II, ч. I, стр. 276; ч. II, стр. 197. В обоих уездах насчитывалось только десять обществ, в которых подати поглощают всю арендную плату, и только семь обществ бывших помещичьих крестьян (из 562), в которых подати превышают арендную плату. С другой стороны, только в 17 обществах разница превосходит 3 рубля; максимального размера в 13 рублей она достигает в одном обществе бывших государственных крестьян, которое владеет участком леса в Данковском уезде. (Там же, стр. 31, 210, № 8). Отношение податей к аренде в этом обществе равно 9,5 : 22,5, т. е. подати поглощают 42% ренты в наиболее счастливой общине.

овец на каждый двор. Это значит, что крестьяне не имеют мяса за обедом, а большинство детей лишено молока. У 10 «домохозяев» (пятая часть) нет ни дома, ни земли; они сдают свои наделы, чтобы арендной платой уплатить подати, и, по всей вероятности, судя по вышеприведенным цифрам, не имеют никакого скота. Урожай ржи равен сам-3, овса сам-2 («Сборник», т. II, таблицы, стр. 56—61). В 1864 г. продано много имущества за недоимку. Большинство подбирается (Прил., стр. 286—87) и конечно очень мало боится аукционной продажи имущества, ибо «ou il n'y a rien, le roi perd son droit» («на нет и суда нет»). Розги тоже не одарены зиждательной силой. Но так как все общественники связаны круговой порукой в уплате податей, то меньшинству приходилось платить и притом не только свои недоимки, но и те, что числились за нищими. Судя по размерам богатства этих домохозяев, не будет, быть может, слишком пессимистичным предположить, что в сем 1892 году в Карповке господствует полное равенство, вместо прежнего разделения на меньшинство и большинство.

2. То же, *соб. б. Новикова*. Недоимки по 46 р. 30 коп. на каждый двор, т. е. за три срока. Вскоре после освобождения здесь дважды призывалась в крупных размерах публичная продажа крестьянского имущества для уплаты недоимок по оброчным платежам. Из года в год у 20—30 домохозяев продается с аукционного торга имущество за податные недоимки. 23 семьи, т. е. 9% общего числа семей (245), лишились своих избенок; у 105 семей (43%) нет лошадей, а у 84 (из них больше трети общего числа семей в деревне)—нет и коров. 123 семьи (половина всей деревни) не обрабатывают своих наделов сами (или обрабатывают только часть наделов), либо нанимая к себе на работу соседей, либо сдавая землю в аренду за подати. В более состоятельной половине населения насчитывается всего только 60 домохозяев (четвертая часть всей деревни), которые имеют по две и более лошадей и могут считаться представителями типа «хозяйственных мужиков»; у остальных домохозяев имеется лишь по одной лошади, а у некоторых из них нет коров.

«Живут очень плохо»,—замечают составители «Сборника» (Прил., стр. 286).

3. *Дуровщино, Ведновской волости, Раненбургского уезда, соб. б. Муромцевых*. Недоимки достигают в среднем 42 р. 70 коп. на двор. Общество это может служить примером подмеченной сатириком изумительной способности русского мужика обрастать шерстью, чуть только его остригли. («Игрушечного дела людшки» Шедрина). В самом деле, в 1881 г. все коровы в деревне проданы были миром за недоимки, а в 1882 г. статистики нашли 38 домохозяев, из которых у каждого имелось опять по корове. Однако, несмотря на эту способность приспособления, по которой русский мужик приближается к самым низшим зоологическим видам, Дуровщино еще далеко от благоденствия. Из общего числа 64 семей здесь есть 12 (около пятой части), которые не имеют ни домов, ни скота и не владеют землей; они или отдали свои наделы обще-

ству, или сдали их однообщественникам за подати, что в сущности совершенно то же самое. С другой стороны, здесь насчитывается только 27 дворов (42% общего числа), которые хозяйничают по-настоящему, т. е. имеют не меньше двух лошадей и одной коровы на каждый двор и обрабатывают всю свою землю. (См. таблицы, стр. 194—199, № 29; Приложение, стр. 329).

ГЛАВА IV

ОБЩИННАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНАЯ АРЕНДА

Экономические отношения, порождаемые недостатком земли.—Краткосрочная аренда.—Общинные договоры.—Аренда пастбищ, водопой и тому подобных угодий.—Стремление к индивидуализму, как результат имущественного неравенства и денежного хозяйства.—Аренда пахотных и сенокосных земель; преобладание индивидуализма.—Различие интересов внутри общины. Арендаторские товарищества как шаг в направлении к индивидуализму.

Две экономические особенности определили собой дальнейшее развитие России после уничтожения крепостных отношений. Личная зависимость крепостного крестьянина уступила место экономической зависимости «крестьянина-собственника», принужденного искать работы вне своего собственного хозяйства. Неравенство положений в среде крестьянства, созданное законодательными разграничениями и усиленное фискальной системой, подготовило базис для разделения труда, посредством которого крестьяне старались пополнить прорехи в своем хозяйстве. Каковы были эти занятия и какое воздействие оказали они на деревенскую общину?

В крепостную эпоху деревенская община, как было упомянуто выше, пользовалась некоторыми правами на землю, находившуюся в непосредственном распоряжении самого господина. Пастбище, водопой и проезд по господским владениям предоставлялись общинникам. Эмансипация лишила крестьян этих привилегий и поставила их в необходимость входить с помещиком в разного рода соглашения насчет пользования сказанными угодьями.

Где во время реформы искусственно созданы были недостаток в воде или нужда в проезде чрез барские владения, там заключать эти сделки приходится, очевидно, всей общине.

Но когда дело идет об арендовании выгона, тогда обычный общинный порядок начинает колебаться, благодаря растущему неравенству в распределении скота между членами общины. Около четвертой части общинников состоит из безлошадных семей, порой не имеющих никакого скота¹. Очевидно, что при снятии выгона

¹ Вот относящиеся сюда цифры для нашего района:

Уезды	Процент семей безлошадных	Без лошадей и коров
Раненбургский	36	25
Данковский	34	25

(См. т. II, ч. I, стр. 255; ч. II, стр. 189).

для лошадей или коров значительное число общинников фактически не участвует в сделке. Раскладка обязательств, вытекающих из такого договора, на всех домохозяев пропорционально приходящемуся на них количеству надельной земли являлась бы несправедливостью по отношению к беднейшей части общины.

И вот за основание для распределения тягостей, связанных с арендованием земли, во многих местах принято новое начало, лежащее вне сферы общинного землевладения; это—число голов скота, принадлежащих каждому домохозяину. Бедняки таким образом освобождаются от платежей. Но в то же время община превращается фактически в вольное товарищество из более состоятельных общинников.

Экономическая тенденция времени обнаруживается в следующих цифрах¹:

Съёмщики	Аренданный выгон, с уплатой аренды				Всего в обоих уездах
	работой	деньгами	тем и дру- гим ²	итого	
<i>Бывш. государств. крестьяне</i>					
1. Община	—	1	—	1	—
2. Отдельные лица	—	—	1	1	—
Всего у бывш. государств. крестьян					
	—	1	1	2	91
<i>Бывш. помещичьи крестьяне</i>					
1. Община	93	22	8	123	—
2. Община с распределением плате- жей по числу голов скота	12	14	—	26	—
3. Община и отдельные лица	—	—	3	3	—
4. Товарищества и отдельные лица	—	1	1	2	—
Всего у бывш. помещи- чьих крестьян					
	105	37	12	154	562

Как видим, область общинных порядков расширилась в двух только деревнях бывших государственных крестьян, которые

¹ Числами обозначаются общины.

² В этих переходных общинах съёмка пастбищной земли с уплатой арендной суммы работой встречается рядом с денежной арендой. В одном случае соблюдалась поистине патриархальная форма отношений: общество пользовалось пастбищем соседней деревни за угощение («Сборник статистических сведений», т. II, ч. I, стр. 328, № 27).

в дореформенную эпоху не имели никакого касательства до помещичьего выгона. С другой стороны, право на пастьбу скота в помещичьих полях, право, которым пользовался мир в крепостную эпоху, уничтожилось в 408 общинах из 562. Но всюду, где снимается выгон, мирская аренда все-таки преобладает, а индивидуальные сделки составляют крайне редкое исключение. Однако же последней форме аренды предстоит, повидимому, распространяться по мере развития денежного хозяйства в деревне. Пока угоды сдаются за известное количество сельскохозяйственной работы, которую должны исполнить съемщики (а такой порядок составляет общее правило), для помещика выгодно обеспечить себе зараз коллективный труд целой общины, вместо того, чтобы вступать в соглашение с каждым крестьянином отдельно. Выполнение принятого обязательства обеспечивается круговой порукой общины, между тем как привлекать к суду каждого крестьянина в отдельности из-за двух-трех рабочих дней для помещика было бы слишком уже хлопотно. Конечно, землевладельцу мало дела до того, как распределяется работа между отдельными членами общины, снявшей у него землю, и из 105 случаев только в 12 выговаривалось известное количество работы с головы скота. С другой стороны, при денежных контрактах из 37 случаев в 14 выговаривалась известная сумма денег с головы скота. Но коль скоро аренда приобретает характер денежной сделки, домохозяева получают возможность действовать каждый отдельно точно так же, как и при посредстве мира. И действительно, это замечено в шести общинах (из 156), причем крестьяне договаривались, чтобы их скот ходил в одном стаде с помещичьим.

Мы видим здесь, как экономическое неравенство ослабляет общинные связи даже там, где общинные порядки глубоко коренятся в господствующих способах хозяйства, так как скот пасется в одном стаде на общем выгоне, под наблюдением общинного пастуха.

Вполне естественно, что индивидуализм окажется господствующим, когда мы обратимся к аренде пахотной земли, которая обрабатывается каждым домохозяином особо. Данные об этой аренде сгруппированы в следующей таблице (см. табл. на стр. 43).

Как видно из этой таблицы, в тех случаях, когда крестьянское хозяйство продолжает вестись на помещичьей земле, общинные порядки почти совершенно вытеснены индивидуальной арендой.

Но нельзя ли немногочисленные случаи мирской аренды считать, наоборот, признаком роста общинного начала? Разве не факт, что крестьянская аренда возникла из ничего в самое недавнее время, и что в 48 деревнях Раненбургского и Данковского уездов община приобрела себе почву даже в сфере земельной аренды, которая всегда считалась по существу своему индивидуалистической формой владения землей?

Таков был аргумент, выдвинутый оптимистической школой народников, пользовавшейся большим значением всего несколько

С ъ е м щ и к и	Число общин	Число десятин арендованной земли	Земля (в %)
<i>Раненбургский уезд</i>			
Община	25	2 195	12,0
Товарищества	2	143	0,8
Отдельные лица	265 ²	16 009 ²	87,2
Итого	290	18 347¹	100
<i>Данковский уезд</i>			
Община	23	2 240	16,2
Товарищества	3	42	0,3
Отдельные лица	230 ²	11 561 ²	83,5
Итого	256	13 843¹	100

лет назад³. Но в действительности-то ничего похожего на рост общины нельзя усмотреть в недавнем возникновении общинной аренды. Дело в том, что мирская аренда существует только в обществах бывших помещичьих крестьян⁴. Стало быть, изменилось лишь право владения землей, а именно вечное владение превратилось в краткосрочную аренду, на время от 3 до 12 лет.

¹ Некоторые случаи мирской аренды не включены в таблицы «Сборника», хотя и упоминаются в «Приложениях». Я принял в расчет эти случаи, оттого и получается разница между моими итогами и итогами «Сборника».

² Цифры обоих столбцов в этой рубрике не совпадают, так как частная аренда практикуется и в таких общинах, где земля снимается миром или товариществами.

³ См. С. Н. Южакова, *Формы земледельческого производства в России*, стр. 43 и др. («Отечественные записки», 1882, № 7).

⁴ В Рязанском уезде, где мирская аренда распространена гораздо больше, чем в Раненбургском и Данковском, мы находим несколько случаев мирской аренды и среди бывших государственных крестьян; но арендуемое при этом количество земли настолько ничтожно, что эти случаи мирской аренды совершенно в счет не идут:

Разряды крестьян	Общинная аренда	
	десятин	процентов
Бывшие помещичьи	9 924	96
Бывшие государственные	456	4
Итого	10 380	100

(См. «Сборник статистических сведений по Рязанской губ.», т. I, отд. II, табл. 3, f; стр. 57).

С другой стороны, земля, на которой до освобождения сидела крепостная община, находится теперь в руках частных арендаторов.

Сравним площадь земли, снимавшейся арендаторами в 1882 г., с площадью участков, отрезанных от крестьянских владений в 1861 г.¹

	Отрезано в 1861 г.	Арендовано в 1882 г.
Раненбургский уезд	3 710 дес.	3 274 дес.
Данковский уезд	5 179 »	4 327 »

Почему же общинная аренда не может выдержать конкуренции частной крестьянской аренды? Над этим вопросом стоит призадуматься.

Прежде всего, участки земли, снимаемые общинами, значительно больше участков, арендуемых отдельными крестьянами². Кроме того, обеспечение, какое существует при круговой поручке всех членов общины в уплате арендных денег или в исполнении работ, отсутствует при мелкой индивидуальной аренде. Вполне естественно, что условия, на каких снимается земля целыми общинами, более выгодны для крестьян, чем условия частных арендных сделок³.

¹ Арендуемая земля засчитана в тех только общинах, в которых площадь, отрезанная во время освобождения, могла быть приведена в известность земскими статистиками. Заметим еще, что паровое поле здесь не принято в расчет.

² Вот средний размер арендуемого участка:

	Общинная аренда	Личная аренда
Раненбургский уезд . . .	88 дес.	3 дес.
Данковский уезд	97 »	3 »

³ Вот средняя арендная плата за десятину (в рублях):

	Пахотная земля		Луга	
	Раненбургский уезд	Данковский уезд	Раненбургский уезд	Данковский уезд
Целые общины платят в среднем по	43,11	9,76	10,86	7,74
Отдельные лица в тех же общинах	49,82	13,47	—	—
Отдельные лица платят в среднем по всему уезду	46,62	12,76	15,91	7,59

Результатом более дешевой аренды является лучшее положение рассматриваемых общин в сравнении с средним по району¹.

Почему же остальные общины не следуют этому похвальному примеру? Ответа, думаем мы, нужно искать именно в более высоком экономическом уровне сказанных общин, обуславливающим большее единообразие интересов:

Разряды общин	Процент домохозяев		
	снимающих землю	не снимающих	сдающих свои собственные наделы ²
<i>Раненбургский уезд</i>			
Аренда общинная	64	25	11
Аренда индивидуальная	26	57	17
<i>Данковский уезд</i>			
Аренда общинная	58	25	17
Аренда индивидуальная	25	59	16

Смысл этих цифр ясен. Там, где земля снимается миром, в аренде участвует преобладающее большинство крестьян; при

¹ Сравнительная степень благосостояния крестьян в рассматриваемых общинах и в остальных показана в следующей таблице:

	Количество скота на двор		Безлошадных в процентах
	рабочих лошадей	всякого рода кр. скота, в том числе и лошадей	
<i>Раненбургский уезд</i>			
В рассматриваемых общинах	1,6	3,2	27
У бывших помещичьих крестьян вообще	1,2	2,6	37
У бывших государственных с общинным землевладением	1,3	2,9	33
<i>Данковский уезд</i>			
В рассматриваемых общинах	1,5	2,9	33
У бывших помещичьих крестьян вообще	1,3	2,5	35
У бывших государственных с общинным землевладением	1,3	2,6	33

² Сдающие весь надел или же только часть, но не обрабатывая остальную лично.

обыкновенных же обстоятельствах съемщики составляют незначительное меньшинство; и наоборот, больше половины схода состоит из таких домохозяев, которые не принимают участия в аренде и не имеют охоты брать на себя лишнюю ответственность.

Итак, причины упадка общинного начала в деле земельной аренды нужно искать в растущей разнородности деревенского мира.

С другой стороны, та же самая причина вызывает замену обычного порядка распределения земли и платежей за нее общиной, распределением арендуемой земли пропорционально денежной сумме, внесенной каждым домохозяином.

Возникает вопрос, можно ли в сущности назвать общинной съемкой такую аренду, в которой часть членов общины вовсе не участвует и при которой земля находится в частном пользовании отдельных домохозяев, и вдобавок пропорционально затраченному каждым количеству денег? Мне кажется, что это уже не община, а скорее арендаторское товарищество.

Но товарищество по природе своей—индивидуалистический договор, все равно, будут ли его участниками «старики»-общинники, или же заурядные «дельцы»¹. Поэтому мы смотрим на арендаторское товарищество лишь как на переходную ступень от общинной аренды к аренде индивидуальной.

Как уже упомянуто выше, в тех же общинах, где еще существует мирская аренда, рядом с нею укоренилась и аренда индивидуальная:

	Раненбургский уезд		Данковский уезд	
	десятин	%	десятин	%
Арендуется миром	2 195	66	2 240	81
» отдельными лицами	1 138	34	534	19
<hr/>				
Всего	3 333	100	2 774	100

Так исчезает общинное начало в сфере земельной аренды; мелкая личная аренда на срок в одно лето сделалась теперь преобладающей формой арендных договоров².

¹ Действительно, мы видим, что в некоторых случаях мир играет роль земельного спекулятора. Вот пример: общество бывших крепостных князя Щетинина, в деревне Сергиевский-Боровок, Раненбургского уезда, арендовало участок в 434 дес. по 16 рублей за десятину, и третью часть земли передавало другим крестьянам с надбавкой 3—4 рублей на десятину (т. е. 20—25%) и даже больше против своей пены. (См. «Сборник статистических сведений», т. I, ч. I, стр. 316, № 10; см. также стр. 289, № 15 и пр.).

Без сомнения, подобное предприятие могло бы быть выполнено каким-нибудь нью-йоркским гешефтмахерским земельным агентством с не меньшим успехом, как и рязанскими мужицкими коммунистами.

² Там же, т. II, ч. I, стр. 264.

ГЛАВА V

**ПРЕВРАЩЕНИЕ «САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ХОЗЯИНА»
В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО РАБОЧЕГО**

Отношения между землевладельцем и арендатором.—Раздел урожая.—Аренда за отработки.—Денежные сделки.—Возвышение арендной платы.—Отношение аренды к заработной плате.—Дифференцирование арендатора и земледельческого рабочего.

В громадном большинстве случаев краткосрочная аренда явилась лишь на смену старым отношениям между барином и крепостным¹. Повинности крепостных по отношению к помещику отбывались в одних имениях принудительной работой (барщиной), в других—оброком, деньгами или натурой. Вполне естественно старые формы экономических отношений были унаследованы и современным хозяйством:

Арендуются за	Общинная аренда			Индивидуальная аренда			Всего ²	
	об-щины	земля		об-щины	земля		земля	
		деся-тин	%		деся-тин	%	деся-тин	%
долю урожая	3	47	1	4	382	2	429	2
денежную плату (исключительно)	34	3 330	76	84	6 687	43	10 017	50
работу (исключительно)	1	48	1	8	562	4	610	3
принудительную работу и деньги	10	958	22	132	8 065	51	9 023	45
Всего	48	4 383	100	228	15 696	100	20 079	100

¹ Это видно из сравнительных данных о краткосрочной аренде у двух главных разрядов крестьянства:

Разряды крестьян	Арендаторы		Арендуемая земля		Отношение (в процентах)	
	дво-ров	%	десятин	%	числа аренда-торов к насе-лению	арен-дуемой земли к на-дельной
<i>Раненбургский уезд</i>						
Бывш. помещицы	4 392	83	15 337	84	34	20
» государств.	893	17	3 010	16	11	3
<i>Данковский уезд</i>						
Бывш. помещицы	3 205	83	11 078	80	32	17
» государств.	676	17	2 765	20	13	4

² В таблицу включено 62% общей площади арендуемой земли. Сгруппированные здесь данные взяты из Прибавлений к статистическим сборникам по Раненбургскому и Данковскому уездам.

Патриархальный обычай разделения самого продукта между землевладельцем и арендатором (половничество) теперь почти совсем устарел и встречается лишь в сочетании с добавочными денежными платежами. Принудительный труд со стороны крестьянина в пользу помещика продолжает практиковаться. Отмененный законом, он удержался до сих пор под влиянием экономического гнета (нужды в земле). Свободный арендатор поставлен в необходимость принять на себя обязательство исполнить известное количество работы на землевладельца, в противном случае ему не достать земли. Денежные арендные сделки в большом ходу только в таких имениях, владельцы которых не ведут своего собственного хозяйства.

Однако же экономическое развитие клонится в сторону денежного хозяйства и «свободного договора». Тенденция эта очень ясно обнаруживается в Воронежской губернии¹, о чем свидетельствует следующая таблица:

Уезды	Площадь арендуемой земли			
	за день- ги	за долю в урожае	за ра- боту и деньги	всего
	в процентах			
Задонский	86	7	7	100
Коротоякский	88	12	—	100
Нижедевицкий	94	4	2	100

Как и в деле земельного обложения, перемена и здесь вызывается возвышением ренты.

С одной стороны, количество работы, исполняемой арендатором на землевладельца, увеличилось до громадных размеров, уменьшая тем самым спрос на обязательный труд; с другой стороны, когда аренда уплачивается деньгами, по крайней мере часть требуется внести вперед весной, т. е. в такое время, когда большинство крестьян терпит в деньгах нужду. Кроме того, чрезвычайное возвышение арендных цен сделало съемку земли предприятием очень рискованным; достаточно одного недорода, чтобы расстроить все расчеты арендатора и довести его до банкротства².

¹ «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.», т. IV, ч. I; т. V, ч. I; т. VI, ч. I, таблица арендуемой земли.

² Вот несколько примеров:

1 Дер. Солнцево, Раненбургского уезда. «Лет пять назад,—говорится в статистическом сборнике,—после неурожайного года 100 хозяев задолжали

Круг арендаторов, имеющих возможность платить за снимаемую землю наличными деньгами, сузился и теперь обнимает лишь наиболее «сильных» домохозяев¹. Естественным результатом такого положения дела явилось усиленное предложение земледельческого труда за арендуемую землю со стороны крестьян, которые не в состоянии затрачивать на земельную аренду наличные деньги.

Так с поступательным ходом экономической эволюции принудительная работа становится устарелой. Лишь в меньшей части случаев обязательство отработки являлось необходимым условием арендного договора, да и в этих случаях очень редко требовалось отработать всю арендную сумму; обыкновенно только часть аренды должна была покрываться работой, остальное же арендатору предоставлялось уплачивать или работой или деньгами, по своему усмотрению.

При этой переходной форме арендного договора, преобладавшей в 1882 г., крестьянин является, собственно говоря, и арендатором и наемным рабочим в одно и то же время. Следующий шаг отсюда ведет к дифференциации того и другого.

Чисто денежная форма аренды охватила уже около половины всей площади арендуемой земли.

Что этой форме предстоит сделаться в конце концов господствующей формой аренды, вытекает из того, что, по общему признанию земских статистиков, крестьяне более или менее состоятельные избегают работы на помещичьей земле и предпочитают уплачивать аренду деньгами. Жалкое вознаграждение за земледельческий труд—вот, очевидно, причина такого нерасположения.

Средняя сумма арендной платы за землю равна 14 р. 78 к. с десятины, а средняя цена за всю работу по возделыванию земли и уборке жатвы, с перевозкой на гумно, составляет лишь 4 руб. 75 коп. с десятины. Стало быть, арендная плата за 1 десятину превышает вознаграждение рабочего за целых три десятины.

6 000 руб. за арендную землю; до сих пор не уплатили почти ничего; в будущем крестьянам грозит продажа имущества». (Прибавления, стр. 308). Результаты выражаются в следующих цифрах (стр. 123):

	Число съемщиков	Аренда (в руб.), платимая всеми съемщиками	
			каждым
В 1877 г.	400	6 000	60
В 1882 г.	75	3 514	47

2. *Дер. Бахметьево*, Раненбургского уезда. «Чрезмерно высокая рента, часто не возвращаемая урожаями, и вызвала сильную задолженность многих хозяев». (Стр. 331).

3. *Дер. Благия*. «Арендные условия, по словам земских исследователей, очень тяжелы—более 20 рублей за десятину. Часть платы обязательно отработывается, часть уплачивается деньгами вперед. Аренда часто бывает убыточна; многие за нее в долгу и нередко разоряются». (Стр. 331).

¹ См. приложения, табл. V.

Но средние числа изображают лишь статику явления, его состояние в данный момент. О направлении движения могут скорее дать понятие крайние числа.

Когда уплата аренды производится работой, рабочая плата падает очень часто далеко ниже нормального уровня; в то же самое время арендные цены все возвышаются.

Возьмем для сравнения несколько общин, в которых сдельная плата стоит всего ниже, и несколько других общин, в которых арендные цены стоят всего выше:

Раненбургский уезд	Общины	Арендуемая земля (десятины)	Средняя арендная плата за десятину (рублей)	Заработная плата за десятину (рублей)		Отношение аренды к заработной плате	
				от •	до	от	до
Минимум заработной платы . .	44	1 909	15,16	3,00	4,00	5,2 : 1	3,9 : 1
Максимум арендной платы . .	12	833	23,72	4,00	5,00	5,9 : 1	4,3 : 1

Когда отношение аренды к заработной плате из 3 : 1 изменяется в 5 : 1, то становится, наконец, сомнительным, к какому разряду арендаторов или же наемных рабочих следует отнести крестьянина, который за одну данную ему для пользования десятину земли принужден обрабатывать на землевладельца целых пять десятин.

Так земельная аренда вырождается в наемный труд.

ГЛАВА VI

РАБОЧАЯ ПЛАТА В ДЕРЕВНЕ

Домохозяин, как наемный рабочий.—Преобладание сельскохозяйственных заработков.—Задолженность крестьянского хозяйства.—Понижение заработной платы в деревне благодаря крестьянам-домохозяевам.—Низкая плата как препятствие к развитию промышленности.—Пауперизм.

Ублюдочный характер крестьянина, являющегося одновременно и земледельцем-хозяином, и наемным рабочим, относится к числу основных факторов, под влиянием которых складываются экономические отношения в России.

В России мы находим применение так называемой «участковой системы» в крупных размерах¹. Значение этой системы живо изобразил Джон Стюарт Милль, сказавши, что «при ней неумирующей

¹ «Allotment system»—система наделения рабочих клочками земли в видах понижения рабочей платы.

люди сам для себя вырабатывают свой нищенский паек»¹. Как раз это самое наблюдается и в России.

Большая часть сельскохозяйственной работы, равно как и промышленной, совершается крестьянами.

Для иллюстрации приводим данные, относящиеся к двум уездам Воронежской губ.:

	Процентное отношение ко всему крестьянскому населению	
	Коротоякский уезд	Нижедевицкий уезд
Дворы, обращающиеся к наемному труду	62	69
Из них:		
Ведущих собственное хозяйство	50	63
Собственно рабочих	12	6

У этих крестьян сторонними заработками покрывается лишь часть расходов, лишь дефицит земледельческого хозяйства. Очевидно, что заработная плата, взятая отдельно, должна стоять ниже уровня, необходимого для удовлетворения обычного размера жизненных потребностей².

Мы видели, как в поступательном ходе экономической эволюции, превращающей земледельца в наемного рабочего, арендатор делается наемным земледельческим работником. Естественно поэтому, что земледельческому наемному труду принадлежит первое место среди местных заработков крестьян:

	Земледелие	Промышленность
Раненбургский уезд	69%	31%
Данковский уезд	72%	28%

Переходную ступень между хлебопашцем и батраком занимает хозяин, у которого труд на собственной земле чередуется с работой на помещичьем поле. В том и другом случае работник является со своей лошадей и со своими орудиями³.

¹ «Principles of Political Economy», eighth edition, v. I, p. 453.

² См. в приложениях детальные таблицы, содержащие данные о рабочей плате в разных отраслях труда.

³ Оптимизм—прирожденное свойство русского человека. К какому толку, к какой бы партии он ни принадлежал—вещи всегда представляются ему такими, какими бы ему хотелось их видеть. Нельзя поэтому строго осуждать русского народника за его ложный взгляд на эту наиболее типичную фигуру современной русской деревни. Крестьянин, который берется исполнить весь труд по обработке участка помещичьей земли и уборке с него хлеба, представляется г-ну Южакову арендатором, с той лишь особенностью, что этот арендатор «получает свою долю наличными деньгами, предоставляя землевладельцу выручать ренту из полученного им натурой готового продукта». («Отечественные записки», 1882, № 7, стр. 26—27). Это смешение

Отношения между нанимателем и рабочим—чисто денежные, за весьма немногими исключениями¹.

По причинам, рассмотренным выше, земледелец-хозяин постоянно находится в поисках за наличными деньгами. В качестве «крестьянина-собственника» он пользуется «благодеяниями кредита», иначе говоря, он вечно в долгу у землевладельца. Само собой разумеется, благодеяния эти оказываются землевладельцем не из добрых соседских чувств. Деньги даются вперед, осенью или зимой, в вознаграждение за работу, которая должна быть сделана ближайшим летом, а иногда через год, через два². На понижении заработной платы почтенный рюрикович выгадывает средним числом 50% в год.

Низкий уровень сдельной платы сбивает и вознаграждение заправского рабочего, все существование которого зависит исклю-

понятий напоминает несколько попытки вульгарных экономистов представить рабочего капиталистом, а капиталиста—рабочим. В виде смягчающего обстоятельства можно впрочем привести в защиту благожелательного писателя безнадежность предпринятой им с наилучшими намерениями задачи: доказать, что чахлый русский капитализм, осужденный историей еще до своего рождения, неспособен устоять в борьбе с торжествующим мелким крестьянским земледелием.

¹ В статистическом сборнике указаны только два случая раслаты за работу соломой, мукой и пр. (Часть I, стр. 198, № 4; стр. 206, № 3). Случай, когда работа исполняется за снятую землю или за долю урожая, причислены к области аренды.

² Сборник, часть I, стр. 264. Данные о задолженности крестьянства в связи с сельскохозяйственным наемным трудом можно найти в «Сборнике» по Воронежской губернии (т. V, ч. I; т. VI, ч. I, табл. G). В помещаемой ниже таблице абсолютные числа переведены на процентные отношения:

Уезды Разряды крестьян	Отноше- ние к числу населе- ния	Отноше- ние к числу земле- дельче- ских ра- бочих	Отноше- ние к числу обреме- ненных долгами	Средний долг 1 домохо- зьяна (в руб- лях)
<i>Коротоякский уезд</i>				
Задолжавших				
1) всего	50	—	100	34,80
2) сельскохозяйственных рабочих . .	—	52	39	21,99
<i>Нижнедевицкий уезд</i>				
Задолжавших				
1) всего	50	—	100	44,38
2) сельскохозяйственных рабочих . .	—	56	46	23,46

чительно от заработка. Для иллюстрации может служить размер вознаграждения за поденную работу:

На хозяйских харчах

	Плата мужчине		Плата женщине	
	минимум	максимум	минимум	максимум
Зимой	18 к.	25 к.	12 к.	15 к.
Весной и осенью	25 »	35 »	—	—
Летом	35 »	20 »	20 »	45 »

Далее из сравнения соответственных данных выясняется факт, что в земледельческих округах плата мастеровому (плотнику, сапожнику, портному, кузнецу и прочим ремесленникам, снабжающим продуктами местное население) не выше, чем земледельческому рабочему¹. Дело объясняется аналогичными причинами. Во многих из рассматриваемых семей есть, кроме ремесленников, другие члены мужского пола, занимающиеся земледелием². Осенью и зимой земледелец, который в то же время и ремесленник, готов работать за какую угодно цену. Портной, например, работающий по соседним с своей деревням, выручает осенью от 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к. в неделю, получая содержание от заказчика. С другой стороны, максимальную плату получает плотник, который работает летом, когда земледелец, занятый полевыми работами, с ним не конкурирует. Так, на хозяйских харчах зарабатывают:

	За летний сезон	В год
Батрак	от 25 до 35 р.	от 35 р. до 60 р.
Плотник	» 55 » 70 »	100 р.

Конечно, максимальная плата, получаемая русским плотником (2 руб. в неделю и харчи), ниже минимальной платы в некоторых цивилизованных странах. В этом-то низком уровне заработной платы и нужно искать причину медленного развития промышленности в земледельческих районах.

¹ См. приложения, табл. V.

² Занятых ремесленным трудом было на каждую тысячу населения:

	Дворов	Варослых работников
Раненбургский уезд	72	53
Данковский уезд	67	49

В самом деле, лишь незначительная часть рабочих рук, «освободившихся» от земледелия, может найти себе приложение в местной промышленности.

	Процент безлошадных	Семьи, занятые про- мышленной работой
Раненбургский уезд	36	9
Данковский »	34	8,5

Ряды деревенского пролетариата, не имеющего рабочих лошадей, чтобы заниматься хозяйством, пополняются в четыре раза быстрее, чем растет сельская промышленность, хотя можно было бы ожидать, что последняя пойдет вперед быстрыми шагами, пользуясь низким уровнем заработной платы. Пример каменоломен в Острокаменской волости, Данковского уезда, может иллюстрировать сказанное.

Около 50 человек занято здесь ломкой камней и обделкой их в мельничные жернова. Одни из них работают небольшими артелями и продают камень скупщикам; другие нанимаются к мелким предпринимателям. Собственник места берет по 25 руб. ренты с человека. Чистый доход независимого работника от 75 до 100 р. в лето; это больше, чем в какой-нибудь другой отрасли промышленности. Но наемному рабочему платят только от 35 до 60 р., так что прибыль предпринимателя простирается до 66% в сезон. Там, где продукт полугодового труда человека продается за 125 руб., никакие механические усовершенствования не сделают товара дешевле. Пока мелкий предприниматель получает 10% месячных на капитал, затрачиваемый в сущности номинально, до тех пор он будет с успехом конкурировать с крупными капиталистическими предприятиями. И действительно, мы видим, что 5 человек составляют среднее число рабочих, работающих у одного предпринимателя¹. Существует, правда, несколько крупных капиталистических предприятий—винокуренных и сахарных заводов, паровых мельниц, каменноугольных копей; железнодорожная линия прорезывает рассматриваемую местность и дает занятие некоторым из крестьян; но здесь, как и в других местах, пролетарий побивается на рабочем рынке крестьянином.

На винокуренные заводы крестьянина можно нанять зимою за одну только барду, которая идет на корм для скота. Денежное вознаграждение, конечно, невелико—от 5 до 9 руб. в месяц, при-

	Число рабочих		
	Число предприятий	всего	в среднем на предприятие
Раненбургский уезд	506	1 985	3,9
Данковский уезд	240	1 355	5,6
Итого	746	3 340	4,5

В действительности среднее число рабочих на предприятие еще меньше, ибо сюда включены только промышленные заведения, принадлежащие крестьянам и расположенные в пределах деревень, между тем как крестьянский труд находит себе приложение и в предприятиях, принадлежавших землевладельцам и расположенных в их имениях.

чем харчей от хозяина рабочий не получает. На сахарных заводах рабочая плата по зимам колеблется между 6 и 8 руб. в месяц.

Из всего сказанного следует, что только крестьянин может перебиваться той низкой платой, какая устанавливается в деревенской промышленности. На нее еле-еле может существовать деревенский житель, не имеющий собственного земледельческого хозяйства; ему остается лишь или превратиться в нищего¹ или бежать из деревни.

ГЛАВА VII

СЕЛЬСКОЕ ИЗБЫТОЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Прирост населения и движение из земледельческих районов.—Рабочая плата на стороне.—Разрыв связи с деревней.—Рост пролетариата.

Движение населения из земледельческих районов, составляющее экономический закон в капиталистических странах, играет весьма важную роль в современном русском хозяйстве.

Колонизация окраин и периодические передвижения в поисках работы стремятся поглотить естественный прирост крестьянского населения:

Уезды	Отношение к ревизскому населению в %		Отношение к соответственным группам населения 1882 г. в %	
	переселения 1858—1882 гг.	избыток населения в 1882 г.		взрослые мужчины, работающие на стороне, 1882 г.
		всего	мужчин	
Раненбургский	10	30	23	20
Данковский	9	26	22	21

¹ Статистики нашли 12 общин, в которых значительная часть членов состояла из настоящих нищих. Вот, например, что говорится в «Сборнике» о дер. Братовка, Нарышкинской вол., Раненбургского уезда: «Многие побираются даже в урожайные годы, а в неурожай побирается более половины домохозяев» (стр. 283). Профессиональное нищенство было в последнее время подробно описано некоторыми исследователями крестьянской жизни. Поздней осенью мужички лачуги заколачиваются, и крестьяне целыми обозами отправляются в «кусочки»; едут мужья, жены, дети. В «Сборнике статистических сведений по Тамбовской губ.» рассказывается следующее (т. III, 277):

«О большом числе нищих крестьяне заявляют повсеместно, но обыкновенно собирают у них милостыню какие-нибудь крестьяне со стороны... В своей деревне собирать милостыню людей, способных работать, заставляет последняя крайность. Обыкновенно несостоятельные семьи как-нибудь пропитываются займами хлеба у соседей, и соседи делятся с ними последними запасами своего хлеба. Крестьяне Моршанского уезда заявляют еще, что их в малом числе посещают нищие из Рязанской губернии, частью Владимирской и из Шацкого уезда».

Не напоминает ли все это историческую картину, нарисованную Вобаном, который рассказывает, что «одна десятая французских крестьян состоит из нищих, а остальным девяти десятым нечего подать им?»

Итак, лишь незначительная часть избыточного населения покинула навсегда свои родные деревни в надежде устроиться в качестве земледельцев на новых местах¹. Все еще к земледелию стремится и большинство странствующего крестьянства, однако уже не в качестве самостоятельных земледельцев-хозяев, а в качестве наемных рабочих, тогда как многочисленное меньшинство идет в города².

Что касается этого разряда крестьянства, то он рассматривается обыкновенно русской печатью как класс, стоящий на самой низкой ступени деревенской жизни. Никому как будто не приходит на ум, что регулярное движение рабочего населения, подобно движению ртути в барометрической трубке, направляется по линии наименьшего сопротивления. И действительно, сравнение относящихся сюда данных ясно показывает, что рабочая плата вне деревни выше, чем в деревне³ (см. табл. на 57 стр.).

Различие в заработной плате вызывает движение, которое, раз начавшись в деревне, продолжает совершаться с постоянно возрастающей быстротой⁴.

Это сельское избыточное население, причисляемое на бумаге к разряду крестьян-собственников, в действительности и теперь уже порывает узы, прикреплявшие его до сих пор к месту рож-

¹ Обсуждение вопроса, насколько им удастся достигать своей цели, не входит в задачу настоящего исследования. Этому вопросу посвящено мое сочинение «Переселение крестьян в Сибирь», Москва 1888 г.

² Странствующее население Воронежского уезда следующим образом распределялось по различным отраслям труда:

	Число рабочих	%
Земледелие	1 283	62
Ремесла	469	23
Прислуга	89	4
Занятия в городе и на жел. дор.	219	11
Итого	2 060	100

³ В сборнике, изданном по инициативе правительства для Чикагской выставки 1893 г., находим следующие сравнительные данные для всей России:

Средняя годовая плата взрослому мужчине (в рублях)

	минимум	максимум
--	---------	----------

I. В земледелии

1. В центральной земледельч. полосе	88	99
2. В Таврической губ.	—	163
3. В Петербургской губ.	—	167

II. На фабрике

1. На льнопрядильных	116,35	—
2. На сталелитейных заводах	—	524,28

См. «Промышленность России», т. II, гл. XXVIII, т. III, стр. 246—247 (англ. перевода).

⁴ Общие указания крестьян на этот счет, приведенные в «Сборнике статистических сведений по Рязанской губернии», не могут очевидно быть представлены в цифрах, ибо для этого потребовалось бы произвести по меньшей мере две переписи.

Некоторое представление о соотношении, существующем между отхожими

Отрасли труда	На месте		На стороне	
	мини- мум	макси- мум	мини- мум	макси- мум
	(в рублях)			
<i>I. Земледелие</i>				
За лето, на хозяйских харчах:				
Батраки	25	35	40	60
Гуртовщики	—	—	50	100
<i>II. Торговля и личная служба</i>				
В месяц, без харчей	7	15	40	18
<i>III. Капиталистическая промышленность</i>				
В месяц, без харчей:				
Фабричный рабочий, зимою	5	9	—	—
Фабричный рабочий, круглый год	—	—	40	18
На торфяниках, летом	—	—	15	25
Углекопы, зимой	8	13	24	37

дения. Те, кто из года в год проводит лето на сельскохозяйственных заработках в южных или восточных губерниях, уже распространились с хозяйством на собственной земле. То же самое надо сказать и о ремесленниках, покидающих деревню на летнее время. Крестьянину, променявшему земледельческое хозяйство на отхожие промыслы, не за чем возвращаться домой на зиму, когда предложение труда в деревне далеко превышает спрос на него. По истечении известного времени некоторые переводят и свои семьи туда, где нашли себе занятие, и порывают связь с родными местами навсегда.

Крестьяне, работающие на фабриках и заводах в Петербурге и Москве, в каменноугольных копях и на железных дорогах, пожалуй, первоначально и уходили только на зимнее, свободное от сельских работ, время в город. Но представьте себе крестьянина, который из своего скудного заработка в четыре рубля в неделю

промыслами и упадком земледельческого хозяйства, может дать следующая таблица (для Раненбургского и Данковского уездов):

Род занятия	Общин	Дворов	Безлошадных, в %
Только местные, без отхожих рабочих	90	1 124	27
По всему уезду	653	36 126	35

умудряется сберечь рублей 50—70 для отправки домой¹. Для такого человека притягательная сила крупного капиталистического предприятия, работающего и лето, настолько велика, что он не расстанется с ним целые годы.

Как далеко подвинулось вперед это отчуждение крестьянина от родимой деревни, можно видеть из следующих цифр²:

Уезды Смоленской губернии	В проц. ко всему населению				% отн., нах. в долговремен. отлучке к общ. ч. раб. на стороне	
	работников на стороне		находящ. в долговр. отлучке		дворов	раб. мужск. пола
	дворов с отх. работ.	душ мужск. пола	дворов	раб. мужск. пола		
Юхновский	57	52	7	6	13	11
Дорогобужский	16	14	5	4	32	26

Обладание домом привязывает крестьянина к деревне даже после того, как он уже бросил хозяйство на собственной земле. Это можно видеть из сопоставления данных о числе семей, дома которых проданы, с данными о числе семей в остальных бедных группах крестьянства:

Уезды	Процент семей (ко всему населению)		
	бездомных	безземельных или сдающих весь свой надел	не имеющих ни лошади, ни коровы
Ранenburgский	8	15	25
Данковский	10	15	25

Но крестьянин, из года в год работающий вдали от родины, кончает посредством продажи своего дома все расчеты со старой деревней. Это подтверждается множеством данных, собранных в «Сборнике статистических сведений по Рязанской губернии», а также следующей таблицей, взятой из «Сборника статистических сведений по Смоленской губернии» (в процентах):

¹ «Сборник», часть II, стр. 233, № 14.

² «Сборник статистических сведений по Смоленской губернии», т. IV, стр. 296, 304, 350, 352; т. V, стр. 218, 226, 272, 274.

Отсутствующие	Юхновский уезд	Дорогобужский уезд	Бездомовые	Юхновский уезд	Дорогобужский уезд
Отношение к населению	7	5	Отношение к колич. населения	9	6
Из них			Из них		
Имеющих дома	19	27	Живущих в деревне	36	41
Бездомовых	81	73	Отсутствующих	64	59
Всего	100	100	Всего	100	100

Здесь мы находим показатель роста русского городского пролетариата за последнее время.

ГЛАВА VIII

РАЗЛОЖЕНИЕ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ СЕМЬИ

Отношение народников и правительства к вопросу о разложении крестьянской патриархальной семьи.—Мнения исследователей о семейных разделах.—Типичская крестьянская семья настоящего времени.—Влияние сторонних заработков.—Дробление наделов.—Безземельные.—Разорение хозяйства вследствие падения семейной кооперации.—Хозяйства с наемными рабочими.

Русская деревенская община, как было разъяснено выше, представляла собою сложное целое, единицей которого являлось коммунистическое домохозяйство. Индивидуалистическая тенденция экономического развития в пореформенную эпоху не могла не повлиять разлагающим образом и на эту ячейку архаического коммунизма. Распадение сложной семьи сделалось злобою дня в деревне и предметом самых горячих споров как в литературе, так и в административных сферах. С чувством глубочайшего сожаления смотрел на разрушение «устоев» архаического коммунизма народник. «O tempoга, o tempo!»,—вопил бюрократ, негодуя на дух неповиновения старшим, которым начала проникаться деревня. Гораздо больше значения, пожалуй, имело совершенно основательное опасение, как бы распадение крестьянской семьи не оказало вредного влияния на платежные силы хозяйства.

Сколько бы ни говорили индивидуалисты о том, что мужик, как человек, не должен руководствоваться в своей домашней жизни исключительно заботами о фискальных интересах, с точки зрения русского государственного права подобные возражения оказываются несостоятельными. Если позволительно прибегнуть к аналогии, скотовод, спаривая животных, не принимает в соображение их чувств друг к другу,—он стремится лишь к сохранению и улучшению породы. А разве мудрый правитель не пастырь человеческого стада? И вот в 1886 г. издан был закон, запрещающий

«самовольные» семейные разделы, без позволения сельского схода, постановления которого подчинены контролю государственных чиновников. Мера эта однако не достигла своей цели.

Вопрос о причинах семейных разделов прекрасно разработан Глебом Успенским, а также г-жей А. Я. Ефименко и А. Н. Энгельгардом.

Пока занятия всех членов семьи были одинаковы, до тех пор узы кооперации крепко связывали их в одно целое. Доходы семьи, являвшиеся плодом коллективного труда ее членов, составляли поэтому коллективную семейную собственность. Власть «большака» основывалась на его большей опытности и на его административных способностях. Когда изменившиеся условия жизни заставили семью обращаться для получения доходов к самым разнообразным источникам, старый семейный строй был потрясен до основания. Плотник, работавший целое лето в каком-нибудь отдаленном городе, не являлся уже активным членом земледельческой семейной кооперации. С другой стороны, доход плотника был больше дохода его старшего брата, который попрежнему продолжал заниматься на сельскохозяйственные работы в соседних местностях; благодаря этому дух индивидуализма восстал против прежнего коммунистического порядка. Вековой деспотизм старших членов семьи над младшими стал невыносим. Женщины, которым приходилось терпеть больше всего, выступили передовыми бойцами в этой «борьбе за индивидуальность». Глава семьи не мог противопоставить нравственный авторитет этому духу «непочтения к старшим», ибо, при всей своей земледельческой опытности, он ничего не понимал по части промышленности. Таким образом растущая экономическая дифференциация в пределах семьи сделала ее распадение на отдельные супружеские пары неизбежным.

Вот выводы, к каким пришли русские писатели, относительно причин и хода разложения патриархальной семьи, основываясь на личных наблюдениях. Данные, собранные впоследствии земскими статистиками, вполне подтвердили эти выводы.

В следующих таблицах сгруппированы данные о составе крестьянских дворов до освобождения и четверть века спустя после него, а также о распределении крестьянства по числу членов разных семей (см. табл. на 61 и 62 стр.).

В 1858 г. средняя семья имела от двух до трех взрослых мужского пола работников в возрасте свыше 18 лет, а в 1882 г. — только от одного до двух работников. Отсюда видно, что до освобождения крестьян сложная (большая) семья, состоящая или из отца и его женатых сыновей, или из женатых братьев, была явлением обычным. В настоящее время типичной семьей оказывается такая, которая состоит либо из молодых супругов с малолетними детьми, либо из отца и его сыновей ниже 18-летнего возраста, считающихся лишь «полуроботниками», либо наконец из отца и одного из взрослых его сыновей. В общем крестьянская семья уменьшилась на три, на четыре человека. Это прямо показывает, что отделение более молодых супружеских пар от старого фамиль-

I. На 1 семью средним числом	Рязанская губерния					
	Ранenburgский уезд			Данковский уезд		
	1858 г.	1882 г.	Убыль	1858 г.	1882 г.	Убыль
Всех членов . . .	9,7	6,4	3,3	9,7	6,4	3,3
Работников мужского пола ¹ . . .	2,2	1,5	—	2,2	1,5	—

I. На 1 семью средним числом	Воронежская губерния					
	Коротоякский уезд			Нижнедевицкий уезд		
	1858 г.	1882 г.	Убыль	1858 г.	1882 г.	Убыль
Всех членов . . .	10,3	7,3	3,0	11,4	7,8	3,6
Работников мужского пола ¹ . . .	2,1	1,7	—	2,6	1,8	—

II а. Классификация семей по земской переписи (1887 г.)	Воронежская губерния			
	Коротоякский уезд	Нижнедевицкий уезд	Коротоякский уезд	Нижнедевицкий уезд
	процентов	процентов	среднее число членов	среднее число членов
Без взрослых работников	5	4	3,0	3,9
С 1 взрослым работником	46	44	5,4	5,7
С 2 взрослыми работниками	30	32	7,8	8,1
С 3 и более	19	20	12,2	12,3

¹ Число работников, записанных по десятой ревизии (1858), не показано в статистических сборниках, но распределение населения по возрасту вероятно не очень изменилось за 25 лет, ибо возрастной состав определяется до значительной степени биологическими влияниями, которые изменяются весьма медленно. Общее число лиц мужского пола, достигших во время земских статистических исследований рабочего возраста, было (в процентах):

Ранenburgский уезд (1882 г.)	47
Данковский » (1882 г.)	47
Коротоякский » (1887 г.)	47
Нижнедевицкий уезд (1887 г.)	46

Приняв эти числа за коэффициенты, мы получим количество работников мужского пола на семью.

II. B. Классификация семей по земской переписи (1882 г.)	Рязанская губерния	
	Раненбургский уезд (проценты)	Данковский уезд (проценты)
Без взрослых работников	7	7
С 1 взрослым работником	42	43
» 1—2 взрослыми работниками	32	31
» 2—3 » »	13	13
и свыше 3 » »	6	6

ного ствола—факт уже совершившийся¹. Что эта индивидуалистическая тенденция развивается по мере того, как возрастает значение сторонних заработков в домашнем хозяйстве, видно из следующих цифр (для Воронежской губернии):

Семьи	Коротоякский уезд		Нижнедевицкий уезд	
	% работн. мужск. пола (всякого возраста), с заработ- ками	% семей, разделив- шихся в 1878— 1887 гг.	% работн. мужск. пола (всякого возраста), с заработ- ками	% семей, разделив- шихся в 1878— 1887 гг.
С 1 взрослым работником м. п.	52	44	67	44
С 2 взрослыми работниками м. п.	39	31	47	40
С 3 и более взрослыми работниками м. п.	36	24	34	28

Процент разделившихся семей возрастает вместе с процентом наемных рабочих. Большинство дворов новейшего типа (с одним взрослым работником мужского пола) основано наемными рабочими, тогда как в патриархальной семье около двух третей рабочих сил занято земледельческим хозяйством.

¹ Приведенные выше цифры далеко не выражают действительной степени разложения патриархальной семьи в других местностях. Вот данные для всей области, подвергнувшейся земским статистическим исследованиям к 1 января 1890 г.

Общин	50 429
Дворов	3 309 020
Душ мужского и женского пола	19 693 191
Среднее число членов на 1 семью	5,95
В Раненбургском уезде	6,4
В Данковском »	6,4
В Коротоякском »	7,3
В Нижнедевицком »	7,8

Разложение старого крестьянского двора имело в высшей степени важные экономические последствия. Неизбежным результатом его было раздробление наделной земли:

Уезды Воронежской губернии. Разряды крестьян	Отношение к общему числу дворов, в проц.	Среднее число членов на 1 семью	Взрослых работников мужск. пола на 1 семью, в среднем	Дворов					Земли (дес.)	
				без взрослых работников мужск. пола, в проц.	с 1 взрослым работником мужск. пола, в проц.	с 2 взрослыми работниками мужск. пола, в проц.	с 3 и более взрослыми работниками мужск. пола, в проц.	Семей, разделившихся с 1878 до 1887 г., в проц.	на 1 двор, в среднем	на 1 работника взрослого мужского пола, в среднем
<i>Коротоякский уезд</i>										
Имеют менее 5 десятин земли	14	4,0	1,0	12	80	7	1	46	4,1	4,2
Имеют от 5 до 15 дес. .	50	5,3	1,5	3	55	34	8	38	10,5	7,1
» » 15 » 25 » . .	25	9,1	2,1	1	27	40	32	31	19,7	9,3
» более 25 десятин	9	13,5	3,1	—	9	25	66	24	35,6	11,6
Всего . .	98	7,4	1,7	5	46	30	19	36	14,2	7,9
<i>Нижнедевицкий уезд</i>										
Имеют менее 5 десятин	17	4,6	1,1	9	74	13	4	50	3,7	3,3
» от 5 до 15 дес.	51	6,7	1,6	3	50	37	10	41	10,3	6,5
» » 15 » 25 »	23	9,9	2,2	1	24	38	37	33	19,4	8,5
» более 25 десятин	8	15,0	3,4	—	7	21	72	24	36,6	9,2
Всего . .	99	7,8	1,8	4	44	32	20	39	13,5	7,2

Отсюда видно, что чем выше процент семейных разделов в период с 1878 по 1887 г., тем мельче средний надел на семью и на работника и наоборот. Около половины дворов с наименьшим наделом составляют те, которые разделились в течение последних десяти лет и имеют в большинстве случаев лишь по одному работнику. С другой стороны, наибольшие наделы, абсолютно и относительно, находятся в руках сложных семей старого закала, из которых около четвертой только части подверглись разделу в продолжение последнего десятилетия¹.

¹ Соотношение между числом работников и величиной крестьянского надела резюмировано в следующей таблице (для Воронежской губернии):

Далее мы находим, что известный процент крестьян вовсе не имеет земли. Так

	%
в Раненбургском уезде безземельных	4
» Данковском » »	4
» Коротоякском » »	1,7
» Нижнедевицком » »	0,5

Этот новый разряд крестьянства обязан своим возникновением исключительно семейным разделам.

Безземельных дворов	Коротоякский уезд	Нижнедевицкий уезд
Без работников мужского пола . . .	260	69
С 1 работником » » . . .	58	42
» 2 работниками » » . . .	12	6
» 3 и более работник. мужск. пола .	5	2
Всего	335	119

	Коротоякский уезд	Нижнедевицкий уезд
В возрасте выше 60 лет		
Мужчин	31	8
Женщин	68	14
Превышение женщин над мужчинами	37	6
В возрасте от 18 до 60 лет		
Мужчин	113	68
Женщин	382	149
Превышение женщин над мужчинами	269	81
Мужчин от 18 до 60 лет, с физическими недостатками	6	7

Можно предположить, что безземельность находится в связи, главным образом, со старостью, вдовством, сиротством и убожеством (слепотой, хромотой и т. д.). Но последствия подобных, так сказать, биологических явлений разнятся в зависимости от социальных условий эпохи. Патриархальная семья не разрушалась вследствие смерти одного из своих членов мужского пола.

Из ста семей имеют земельные наделы

Число работников на 1 семью	Коротоякский уезд			Нижнедевицкий уезд		
	ниже средн. размера	средний размер	выше среднего размера	ниже средн. размера	средн. размер	выше среднего размера
Ни одного	61	33	6	49	44	7
Один	25	59	16	29	56	15
Два	3	56	41	7	60	33
Три	1	22	77	3	25	72
	16	50	34	18	51	31

Его вдова и сироты принадлежали (в этом отношении замечается некоторая аналогия с римской семьей) не хозяину, а целому двору. Овдовевшая сноха нередко выдавалась замуж за чужого с целью ввести в состав семейной кооперации нового работника на место умершего члена. И это было заурядным делом. Равным образом и прочие члены оставались до самой смерти в своей семье. Лишь после распада патриархального двора, слабые и беспомощные начали фигурировать в качестве особой группы деревенского населения.

С другой стороны, разделение первоначального двора и его доли в общинной земле неизбежно вело за собою уменьшение количества скота, принадлежащего каждой семье, а следовательно и понижение ее земледельческой производительной силы.

Это показывают следующие таблицы:

I. Классификация дворов по числу взрослых работников мужского пола

Коротоякский уезд	Классификация дворов (проценты)						
	По числу лошадей				По величине наделов		
	безлошадные	с 1 лошадью	с 2—3 лошадьми	с 4 и более лошадьми	менее 5 десятин	от 5 до 15 десятин	более 15 десятин
Без работников	60	29	11	—	61	33	6
С 1 работником	20	46	33	1	25	59	16
» 2 работниками	6	28	61	5	3	56	41
» 3 и более работниками	1	10	62	27	1	22	77
	13	32	48	7	15	50	35

II. Классификация дворов по числу лошадей

Коротоякский уезд	Классификация дворов (проценты)						
	По числу работников				По величине наделов		
	ни одного	один	два	три	менее 5 десятин	от 5 до 15 десятин	больше 15 десятин
Безлошадные	17	68	13	2	49	43	8
С 1 лошадью	3	63	28	6	20	65	15
» 2 лошадьми	1	31	41	27	6	55	39
» 3 лошадьми					2	32	66
» 4 и более лошадьми	—	7	22	71	1	18	81
	5	46	30	19	15	50	35

Самый высший по владению скотом класс состоит главным образом из дворов старого типа, в которых насчитывается, по крайней мере, по три работника мужского пола и доли которых в общинной земле превышают средний размер.

Дворы нового типа, состоящие из двух взрослых работников мужского пола, имеют в большинстве случаев по две рабочих лошади; но есть весьма заметное меньшинство, которое переходит малопомалу в низшую группу—с одной только рабочей лошадию на двор.

Наконец даже и этот уровень оказывается слишком высоким для дворов, в которых имеется по одному лишь работнику мужского пола. Только меньшинство таких дворов в состоянии держать по крайней мере хотя двух рабочих лошадей; громадное большинство имеет лишь по одной лошади, или совсем не имеет лошадей; и, наоборот, группы однолошадные и безлошадные образуются главным образом из дворов с одним только взрослым работником мужского пола, причем их земельные участки весьма редко превышают средний размер надела, или даже падают ниже среднего.

Но без лошади нельзя вести хозяйство; однолошадные же дворы обречены на гибель, которая наступит их в конце концов¹. А между тем к этим двум группам принадлежит по меньшей мере половина теперешнего крестьянства².

¹ Вот данные о числе бесхозяйных в трех уездах Воронежской губернии (в процентах):

Уезды	Не обрабатывающ. всего надела		Не обрабатывающие части надела		
	безлошадные	по всему уезду	с 1 лошадию		по всему уезду в %
			общее число не обработ. части над. = 100	общее число однолошадных = 100	
Задонский	95	25	73	13	7
Коротоякский	95	15	62	16	8
Нижнедевицкий	96	13	65	27	13

Как показывают эти цифры, процент домохозяев, не могущих обрабатывать весь свой надел, вдвое больше среди однолошадных, чем в среднем по всему району; кроме того, этот переходный класс слабосильных хозяев состоит главным образом из однолошадных.

² Приводим относящиеся цифры для рассматриваемых местностей:

	Безлошадные в процентах	Однолошадные в процентах	Всего, в процентах
<i>Воронежская губерния</i>			
Задонский уезд	25	40	65
Коротоякский уезд	13	32	45
Нижнедевицкий уезд	13	32	45
<i>Рязанская губерния</i>			
Раненбургский уезд	35	27	63
Данковский уезд	34	25	59

Таким образом разложение старой крестьянской семьи подрывает производительные силы крестьянства вообще и ускоряет ликвидацию самостоятельного хозяйства для значительного меньшинства домохозяев.

Особую группу в деревне образуют в настоящее время те крестьяне, которые, не имея скота, чтобы обрабатывать свои наделы, принуждены либо нанимать на работу соседей, либо сдавать свою землю в аренду и стало быть бросать совершенно свое хозяйство. Главная масса этой группы крестьянства состоит из одиночек¹.

Недостаток в земле, недостаток в скоте, недостаток в рабочей силе превращают дальнейшее ведение хозяйства в дело совсем не легкое для одиночек, и множество их неизбежно бросают хозяйство.

Становится ясно, что мелкое крестьянское земледелие, основывающееся на труде самого хозяина, могло существовать только

¹ Следующие таблицы наглядно показывают происхождение и рост этой группы:

I. Классификация по числу взрослых работников мужского пола на 1 двор
(Общее число хозяев в каждой группе=100)

Дворы	Коротоякский уезд		Нижнедевицкий уезд	
	весь надел обрабатывают при помощи соб. скота (в %)	не обрабатывают своего надела (в %)	весь надел обрабатывают при помощи соб. скота (в %)	не обрабатывают своего надела (в %)
С 3 и более работниками	89	2	88	2
С 2 работниками	86	6	82	5
С 1 работником	73	19	65	20
Без работников	24	72	30	60
Во всех	78	15	74	13
	Раненбургский уезд		Данковский уезд	
В Рязанской губернии	57	36	59	34

II. Та же классификация

(Общее число бесхозяйных=100)

Дворы	Не обрабатывающие своего надела	
	Коротоякский уезд (в %)	Нижнедевицкий уезд (в %)
С 3 и более работниками	2	2
С 2 работниками	12	14
С 1 работником	62	67
Без работников	24	17
	100	100

до тех пор, пока сохранялся его базис—большая (сложная) кооперативная семья. Предшествующая экономическая эволюция показала, что для образования устойчивого крестьянского двора требуется, в среднем выводе, кооперация из трех взрослых работников. Так как прогресс индивидуализма не остановится перед пережитками патриархальной сложной семьи, то недостаток рабочих сил придется восполнять посредством найма. Разложение патриархальной сложной семьи неизбежно порождает хозяйства с батрацким трудом.

Характеристической особенностью этого класса деревенского населения является то, что хозяин, нанимающий рабочих, все еще сам обрабатывает землю, остается хлебопашцем. Рабочий нанимается лишь для того, чтобы помогать хозяину в его работе, причем среднее число рабочих, нанимаемых пахарем, колеблется между одним и двумя; таким образом получается требуемая кооперация из трех работников¹.

Пока этот класс русского деревенского населения не отличается многочисленностью², и это обстоятельство служит очевидно

1

Уезды	Взрослых работников (мужчин) на одну семью				Итого по всем разрядам		
	0	1	2	3 и более	полных работников	полу-работников	общее число работников
<i>Коротоякский уезд</i>							
Семья хозяина-земледе-льца	0	1	2	3	1,8	0,4	2,2
Наемные рабочие	1,2	1,2	1,2	1,5	1,0	0,2	1,2
Всех работников	1,2	2,2	3,2	4,5	2,8	0,6	3,4
<i>Нижнедевицкий уезд</i>							
Семья хозяина	0	1	2	3	2,0	0,5	2,5
Наемные рабочие	1,0	1,2	1,2	1,4	0,8	0,4	1,2
Всего работников	1,0	2,2	3,2	4,4	2,8	0,9	3,7

² Приводим данные о хозяйствах с батраками для двух уездов Воронежской губ.:

Уезды	Деревень в уезде	Хозяйства с батраками		
		всех дво-ров	на каждую сотню дво-ров	на 1 де-ревню
Коротоякский	128	829	4	6,5
Нижнедевицкий	147	1 067	5	7,3

причиною, объясняющей, почему хозяйствам с батраками мало уделяется внимания в русской литературе и даже в земских исследованиях. Однако потребность в наемном труде в более крупных крестьянских хозяйствах¹ возрастает по мере того, как делится сложная семья. Это можно видеть из следующей таблицы:

Размер хозяйства	Коротоякский уезд		Нижнедевицкий уезд	
	дворы с 3 и более работниками	дворы с 2 и менее работниками	дворы с 3 и более работниками	дворы с 2 и менее работниками
<i>Свыше 25 десятин</i>				
а) хозяйства с батраками (общее число их — 100)	54	46	53	47
б) хозяйства без батраков	66	34	74	26
<i>От 15 до 25 десятин</i>				
а) хозяйства с батраками (общее число их — 100)	21	79	31	69
б) хозяйства без батраков	31	69	36	64

Так как разложение патриархальной семьи совершается с постоянно возрастающей быстротой², то отсюда следует, что класс

¹ Хозяйства среднего размера (от 5 до 15 десятин), или хозяйства менее среднего размера, непригодны для целей сравнения, ибо на соответствующие цифры оказывает влияние еще другого рода фактор, именно—недостаток земли, благодаря которому даже для приложения труда самого земледельца остается слишком узкое поле.

² В следующей таблице сгруппированы данные о семейных разделах в трех уездах Воронежской губ.:

Уезды	Семьи, разделившиеся в течение			
	десятилетнего периода		пятилетнего периода	
	1868—77 гг. в процен- тах	1878—87 гг. в процен- тах	1878—82 гг. в процен- тах	1883—87 гг. в процен- тах
Задонский	20	36	17	19
Коротоякский	22	35	17	18
Нижнедевицкий	27	39	18	21

земледельцев, пользующихся наемным трудом, все более и более увеличивается. Собственная семья земледельца, труд которой дополняется трудом одного или двух постоянных рабочих,—таков грядущий тип земледельческой кооперации, которому суждено притти на смену натуральной семейной кооперации.

ГЛАВА IX

СОВРЕМЕННЫЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ КЛАССЫ

Смутность классовых различий на первобытной ступени экономического развития.—Народническое воззрение на классовый антагонизм в деревне.—Результаты земских статистических исследований.—Земледельцы, получающие чистый доход от земли. Торгово-промышленные крестьяне.—Концентрация земли и сильная патриархальная семья.—Разложение сложной семьи и зарождение земледельца-работодателя.—Земледельческий пролетариат.—Малоземелье.—Русский пролетарий одновременно как наемный рабочий и работодатель.—Переходная группа.—Дефицит в крестьянском хозяйстве как следствие семейных разделов.—Хозяева, нанимающиеся на заработки.—«Борьба поколений» в деревне, как отраженная форма классового антагонизма.

Существование работодателя предполагает его коррелят—наемника. Это ставит нас лицом к лицу с фактом возникновения противоположных социальных классов внутри деревенской общины.

Нужно однако иметь в виду, что в русской деревне границы между классами еще далеко не так резко обозначены, как в странах с развитым капиталистическим строем. Казалось бы батраки, занятые постоянно на стороне, должны быть бесспорно причислены к разряду пролетариев. А между тем мы видим, что большинство их продолжает оставаться хозяевами¹.

Явление это объясняется существованием сложной семьи: при двух взрослых работниках на средний двор один может оста-

Уезды	Дворы с нанимающимися в батраки	В том числе обрабатывающих свои наделы при помощи собственного инвентаря	
		число дворов	в процентах
Коротоякский	1 891	1 315	70
Нижнедевицкий	2 313	1 912	83
Задонский	2 733	1 558	57

ваться при земле, в то время как другой работает на стороне¹.

Лишь меньшинство рассматриваемых дворов имеет всего только по одному взрослому работнику, и соответственно этому мы видим, что самостоятельное хозяйство бросила лишь меньшая часть тех домохозяев, которые постоянно нанимаются в батраки².

Это настоящие деревенские пролетарии, для которых наемный труд составляет главный источник для добывания средств к жизни. Однако же они остаются еще землевладельцами, и так как у них собственного скота нет, то наделы их обрабатываются главным образом посредством наемного труда:

Батраки, наделы которых	Коротоякский уезд		Нижнедевицкий уезд	
	дворов	%	дворов	%
Обрабатываются наемным трудом	371	64	237	66
Сдаются в аренду	205	36	124	34
Всего	576	100	361	100

Перед нами весьма странный экономический тип наемного рабочего, который в то же самое время является и работодателем. Ясное дело, что на русского сельскохозяйственного наемного рабочего нашего времени нельзя вполне распространять характеристические черты современного европейского пролетария.

Разглядеть классовые различия бывает, разумеется, очень легко, когда классы уже достигли известной степени зрелости. В эмбриональный же период истинная тенденция совершающейся

¹ В среднем на один двор приходится:

	Коротоякский уезд		Нижнедевицкий уезд	
	полные работ-ники	полу-работ-ники	полные работ-ники	полу-работ-ники
Общее число членов	2	0,4	1,9	0,4
Работающих на стороне	1	0,1	0,9	0,3
Остающихся дома	1	0,3	1	0,1

	Задонский уезд	Коротоякский уезд	Нижнедевицкий уезд
Общее число дворов с нанимающимися в батраки	100	100	100
Из них с одним полным работником	64	33	38
Не обрабатывающие своего надела лично	43	33	17

эволюции маскируется множеством переходных форм, соединяющих в себе отличительные черты противоположных общественных классов. Народник семидесятых годов, воззрения которого формировались отчасти под влиянием западноевропейских социалистических идей, не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри отдельных разрядов русского крестьянства: он различал только эксплуататора—кулака или мироеда, и его жертву—пропитанного якобы коммунистическим духом крестьянина¹.

Земские статистики, как и следовало ожидать, приступили к своим исследованиям с предвзятой идеей относительно однородности крестьянства², как класса, исключая, конечно, юридических различий, которые приходилось принимать в соображение. Изучение фактов привело их впоследствии к пониманию истинного положения дел, и в некоторых из позднейших земских статистических сборников делались попытки систематизировать данные о классовых различиях в среде крестьянского населения. Главная трудность при этом состоит в выборе надлежащего признака для классификации. Под отличительные черты работодателя и наемника может быть подведена лишь незначительная часть теперешнего крестьянства³, не говоря уже о некоторой неопределенности терминов, как объяснено выше.

Г. Щербина, заведующий статистическим бюро Воронежского губернского земства, распределил крестьян на классы: 1) по раз-

¹ Глеб Успенский, относившийся с иронической улыбкой к всеобщей иллюзии, стоял одиноко с своим скептицизмом. Благодаря своему основательному знакомству с крестьянским бытом и своему выдающемуся художественному таланту, проникающему в самое сердце явлений, он не мог не заметить, что индивидуализм сделался базисом экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но вообще между крестьянами. См. его «Равные под одно», «Русская Мысль», 1882 г., № 1.

² В «Сборнике статистических сведений по Рязанской губ.», в общей таблице, столбец 36 показывает количество «десятин собственной земли на 10 надельных семей», а столбец 42—количество «десятин вне надельной аренды на 10 надельных семей». Цифры эти могут иметь какое-нибудь практическое значение разве в том лишь случае, если предположить, что все члены общины имеют долю в земле, приобретенной в собственность или снятой в аренду. В действительности же мы видим совершенно обратное.

³ Вот соответствующие данные для трех уездов Воронежской губернии:

Хозяйства	Задонский уезд		Коротоякский уезд		Нижнедевичий уезд	
	дворов	%	дворов	%	дворов	%
С баграками	609	4	829	4	1 067	5
С нанимающимися в батраки	2 733	17	1 891	9	2 313	12
Все крестьянское население	15 704	100	20 282	100	20 072	100

мерам надела; 2) по количеству скота; 3) по числу взрослых работников мужского пола на двор и 4) по промыслам. Согласно этому крестьянские дворы разделяются на 320 мелких разрядов, что дает возможность соединить их затем в более обширные социальные группы.

Мы разделим крестьянство на три главных класса:

I. Те, у которых дохода от хозяйства достаточно для покрытия всех расходов двора (включая и подати), так что не представляется нужды в работе по найму.

Дворы, покрывающие свои расходы доходами от торговых или промышленных предприятий и получающие чистую прибыль от земледелия, также отнесены к этому классу.

II. Хозяева, которые в то же время являются и наемными работниками—в области сельского хозяйства или промышленности.

III. Пролетарии, т. е. крестьяне, переставшие обрабатывать свои наделы и добывающие себе средства к существованию исключительно при помощи наемного труда.

Рассмотрим эти классы в подробностях.

I класс

Соединим вместе все исключительно земледельческие группы крестьянского населения, в которых доход от хозяйства превышает хозяйственные расходы, подати и арендную плату и в которых кроме того все домохозяева обрабатывают свои наделы при помощи собственного инвентаря. Результаты получатся следующие:

1. Баланс		
	Доходы	Расходы
	Рубли	Рубли
1501 двор, Коротоянского уезда		
Валовой доход от хозяйства . . .	185 171	—
Хозяйственные расходы	—	77 004
Арендная плата	—	33 000
Подати	—	59 094
Итого	185 171	169 098
Чистая прибыль	—	16 073
	185 171	185 171

Чистая прибыль на один двор, в среднем, 10 р. 70 коп.

2. Земли на одно хозяйство	Дворов (в %)
От 5 до 15 десятин	5
» 15 » 25 »	72
Свыше 25 »	23
Всего	100
3. Скота на одно хозяйство	Дворов (в %)
1 лошадь	1
2 лошади ¹	42
3 » ¹	38
4 и более лошади	19
Всего	100

¹ Дворы с двумя и с тремя лошадьми считаются в таблицах статистического сборника вместе; но при данном количестве лошадей число членов каждой группы можно определить путем решения двух уравнений с двумя неизвестными.

Как видно из приведенных таблиц, требования, каким должны удовлетворять «сильные» дворы, сводятся к следующему: 1) размер хозяйства должен превышать 15 десятин, т. е. быть больше среднего размера; 2) в хозяйстве должно быть по меньшей мере две лошади.

Руководствуясь этими принципами, мы получим следующую таблицу, заключающую в себе данные о всех домохозяевах рассматриваемого класса в Коротоякском уезде:

	В классе	В уезде
Общее число домохозяев	1 999	20 282
<i>Число членов среднего двора</i>		
Мужчин и женщин	10,1	7,3
Взрослых работников мужского пола . .	2,1	1,7
Полурабочников	0,6	0,4
<i>Землевладение</i>		
Общинной земли (десят.)	—	—
1) на 1 взрослого работника мужского пола	11,5	8,3
2) на 1 двор	24,4	14,2
Арендуемой земли (десят.) на 1 двор . .	5,1	4,2
Лошадей на 1 двор	2,7	1,8
Валовой доход от хозяйства минус рас- ходы, подати, аренда и плата рабочему на 1 двор (в рублях)	+2,09	—26,97
	%	%
Классификация дворов		
<i>a) по рабочим силам</i>		
С 1 взрослым работником мужского пола	29	47
» 2 взрослыми работником мужского пола	41	30
» 3 и более работниками	30	19
	} 71	} 49
Всего	100	96
<i>b) по землевладению</i>		
Имеющих от 15 до 25 дес.	72	25
» свыше 25 дес.	28	9
Всего	100	34
Пользующихся арендуемой землей	54	42
<i>c) по количеству скота:</i>		
Держащих 2 лошадей	45	33
» 3 »	38	16
» 4 и больше лошадей	17	7
Всего	100	56

Этот класс занимает высшие ступени социальной лестницы в русской деревне. Его экономическая независимость обусловливается прежде всего тем обстоятельством, что большинство принадлежащих к нему дворов представляет собою каждый кооперацию по крайней мере из двух взрослых работников мужского пола с полурабочниками, далее—тем благоприятным обстоятельством, что размер надела на одного работника превосходит в этом разряде

почти на половину средний размер надела по уезду; соответственно этому и количество рабочих лошадей у них больше на столько же: три лошади на двор составляют среднюю величину для рассматриваемого класса, тогда как у доброй половины всех хозяйств уезда количество рабочих лошадей не достигает даже среднего поуездного—двух на двор.

Другое подразделение того же класса образуют домохозяева, для которых торгово-промышленные занятия служат настолько же важным источником дохода, как и земледелие:

Коротоякский уезд

	Дворы или заведения	Доходы в рублях	Расходы в рублях	Баланс в рублях
Валовая выручка от продажи продуктов	1 366	211 237	—	—
Подати	—	—	48 626	—
Аренда	—	—	79 550	—
Плата рабочим	—	—	16 113	—
Всего для земледелия	—	211 237	144 289	+ 66 948
Валовая выручка от торговли и промышленности	1 384	230 527	—	—
Расходы по хозяйству	—	—	171 705	—
Всего для торговли и промышленности	—	230 527	171 705	+ 58 822
Общий итог	1 366	441 864	315 994	+ 125 770
Чистая прибыль на 1 двор	—	—	—	92,07

Чистая прибыль, получаемая от промышленности и торговли, дает этим домохозяевам возможность расширить свое земледельческое хозяйство, за исключением очень незначительного меньшинства их, которое всецело посвятило себя торговле или промыслам и не занимается земледелием¹. Экономический уровень, на котором стоит рассматриваемый класс, показан в следующей таблице:

¹ В Коротоякском уезде насчитывается 103 домохозяина, имеющих промышленные и торговые заведения, которые не занимаются земледелием; это составляет 8% общего числа крестьян второго отдела первого класса (т. е. всех промысловых), или 0,5% всего крестьянского населения уезда.

Класс I. Коротоякский уезд	Средний размер надела в десятинах	Арендуемой земли (на 1 двор) в десятинах	Арендаторов (в каждой сотне дворов)
Не занимающиеся промыслами	24,4	5,1	54
Торгово-промышленные	21,9	11,4	73
По всему уезду вообще	14,2	4,2	42

Концентрация общинной земли оказывается общим базисом экономического благосостояния изучаемого класса деревенского населения.

Среди домохозяев, занимающихся торговлей и промышленностью, мы находим, правда, значительное меньшинство, наделы которых не превышают средних размеров; но недостаток наделной земли восполняется усиленной по сравнению с другими классами арендой, как это видно из следующей таблицы:

Коротоякский уезд	Всего		Арендаторов		Арендуемой земли на 1 двор, в среднем (десятина)
	число дворов	%	число дворов	%	
Крестьяне-промышленники, имеющие от 1 до 5 десятин земли	59	5	48	81	5,9
Имеющие от 5 до 15 десятин	444	35	311	70	8,6
Имеющие от 15 до 25 десятин	392	31	288	73	9,7
Имеющие свыше 25 десятин	370	29	271	73	17,3
Всего	1 265	100	918	73	11,4

При общинных порядках крупный надел предполагает существование сильной патриархальной семьи; сохранение этой семьи служит характеристической чертой одинаково как для крестьян-промышленников, так и для чистых земледельцев рассматриваемого класса; черта эта выражена, пожалуй, даже несколько резче у крестьян-промышленников, чем у чистых земледельцев:

<i>Коротоякский уезд</i>		Чистые земледельцы (%)	Промышленники (%)
Дворы			
Без взрослых работников мужского пола	—	—	3
С 1 взрослым работником мужского пола	29	29	24
С 2 взрослыми работниками мужск. пола	40	40	33
С 3 и более взрослыми работниками	31	31	40
Всего	100	100	100

С другой стороны, среди этого разряда деревенского населения сделало громадный шаг вперед ведение земледельческого хозяйства при помощи наемного труда. Можно сказать, что земледелец-работодатель является по преимуществу членом этого прогрессирующего класса:

Коротоякский уезд	Хозяйство с батраками		Численность батраков	
	дворов	процентное отношение к общему числу членов разряда	%	на 1 двор
Промышленники	296	22	43	} 59
Чист. земледельцы	161	8	16	
Остальное население	372	2	41	
Всего	829	4	100	1,3

Эта форма земледельческой кооперации разрастается в рассматриваемом классе по мере разложения патриархальной семьи:

Дворы земледельцев-промышленников	С батраками (%)
С 3 и более взрослыми работниками мужского пола	16
С 2 и менее взрослыми работниками мужского пола	25
Всего	22

III класс

Отличительным признаком сельского пролетариата является обыкновенно неимение рабочего скота¹.

¹ Не обрабатывающие своего надела:

Коротоякский уезд	В рассматриваемом классе		Во всем уезде
	Дворов	%	%
Безлошадные	2471	90	13
С 1 лошадей	256	9	} 10
С 2 и более лошадей	33	1	
Всего	2760	100	100

Класс сельских пролетариев в общем почти совпадает с классом безлошадных:

Безлошадные	Дворов	%
Промышленники	68	3
Обрабатывающие свои наделы	143	5
Не обрабатывающие своих наделов	2471	92
Всего	2682	100

Те 10 процентов, которые перестали обрабатывать свои наделы, хотя и имеют по одной и более лошадей, равно как те 8 процентов, которые обрабатывают свои наделы без рабочих лошадей, составляют (каждый из этих разрядов) всего лишь около 1% крестьянства Коротоякского уезда. Стало быть, отождествляя пролетариев с безлошадными, мы делаем такую ничтожную ошибку, которой можно пренебречь.

Ряды сельского пролетариата наполняются теми крестьянами, у которых земли настолько мало, что и обрабатывать ее не стоит.

Почти половина этого класса состоит из безземельных или имеющих земли меньше 5 десятин: процент таких домохозяев в три раза выше среди пролетариев, чем среди всех крестьян вообще. Лишь весьма незначительное меньшинство владеет участками, превышающими средний размер: процент таких домохозяев среди пролетариев в три раза ниже, чем среди всего крестьянства. Вообще говоря, надел сельского пролетария вдвое меньше среднего по уезду:

Дворы (Коротоякский уезд)	Не обрабатывающие своего надела	Безлошадные	Во всем уезде
	проценты		
Безземельные	11 } 48	11 } 48	2 } 16
Имеющие меньше 5 дес.	37 } 48	37 } 48	14 } 16
Имеющие от 5 до 15 дес.	42	43	50
» » 15 » 25 »	9 } 10	8 } 9	25 } 34
» свыше 25 дес.	1 } 10	1 } 9	9 } 34
Всего	100	100	100
Средний надел			
На 1 двор (десятин)	—	7,2	14,2
» 1 взрослого работника мужск. пола (десятин)	—	7,9	8,3

Это явление служит прямым последствием полного разложения патриархальной семьи в среде деревенского пролетариата: главная масса его состоит из семей одиночек:

Дворы (Коротоякский уезд)	Не обрабатывающие своего надела	Безлошадные	В целом уезде
	в процентах		
Без взрослых работников	24 } 86	17 } 85	5 } 51
С 1 » »	62 } 86	68 } 85	46 } 51
С 2 » »	12 } 14	13 } 15	30 } 49
С 3 и более взрослыми работниками	2 } 14	2 } 15	19 } 49
Всего	100	100	100
В среднем на 1 двор:			
Взрослых работников мужского пола	—	0,9	1,7
Полурабочников	—	0,2	0,4
Обоего пола	—	3,8	7,4

Оказавшись несостоятельной в качестве земледельцев, половина сельского пролетариата сделалась батраками. Другая половина работает в разных отраслях промышленности или же совсем не имеет постоянного занятия:

Бесхозяйные	Коротоякский уезд (в процентах)	Нижнедевицкий уезд
Сельскохозяйственные рабочие	48	50
Занятые в разных отраслях промышленности	39	40
Без постоянных занятий	13	10
Всего	100	100

Для всех них наемный труд служит главным источником для добывания средств к жизни:

Коротоякский уезд

Безлошадные	Рубли	%
Валовой доход от земледелия	40 610	24
Заработная плата	122 604	72
Разные заработки	6 719	4
Всего	169 933	100

Доход от земледельческого хозяйства имеет для них второстепенное значение. Валовая выручка от продажи сельскохозяйственных продуктов поглощается у них податями:

Коротоякский уезд

Безлошадные	Выручка (рубли)	Расходы (рубли)
Валовой доход от земледелия	40 610	—
Подати	—	33 738
Арендная плата	—	1 046
Плата рабочим	—	1 144
Всего	40 610	35 928
Баланс (2 682 двора)	—	4 682
	40 610	40 610

Баланс для 1 двора (денежный доход) 1 р. 75 к.

Тем не менее часть продуктов земледельческого хозяйства потребляется в натуре и может служить для снабжения владельца кое-какими из жизненных припасов¹.

¹ Задонский уезд

	Безлошадные	
	дворов	%
Итаются хлебом с своей земли		
Круглый год	771	30
9 месяцев	531	21
От 6 до 9 месяцев	358	14
От 1 до 6 »	220	9
Покупают хлеб круглый год	665	26
Всего	2545	100

Для деревенского пролетария, действительно, оказывается выгодным обрабатывать свой надел при помощи наемного труда. Поэтому большинство пролетариев русских деревень является не только наемными работниками, но в то же время и работодателями:

Уезды	Обрабатывающие надел наймом (%)	Бесхозные %
(общее число пролетариев—100)		
Задонский	69	31
Коротоякский	67	33
Нижнедевицкий	74	26
Раненбургский	64	36
Данковский	64	36

Пока еще незначительная лишь часть деревенского населения превратилась в настоящих пролетариев, для которых все экономические интересы сосредоточиваются в наемном труде.

Вот процентное отношение заправских пролетариев ко всему крестьянскому населению.

Уезды	%
Задонский	8
Коротоякский	5
Нижнедевицкий	3
Раненбургский (включая безземельных)	15
Данковский (включая безземельных)	15

Из них большая часть находит себе занятие в промышленности, меньшая обрабатывает свою землю посредством наемного труда:

Уезды и разряды	Промышленные рабочие (%)	Сельскохозяйственные рабочие (%)
<i>Коротоякский</i>		
Бесхозные	51	39
Хозяйственные пролетарии	34	53
<i>Нижнедевицкий</i>		
Бесхозные	48	44
Хозяйственные пролетарии	37	53

Промышленный пролетариат беспрерывно уносится прочь с расширяющимся уходом из земледельческих местностей. Поэтому можно с вероятностью предположить, что только половина заправских пролетариев остается в деревне; это составляет от 2 до 8% населения. Но процентные отношения дают иногда ложное представление об явлениях, вне соотношения с абсолютными числами. Когда говорится о 2% стоимиллионного населения, то возникает иллюзия, будто эти два процента представляют двухмиллионный деревенский пролетариат с резко выраженными классовыми интересами. Но мы знаем, что эти пролетарии рассеяны по деревням с населением в 62 двора, средним числом, на каждую¹. Стало быть,

¹ Число общин в исследованных земствами уездах равно 50 429; в них насчитывается 3 309 020 дворов (См. стр. 77).

Максимум в 8% 62 дворов означает всего-навсего лишь пять пролетариатских семей, а минимум в 2% — лишь одну пролетариатскую семью европейского типа, — на деревню. Отсюда, мне кажется, следует, что о развитии пролетариатского классового духа (proletarisches Klassenbewusstsein) в современной русской деревне не может быть и речи.

II класс

Середину между двумя крайностями, т. е. между самостоятельными хозяевами и наемными работниками-пролетариями, занимает переходный класс — крестьяне, которые в одно и то же время являются и хозяевами, и наемными работниками.

Так как земля здесь обрабатывается трудом ее владельца, то земледельцу полагается держать скот. Мы знаем, что две лошади на хозяйство составляют минимум, требуемый для образования сильного крестьянского двора, причем среднее число лошадей на двор приближается к трем. У пролетариев в обыкновенных случаях нет рабочего скота. Рассматриваемый же здесь промежуточный класс отличается тем, что входящие в его состав домохозяева имеют от одной до двух лошадей¹.

Класс полужемледельцев-полурабочих распадается на два отдела: А) домохозяева, у которых сторонние заработки служат лишь для покрытия незначительного дефицита в земледельческом хозяйстве, В) домохозяева, для которых наемный труд сделался столько же важным источником дохода, как и земледелие.

Коротоякский уезд

Класс II	Доход от	Доход от наемной работы	на 1 двор в год (рубли)
	земледелия (в %)	%	
Отдел А	92	8	6,39
Отдел В	50	50	50,47

1

Коротоякский уезд

Классы	Дворы (%)					В среднем лошадей на 1 двор
	без-лошадные	с 1 лошадью	с 2 лошадями	с 3 лошадями	с 4 и более лошадями	
Земледельцы-промышленники	—	12	25	27	36	3,2
Чистые земледельцы	—	—	45	38	17	2,8
Земледельцы-рабочие	—	42	37	15	6	1,8
Пролетарии-рабочие	90	9	1			0,1

Как ни мал дефицит в сельскохозяйственном хозяйстве у крестьян отдела А, — он служит все-таки первым шагом к падению еще недавно самостоятельного хозяина-земледела. Сравнение крестьян этого разряда с чистыми земледельцами класса I обнаруживает настоящую причину этого явления: дефицит идет рука об руку с разложением патриархальной семьи:

Коротоякский уезд

Работников мужск. пола на 1 двор	Процент дворов	
	с чистой прибылью	с дефицитом
Ни одного	—	3 } 73
Один	29	70 } 73
Два	41 } 71	23 } 27
Три и более	30 }	4 }

По абсолютному и относительному размеру надел мелкой разделенной семьи с одним лишь работником мужского пола далеко уступает наделу патриархального двора.

Коротокский уезд)

Величина участков	Процент дворов	
	с чистой прибылью	с дефицитом
Меньше на 5 десятин	—	15
От 5 до 15 десятин	—	79
От 15 до 25 десятин	72	6
Свыше 25 десятин	28	—
Всего	100	100

	Десятин	Десятин
В среднем на 1 двор	24,4	10,6
В среднем на 1 работника	11,5	8,3

Одинокий работник лишь в редких случаях удерживается выше среднего уровня; в конце концов он принужден бывает обратиться к каким-нибудь сторонним заработкам, к наемному труду, т. е. перейти в низший отдел этого переходного класса, по своему жизненному положению приближающийся к пролетариям.

Повидимому крестьянин отдела В рассматриваемого промежуточного класса II обладает даже несколько большей силой в хозяйственном отношении, чем крестьянин высшего отдела А, о котором мы только что говорили.

Коротоякский уезд <i>Землевладение</i>	Отдел А Отдел В в процентах	
	Дворы, имеющие менее 5 десятин	15
От 5 до 15 дес.	79	52
» 15 » 25 »	6	28
Свыше 25 дес.	—	10 } 38
Всего	100	100

<i>Скот</i>	Отдел А	Отдел В
	в процентах	
Дворы без рабочих лошадей	—	1 } 40
С 1 рабочей лошадью	49	39 } 38
С 2 рабочими лошадьми	36 } 51	16 } 60
С 3 » »	13	6 }
С 4 и более рабочими лошадьми	2 }	6 }
Всего	400	400

Однакож отдел В должен быть поставлен на низшую, по сравнению с отделом А, ступень деревенской социальной лестницы, ибо, во-первых, в нем относительный доход на взрослого работника мужского пола ниже, чем в отделе А¹, а во-вторых, замечаемый в нем высший абсолютный уровень земледельческого хозяйства отличается непрочностью. Действительно, он обуславливается тем обстоятельством, что сложная, большая семья еще преобладает в отделе В, тогда как в отделе А она исчезает².

Существование сложной семьи позволяет одним из ее работников вести земледельческое хозяйство, в то время как другие работают на стороне³.

С разделом большой семьи, а это, как мы знаем, является лишь вопросом времени, некоторое число домохозяев принуждено будет бросить земледелие. Таковы прежде всего домохозяева, нанимающиеся на год или на лето в батраки. В настоящее время их насчитывается (в Коротоякском уезде):

	Дворов
С 1 взрослым работником мужск. пола	649
Безлошадных	568
Не обрабатывающих свой надел	576
С 2 или более взрослыми работниками мужск. пола	1 242
С 1 лошадью или более	1 323
Обрабатывающих свой надел	1 315

1

Валовой доход на работника
(Коротоякский уезд)

	Рубли
Отдел А	66,17
Отдел В	54,29

2

Дворы (Коротоякский уезд)	Отдел А	Отдел В
	(в процентах)	
Без взрослых работников мужского пола	3 } 73	1 } 39
С 1 взрослым работником м. п.	70	38 }
С 2 взрослыми работниками м. п.	23 } 27	37 } 61
С 3 и более взрослыми работниками м. п.	4 }	24 }
Всего	100	100

3

Класс II, отд. В
(Коротоякский уезд)

Работников и полуроботников	23 110
Занятых на стороне	16 299
Занятых исключительно хозяйством на своей земле	6 811
Общее число дворов	10 016

Одиночки, живущие в батраках, в большинстве случаев перестали обрабатывать свои наделы. Раздел остающихся теперь 1242 сложных дворов прибавит к классу пролетариев почти такое же число семей, а это составит увеличение пролетариата на 45%.

Исследовавши в деталях различные классы деревенского населения, срезумируем их характерные черты в одной таблице, чтобы показать тенденцию совершающейся теперь эволюции:

Классы	Дворов %	Среднее число членов на двор			
		обоего пола	полных работников	полуроботников	всего работников
I. С чистой прибылью от земледелия:					
Земледельцы - промышленники	6	10,5	2,4	0,6	3,0
Чистые земледельцы	10	10,1	2,1	0,6	2,7
В классе I	16	10,2	2,2	0,6	2,8
II. С дефицитом:					
А. Чистые земледельцы	20	6	1,3	0,3	1,6
В. Земледельцы-рабочие	50	7,9	1,9	0,4	2,3
В классе II	70	7,4	1,7	0,4	2,1
III. Пролетарии:					
Работодавцы-рабочие	9	—	—	—	—
Чистые пролетарии	5	—	—	—	—
В классе III	14	3,8	0,9	0,2	1,1

Указание на развитие русской деревни в будущем мы находим в том факте, что главные классы, на какие делится крестьянство, имеют тесную связь с возрастным составом населения.

Почву удержало за собой лишь меньшинство: старинные сложные семьи, которые остались настоящими земледельческими семьями. Среднюю экономическую группу деревни образуют «средняки», т. е. домохозяева средних лет, в семьях которых, кроме них самих, есть полуроботники или по одному взрослому работнику. Пролетарии набираются из среды молодых поколений, семьи которых состоят из мужа и жены с малыми детьми.

Здесь мы видим экономический базис той «борьбы поколений» в деревне, которая одно время служила предметом многочисленных толков в русской литературе. Старики, «средняки» и молодые являются представителями трех различных социальных классов: первые—землевладельцев-хозяев старого закала и прочной работы, вторые—современных крестьян—полуземлевладельцев-полурабочих и, наконец, третьи—пролетариев с их несходством во взглядах, в котором отражается различие и антагонизм их экономических интересов.

В приводимой ниже таблице сопоставлен процент стариков в разных группах крестьянства.

Дворы (Коротоякский уезд)	Классы			Всего в уезде	Стариков свыше 60 лет	
	сильные земле- дельцы	земле- дельцы рабочие	про- лета- рии		всего	отноше- ние к числу дворов
Безземельные	—	—	11	2 } 18	1 } 8	9
Имеющие от 1 до 5 де- сятин	2	11	37			
Имеющие от 5 до 15 де- сятин	14	60	42	50	41	11
Имеющие от 15 до 25 де- сятин	56 } 84	22 } 29	9 } 10	25 } 34	31 } 51	17
Имеющие свыше 25 де- сятин						
Всего	100	100	100	100	100	14

Относительное число стариков свыше 60 лет в четыре раза больше в самом высшем по землевладению разряде крестьян, чем в самом низшем (28 : 7). Абсолютное число стариков домохозяев, принадлежащих к двум низшим по размерам землевладения разрядам, вдвое меньше среднего по уезду (8 : 16), тогда как в самом высшем разряде их вдвое больше среднего, а в двух высших по землевладению группах, взятых вместе, число старых домохозяев превышает среднее на 50% (51 : 34). Большинство же класса сильных земледельцев-хозяев образуется из этих двух групп, и половина стариков-домохозяев принадлежит к тем же самым группам, составляя в последних весьма значительное меньшинство. Напротив, половина пролетариев распределяется между теми группами, в которых процент стариков совершенно ничтожен.

ЛИЧНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА

Распределение земельной собственности при четвертном и общинном землевладении.—Сдача общинной земли как шаг к экспроприации бедняков.— Спекуляция крестьянскими наделами. — Мобилизация общинной земли.

До сих пор мы рассматривали те перемены, которые дробление наделов произвело в составе деревенского населения. Теперь мы поставлены лицом к лицу с вопросом, какое влияние оказывает это дробление на мелкое крестьянское землевладение.

Относительно стран с личной собственностью на землю вопрос этот вполне уже разъяснен. В России дело осложняется системой общинного владения землей.

Однако ж право отчуждения, в котором, в данном случае, заключается корень вопроса, присуще четвертному землевладению наравне с частной собственностью. Таким образом мы можем воспользоваться случаем для сравнительного исследования.

Вполне естественно, что в распределении земли оказывается больше неравномерности при четвертном владении, чем при общинном:

Бывшие государственные крестьяне Дворов	Четвертное землевладение	Общинное землевладение
	Данковский и Раненбургский уезды (%)	Задонский и Воронежский губ. (%)
Безземельных	4	1
Имеющих менее 5 дес.	37	27
» более 5 »	59	72
Всего	100	100
Средний размер надела (дес.)	10,9	10,4

Максимальный размер надела при четвертном землевладении в десять раз превосходит средний. При общинном порядке владения, где земля периодически переделается сообразно с числом членов семей, такие крайности совершенно невозможны, поскольку речь идет о собственности на землю.

Сравним далее число экспроприированных при общинном и при четвертном землевладении:

Данковский и Раненбургский уезды Бывш. государственные крестьяне	Безземельных (%)	Переселившихся (%)	Всего (%)
Четвертное землевладение	3	14	17
Общинное »	1	9	10

Нужно заметить, что при общинном землевладении наделы переселенцев остаются собственностью общины, чего нет при другой форме владения, до известной степени аналогичной частной собственности. Итак, можно полагать, что община служит довольно действительным предохранительным клапаном против экспро-

приации беднейшей части крестьянства. На деле, однако, влияние общинного владения оказывается чисто формальным. Общинная земля ускользает из рук ее юридических владельцев под видом сдачи в аренду.

Количество общинной земли, сдаваемой в аренду, почти равно количеству земли, арендуемой крестьянами непосредственно у помещиков:

Уезды	Арендуется помещичьей земли	Сдается общинной земли	
	Десятин	Десятин	В процентах
Раенбургский	18 044	17 060	10
Данковский	13 792	9 846	7
Задонский	12 160	11 886	9
Коротоякский	11 815	21 695	8
Нижнедевицкий	13 851	18 950	7

Кроме того статистические данные показывают, что лишь около четвертой части всех сдатчиков надельной земли являются настоящими земледельцами, обрабатывающими свои наделы при помощи собственного инвентаря, тогда как около половины этих сдатчиков бросили хозяйство совсем:

Сдается:	Раенбургский уезд	Данковский уезд	Задонский уезд
	(в процентах)		
Часть надела, остальная обрабатывается:			
а) владельцем	7	7	7
б) при помощи наемного труда	6	6	5
Весь надел	12	11	8
Всего	25	24	20

Только в немногих случаях сдача в аренду части надела служит доказательством избытка земли. Обыкновенно часть надела сдается теми домохозяевами, которые не в силах держать нужное для обработки их земли количество скота. Наделы, сдаваемые целиком, самые мелкие по своим размерам, так что и обрабатывать их не стоит.

Сказанное подтверждается следующими цифровыми данными.

Задонский уезд

Разряды крестьян	Сдается часть надела				Обрабатывается весь надел (десятин)
	число дворов	земли на 1 двор (десятин)			
		всего	сдается	обрабатывается	
Имеющие свыше 25 дес.	—	20,7	9,9	10,8	17,6
» от 15 до 25 дес.	—	9,7	5	4,7	8,9
» » 5 » 15 »	—	5	2,7	2,3	4,9
» меньше 5 дес.	—	2,5	1,5	1	2
Всего	—	6	3,2	2,8	4,9
Имеющие 4 и более лошадей	40	38,1	9	29,1	10,7
Имеющие от 2 до 3 лошадей	226	11,8	5,6	6,2	5,9
» 1 лошадь	909	6	3	3	3,6
Не имеющие ни одной лошади	877	4,3	2,7	1,6	2,6
Всего	2 022	6	3,2	2,8	4,9

Рассматривая первые ряды, где дворы классифицированы по величине наделов, мы замечаем, что сдатчики, наделы которых несколько больше среднего, опускаются в ближайшие низшие разряды хозяев по размерам своих хозяйств. С другой стороны, при данном количестве скота площадь обрабатываемой земли остается постоянной. Сдатчиками оказываются те домохозяева, наделы которых соответствуют разрядам высшего разряда, но которые по количеству содержимого скота стоят на одном уровне с низшим разрядом. Десять дворов, имеющие по 4 лошади, составляют исключение: обрабатываемая ими площадь земли значительно превышает среднюю величину. Может быть найдется и еще несколько дворов точно такого же рода, которые скрываются в средних цифрах; но в целом подобные хозяйства составляют лишь исключение из общего правила.

Что касается величины наделов, сдаваемых в аренду целиком, то вот цифры, не требующие комментариев:

Среднее количество обрабатываемой земли на 1 двор (десятин)

Задонский у. Коротоянск. у.

У домохозяев, сдающих весь надел	2,2	2,5
Во всем районе	4,6	5,8

Процент се-
мей к насе-
лению

Процентное от-
ношение сда-
ваемой земли
ко всей общин-
ной земле

Раненбургский уезд

Сдают 1) весь надел	12 }	10
2) часть надела	14 }	

Данковский уезд

Сдают 1) весь надел	11 }	8
2) часть надела	13 }	

Припомним¹, что наделная земля сдается за подати с доплатою от одного до трех рублей с надела в год в пользу владельца. Очевидно, что сдача земли на подобных условиях фактически означает экспроприацию владельца надела.

Таким образом при господстве общинных порядков около одной четверти домохозяев, номинально числящихся «крестьянами-собственниками», находятся на пути к экспроприации или уже экспропрированы. Что же касается съемщиков крестьянских наделов, то их нужно отнести к высшему разряду класса арендаторов², в силу аренды. Помещик отсрочивает арендатору вне-

¹ См. главу II.

² Из помещаемой ниже таблицы видно, что среди высших по размерам землевладения разрядов крестьянства аренда крестьянских наделов распространена больше, чем аренда помещичьих земель, а эта последняя развита сильнее среди низших по размерам землевладения групп крестьянства:

Уезды Разряды крестьян	Съемщики (%)		Арендуемая земля (%)	
	снимают у помещиков	снимают у крестьян	снимаются у помещиков	снимаются у крестьян
<i>Задонский</i>				
Имеющие меньше 5 дес.	38	31	28	21
» от 5 до 15 дес.	52	51	48	48
» более 15 дес.	10	18	24	31
Всего	100	100	100	100
<i>Коротоякский</i>				
Имеющие меньше 5 дес.	13	13	10	8
» от 5 до 15 »	53	48	38	38
» больше 15 »	34	39	52	54
Всего	100	100	100	100
<i>Нижнедевицкий</i>				
Имеющие меньше 5 дес.	25	15	23	9
» от 5 до 15 »	52	49	41	42
» больше 15 »	23	36	36	49
Всего	100	100	100	100

сение арендных денег, по крайней мере части их, до уборки жатвы, и в случае нужды часть арендной суммы может быть отработана. Крестьянин сдает свой надел или целиком, за уплату податей, или частью вследствие нужды в деньгах. В том и другом случае деньги должны быть отнесены вперед осенью. Далеко не редко бывает, что надел сдается на срок от шести до двенадцати лет¹, причем аренда уплачивается вперед. Особенно часто сдаются так наделы переселенцев или тех домохозяев, которые работают на стороне постоянно. Нечего говорить, что арендные деньги уплачиваются вперед лишь со значительной скидкой².

Благодаря этой разнице в арендных ценах возникла спекуляция крестьянской землей. Сотни наделов снимаются богатыми крестьянами или купцами и затем передаются весной мелкими участками более бедным сьемщикам³:

Уезды	Десятин	Процентов	Арендная цена за десятину (рублей)	Чистая прибыль в %
<i>Коротоякский</i>				
Арендуется на продолжительные сроки	4 090	100	5,81	
Передается	990,5	24	7,14	23
<i>Нижнедевицкий</i>				
Арендуется на продолжительные сроки	1 061	100	6,17	
Передается	138	13	10,09	63

¹ Крестьянская земля сдается в аренду на продолжительные сроки:

Уезды	Сьемщики		Земля	
	дворов	процентов (общее число сьемщик. = 100)	десятин	процентов (общее количество снимаемой земли = 100)
Залонский	179	5	801	8
Коротоякский	400	7	4 090	22
Нижнедевицкий	238	4	1 061	6

² Арендные цены за десятину:

Уезды	При сдаче наделов на год (рубли)	При сдаче на долгие сроки (рубли)
Залонский	9,34	6,28
Коротоякский	8,45	5,81
Нижнедевицкий	8,71	6,17

³ Встречается впрочем несколько случаев, когда общинная земля употреблялась для ведения крупного хозяйства. Община обязывалась отдавать

Тот факт, что отчуждаемость крестьянской земли сделалась обычным явлением в общине, впервые установлен был Трироговым еще в 1879 г.¹

Исследователь этот не отдавал себе отчета в экономическом значении отмеченного им явления, когда высказал мнение, что отчуждаемость земли свидетельствует о присущей общине необычайной способности к «приспособлению».

В действительности—как раз наоборот. Тот факт, что общинная земля является объектом частного соглашения, означает замену общинного начала экономическим индивидуализмом. С особенной яркостью обнаружилось это обстоятельство, когда в начале восьмидесятых годов свободному «миру» пришлось иметь дело с вопросом об общем переделе общинной земли.

ГЛАВА XI

ПЕРЕДЕЛЫ ОБЩИННОЙ ЗЕМЛИ

Ревизии.—Общие переделы.—Частные переверстки и возвышение ренты.—Сдача общинной земли и переделы.—Богатое меньшинство.—Концентрация общинной земли в частных руках. Влияние выкупа.—Антагонизм экономических интересов в деревне.—Разложение общины.—*Примечание:* О неотчуждаемости наделов.

Крестьянская Россия крепостной эпохи была своего рода генри-джорджевским царством. Крестьяне смотрели на землю, как на единственный объект податного обложения. Соответственно этому сроки общих переделов земли подгонялись ко времени ревизий, которые производились правительством в видах обложения народа подушной податью через 15-летние, в среднем выводе, промежутки.

Разделение нации на «податные сословия» и «привилегированные сословия» не соответствовало новой идее равенства пред законом провозглашенной реформаторами, которые окружали

наделы в одной полосе для пользования съемщика, которым являлся часто купец или человек, посторонний общине («Сборник статистических сведений по Рязанской губернии», т. II, ч. I, стр. 272, № 6; стр. 283, № 5; стр. 301, № 5).

В некоторых случаях хроническая недоимочность заставляла самое общину сдавать участки общинных земель,—обыкновенно выгон—для обращения под пашню. Вот два факта.

Деревня *Дубки*, Данковского уезда: «Около 1861 г... погорели и не уплатили оброка, который был взыскан продажей имущества. Частные продажи повторялись до 1872 года и прекратились лишь после сдачи обществом в аренду 50 дес. из-под луга и выгона» (там же, вып. II, стр. 199, № 4).

В с. *Племзшиковом*, Данковского уезда: «Из-за недоимок по оброку начались и затем часто повторялись аукционные продажи имущества. Около 1865 г. общество сдало в аренду около 150 дес. и с тех пор не в силах прекратить сдачу» (там же, стр. 249, № 6; см. также стр. 210, № 7).

Как ни исключительны подобные случаи, они показывают все-таки, что принадлежность земли деревенской общине не исключает возможности капиталистического хозяйства на общинных полях.

¹ В ряде статей, печатавшихся сперва в «Отечественных Записках», а потом вышедших отдельной книгой под заглавием «Община и подать».

Александра II. В 1858 г. назначена была комиссия для разработки вопроса об отмене подушной подати и об общем преобразовании всей русской финансовой системы. После 25-летних упорных трудов, весьма щедро оплачиваемых, к чести правительства было сказано, комиссия привела в исполнение отмену подушной подати¹. Между тем ревизии были приостановлены, ибо они имели единственной своей целью обложение этой податью. Производство общих переделов общинных земель вследствие этого замедлилось. Везде, где земельная рента не покрывала податей, и до тех пор, пока сумма податей за землю превышала земельную ренту, ежегодно совершались частные переверстки, имевшие целью согласовать размер платимых налогов с изменившимся положением различных налогоплательщиков. Возвышение ренты сделало ненужным вмешательство общины в распределение земли, и частичные переверстки вышли из употребления.

Однакож, в то время как прежде всякий стремился избавиться от своего земельного участка, пользование которым налагало тяжелые обязательства на владельца, теперь все начали искать земли, ибо она стала приносить известный иногда крупный доход. Неравенство землевладения, развивавшееся вместе с ростом населения, породило резкий антагонизм в русской деревне. Ко времени земского статистического исследования в Рязанской губернии в некоторых общинах борьба уже прекратилась, окончившись победой «мира»; но в огромном большинстве общин она была еще в полном разгаре.

В шести волостях (из общего числа 45), т. е. в 87 общинах, серьезным препятствием к переделам являлась сдача общинной земли в аренду.

Сильное сопротивление производству переделов оказывали богатые члены общины, которые держали в аренде на долгие сроки наделы переселенцев и отхожих рабочих, отдавши вперед всю арендную плату. Переделы неизбежно повели бы к уничтожению этих сделок², взыскивать же вознаграждение за убытки с сдатчиков наделов судебным порядком было бы бесполезно³. Гарантией для съемщиков является закон, открывающий при данных условиях незначительному меньшинству домохозяев возможность предотвратить передел.

¹ Подушная подать не превышала 1 руб. 60 коп. с души и составляла лишь очень незначительную часть общей суммы взимаемых с крестьянства податей. Она заменена была косвенными налогами на предметы крестьянского потребления. Кроме того, хотя собственно подушная подать и отменена, система подушного обложения продолжает существовать в виде прочих прямых налогов, взимаемых с крестьян.

² Так именно и было в дер. Воскресенское, Качуровской волости, Данковского уезда, где наделы переселенцев при переделе подверглись распределению между всеми общинниками, несмотря на то, что срок сдачи еще не окончился. («Сборник», ч. II, стр. 236.)

³ Может ли съемщик возбуждать дело в подобных случаях,—это еще весьма сомнительно. Сдатчик пользуется наделом на праве precarious владения, и съемщик при заключении сделки заранее знает, какому он подвергается риску.

Для составления мирского приговора о переделе требуется согласие двух третей всех домохозяев общины. Между тем около одной пятой общинников не живет дома, занимаясь где-нибудь на стороне наемным трудом; затем среди переселенцев есть известный процент крестьян, которые еще не порвали окончательно свои связи с общиной. По вычете этих двух групп домохозяев, голоса которых идут в счет при постановлении приговора, более состоятельными общинникам уже очень легко воспротивиться требованиям сторонников передела. Кроме того крестьяне, которые обыкновенно сдают свои наделы в аренду, не заинтересованы в уравнительном перераспределении земли, хотя бы даже они и находились налицо. Дело сторонников мирского начала становится таким образом весьма ненадежным. Об этом свидетельствуют следующие цифры:

	Раненбург- ский уезд	Данковский уезд
	(в процентах)	
Всех домохозяев в общине	100	100
Сдающих наделы	25	24
Остается	75	76
Число голосов, требуемых для составления приговора при переделе	66 $\frac{2}{3}$	66 $\frac{2}{3}$
Оппозиция, достаточная, чтобы затормозить дело	9	9

Странно, что еще приходится встречать совершенно устарелый сантиментальный взгляд на русский «мир» даже у некоторых русских писателей, пользующихся известностью среди английской публики. Менее удивительно, когда этим грешат иностранцы, пашущие о России. В одном из английских журналов за 1892 г. читаем следующее: «Голосование и баллотировка шарами неизвестны русским крестьянам; каждый вопрос решается единогласно при помощи уступок и компромиссов как в союзной семье».

Увы, потерянный рай!

Вот несколько конкретных случаев, которые освещают настоящее положение дел.

1. Село Покровское, Еропкинской волости, Данковского уезда.

«До $\frac{1}{3}$ домохозяев живут зажиточно; остальные—очень бедно... Они-то (зжиточные) и занимаются скупкой и передачей надельной земли. Споры о переделе очень сильны; до большинства $\frac{2}{3}$ нехватает голосов 5-ти» («Сборник», вып. II, стр. 202, № 15).

Домохозяев	Число	Процент
Всех получивших наделы	140	100
Состоятельных (обрабатывающих весь свой надел)	52	37 против передела
Бедных	88	63 за передел
Требуется голосов для приговора о переделе	93	66 $\frac{2}{3}$
Недостает голосов	93	88=5.

(Там же, стр. 16).

2. Острокаменская волость, Данковского уезда.

«За исключением трех общин, где идут споры о переделе по наличным душам, ни в одной общине вопрос этот не подымается и не возбуждает к себе большого интереса. Вероятнее всего объяснить это сравнительно плохим качеством почвы и очень большим числом вполне обедневших семей, сдающих наделную землю» (вып. II, стр. 211).

Сравним теперь цифры:

Бывш. помещичьи крестьяне	Общин	Наделных домохозяев	Сдатчиков	
			число	процент
Острокаменская волость	15	372	79	21
По всему району (Данковского и Раненбургского уездов)	—	—	—	25

Очевидно, что если данное статистиками объяснение верно для Острокаменской волости, то оно применимо еще в большей степени а fortiori к Данковскому и Раненбургскому уездам вообще, где средний процент сдатчиков выше, чем в названной местности.

Правильность сказанного объяснения разительным образом подтверждается цифрами для соседней с Острокаменской Знаменской волости, Данковского уезда.

Вопрос о переделе не поставлен на очередь	Общин	Наделных домохозяев	Сдатчиков	
			число	процент
(Там же, стр. 248, 110, 129).	15	370	167	45

Так как наделы почти одной половины домохозяев находятся во владении другой половины, то последняя половина не заинтересована в переделе земли. Да впрочем, если бы она и была заинтересована, так и тогда единогласного решения ведущей хозяйство половины крестьян было бы недостаточно для производства передела.

3. Село Троицкое, той же волости, Раненбургского уезда.

«Идут толки о переделе по наличным душам, но ему здесь очень трудно состояться: многие настолько обеднели, что не интересуются даже прибавкой земли, все равно сдадут ее, а арендаторам чужих душ (их много) передел не выгоден» («Сборник», вып. I, стр. 310).

Обратимся к цифровым данным.

Домохозяев	Число	Процент
Всего получивших наделы	187	100
Число голосов, нужных для передела	125	66 $\frac{2}{3}$
Незаинтересованных в переделе (безлошадные, сдающие наделы)	44	23
Оппозиция, достаточная, чтобы затормозить дело	18	10
Имеющих по 2 и более лошадей	36	20

(Там же, стр. 130, 131)

4. Дер. Кунаково, Змиевской волости, Данковского уезда.

«Живут очень бедно. О переделе толкуют; он сильно задерживается постоянным пребыванием части домохозяев на стороне» («Сборник», стр. 254).

Из 28 надельных домохозяев 11 сдают свои наделы целиком; 9 из них не имеют домов в деревне. 23 взрослых мужчины работают на стороне.

Если исключить 11 упомянутых сдатчиков, которые не живут очевидно в деревне, то останется 17 — число, недостаточное для образования большинства даже в случае единодушного их согласия на передел. Но и эти 17 домохозяев не представляют из себя однородного целого; они разделяются следующим образом:

Домохозяева, обрабатывающие	Лично	Наймом	Всего
весь свой надел	9	2	11
часть надела (другая сдается в аренду) . .	2	4	6
	11	6	17

Девять работников из числа этих домохозяев занимаются кроме того отхожими промыслами (Там же, стр. 128—132).

Если не враждебное отношение к переделу, так равнодушие со стороны некоторых из этих крестьян—вполне естественно.

5. Село Сергиевское, Раненбургского уезда.

«Безлошадная половина хозяев... работает исключительно на стороне... Много недоимщиков; их наделы общество передает наиболее зажиточным хозяевам, что способствует обогащению немногих на счет бедняков. В 1863 г. до 300 рев. душ (около шестой части населения волости) ушло для поселения в Ставропольскую губ. Наделы они передали в общество, которое определило их наиболее исправным хозяевам. Теперь громадное большинство ушедших возвратилось (осталось в Ставропольской губ. семей 15); но общество наделов им не отдает. В других общинах волости вернувшиеся переселенцы тоже не получили обратно наделов. О переделе по живым душам очень трудно столковаться; народ постоянно в разброде на работах; многие подолгу живут на стороне; против передела наиболее влиятельная часть хозяев, в руках которой наделы недоимщиков и переселенцев» («Сборник», вып. I, стр. 305).

Вот относящиеся сюда цифровые данные:

	%
Безлошадных	54
Отхожих рабочих	56

(Там же, стр. 116—120).

Помимо оппозиции съемщиков надельной земли едва ли было бы возможно собрать хоть простое большинство для голосования о переделе.

Мы знаем, что класс сдатчиков надельной земли непрерывно увеличивается вместе с ростом населения и распространением

движения крестьян из деревни. Таким образом молодое поколение делается индифферентным к обычаям деревенской общины.

С другой стороны, большие «сильные» дворы старого типа забирают мало-помалу в свои руки наделы разоряющихся хозяев и открыто выступают против общинных порядков. Остаются еще средние, переходные группы «слабых» домохозяев, которые свято сохраняют верность общинным заветам. Положение этих групп однакож очень неустойчиво.

Отсюда следует, что образование классов внутри общины способствует увековечению экспроприации «слабых» семей и концентрации общинной земли, находившейся раньше в их владении, в руках семей «сильных».

Правда, к сьемщику наделов переходит лишь право владения землей. Но имеется немало фактов, намекающих на возможность превращения владения в собственность.

В русской экономической литературе обращено было внимание на развивающееся из выкупной операции тяготение бывших помещичьих крестьян к частной собственности. Во время земской переписи в Рязанской губернии было обследовано в нашем районе (Раненбургский и Данковский уезды) 364 общины бывших крепостных, состоящих на выкупе, и в том числе сопротивники переделу общинной земли выступили наружу в 100 общинах¹.

Домохозяева, вносившие выкуп за землю в то время, когда платежи превышали доходность наделов, начали противиться уменьшению своих наделных участков, после того как земля приобрела некоторую ценность и стала окупать лежащие на ней платежи. Более богатые домохозяева грозили уплатить зараз всю выкупную сумму, причитающуюся за их наделы, и тогда по закону общине пришлось бы выделить этим домохозяевам их наделную землю в частную собственность².

Какое бы ни был однако исход спора на этот раз³, «мартовские иды еще не миновали». Чем ближе подходит срок окончания выкупной операции, тем крепче становятся материальные интересы, привязывающие отдельного домохозяина к его наделу, и тем, следовательно, больше усиливается его оппозиция переделам земли. В настоящее время, с распространением Положения о выкупе на все разряды крестьянства, конфликт между общинными порядками и интересами отдельных лиц сделался всеобщим. Старое крестьянское обычное право, развивавшееся естественным путем на почве экономического равенства, оказывается теперь стеснительным для бедного—в не меньшей степени, чем для богатого. При существующих классовых разделениях внутри общины про-

---

¹ Волости: Нарышкинская, Карповская, Никольская, Ведновская и Зимаровская—Раненбургского уезда, волости: Спасская, Лошковская и Ягодовская—Данковского уезда, и несколько общин, рассеянных по всему району.

² «Сборник», ч. I, стр. 288, № 4; стр. 310, № 2.

³ Насколько мне известно из газетных сообщений, земля подверглась впоследствии переделу в общинах многих из среднерусских губерний.

летарию нет никакого смысла, покидая деревню, поступаться своим правом собственности в пользу «мира», вместо того, чтобы отчуждить это право в свою пользу.

Таким образом взаимодействие экономических интересов разлагает деревенскую общину на две части—безземельный сельский пролетариат, с одной стороны, крестьянскую буржуазию.—с другой. К последней неизбежно перейдет право на значительную долю общинной земли.

ПРИМЕЧАНИЕ

О НЕОТЧУЖДАЕМОСТИ НАДЕЛОВ

Устарелая презумпция полной однородности русского крестьянства нашла себе практическое выражение в одном проекте, который возник в народнической прессе и возбудил к себе внимание в правительственных сферах. Мы говорим о предложении объявить общинную землю неотчуждаемою.

Вопрос этот имеет свою историю. Пока выкупные платежи превышали доходность земли, число крестьян, выкупивших свои наделы в полную собственность, ограничивалось десятком—другим наиболее богатых домохозяев в уезде. Прошло около двадцати лет, прежде чем возвышение ренты подняло цену земель настолько, что она превысила выкупной долг, сумма которого значительно уменьшилась благодаря произведенным крестьянами за этот период платежам. Тогда для спекуляторов стало выгодно давать беднякам деньги, нужные для уплаты остальной части выкупа, с целью заставить общину выделить выкупленный надел в отдельный участок и таким образом сделать возможной продажу земли. Так как эта спекуляция началась лишь с восьмидесятых годов, то статистических данных, собранных на местах земскими исследованиями, пока недостаточно. Вопрос о досрочном выкупе наделов можно рассматривать надлежащим образом только тогда, когда мы имеем данные для общинного района, обнимающего по крайней мере несколько губерний. Так именно и рассматривался он в ряде статей в русской печати. Оказывается, значительное число крестьянских наделов перешло через продажу в руки посторонних лиц, благодаря ст. 165 Положения о выкупе¹.

Чтобы ориентироваться в данном вопросе, нужно узнать сперва, кто является покупателем продаваемой крестьянами земли.

Мы видели, что лишь меньшая часть наделов четвертных крестьян была куплена купцами. В большинстве случаев мелкие участки, продаваемые дворянством, приобретаются только крестьянами (см. следующую главу).

Стало быть, вопрос о неотчуждаемости наделной земли касается только одних крестьян и не затрагивает ни интересов дво-

¹ Напомним, что законом 29 января 1894 г. вторая половина этой статьи отменена.

рянства, ни интересов класса капиталистов. В подобных случаях отчего и народников не погладить по головке?.. Однако этот «*thé-salliance*» между регламентацией и самобытным государственным социализмом может не встретить сочувствия со стороны тех, кого намереваются при помощи его облагодетельствовать.

Так как процесс разложения деревни распространяется изнутри, а не извне, то установление неотчуждаемости крестьянской наделной земли было бы равносильно не больше, не меньше как безвозмездной экспроприации бедных в пользу богатых членов общины.

Мы замечаем, что процент переселенцев среди четвертных крестьян, пользующихся правом отчуждать свои наделы, был гораздо выше, чем среди бывших государственных крестьян, владеющих землей на общинном праве:

	Раненбург- ский уезд	Данковский уезд
	(в процентах)	
Четвертное землевладение	17	12
Общинное »	9	5

Откуда эта разница? Один конкретный пример покажет, в чем тут дело.

«В 1881 г. из села Бигильдина, Данковского уезда, выселилась маленькая община государственных (б. Григорова) крестьян в 5 домохозяйств. Землю (30 дес.) продали за 1 500 руб. богатому крестьянину... Григоровцы жили плохо: большинство рабочих было в батраках» (там же, вып. II, стр. 115, 247).

По словам г. Григорьева («Переселения крестьян Рязанской губернии»), трехсот рублей,—цена среднего крестьянского участка в 6 десятин,—достаточно, чтобы дать одной крестьянской семье возможность обзавестись хозяйством в Южной Сибири. Крестьянин, доведенный до полного разорения, получает таким образом, через продажу своей доли в общинной земле, возможность сделаться на новых местах опять самостоятельным земледельцем. Преданность священным обычаям предков едва ли устояла бы против такого искушения без посредства бюрократической опеки.

Все высказанные здесь соображения не встретят, вероятно, сочувствия в значительной части русской печати. В России по поводу подобных взглядов принято рассуждать в таком роде: допустим, что дело представлено и верно, совершенно так, как оно в действительности обстоит; тем не менее пагубные явления проистекают только из теперешнего ненормального положения крестьянства, а при нормальных-то условиях возражения пессимистов теряют силу. К несчастью, эти «ненормальные» условия развиваются самопроизвольно, создание же «нормальных» не входит в круг ведения литературных благожелателей русского крестьянства.

КРУПНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Народнические взгляды на русское капиталистическое земледелие.—«Судьбы капитализма в России» г-на В. В.—Крупное сельское хозяйство и крестьянское земледелие.—Отсталость крупного хозяйства.—Его преобладание над мелкой крестьянской арендой.—Прогресс сельского хозяйства с увеличением размеров имения.—Зачатки капиталистического сельского хозяйства.—Сокращение дворянского землевладения.—Рост капиталистической земельной собственности.—Вытеснение мелкого арендатора сельским хозяином-капиталистом.—Прогрессивные тенденции капиталистического хозяйства.—Вытеснение мелкого земледельца рабочим-пролетарием.—Экономическая зависимость дворянства от мелкого земледельца.

Народнические взгляды на деревенскую общину нашли себе необходимое дополнение в экономической теории, которая приобрела многочисленных последователей в России в начале восьмидесятых годов. Основатель этой школы—тогда еще молодой писатель, скрывший свое имя под инициалами *В. В.*,—выставил положение, что развитие капитализма в России невозможно вследствие экономического ее уклада и запоздалого ее появления на международном рынке. Хлебный экспорт—вот единственное свободное место, предоставленное западноевропейским капитализмом в распоряжение своего меньшего брата—капитализма русского. Но тут вы встречаетесь с «нашими заатлантическими друзьями», с янки, которые собираются выпроводить нас из всех главных портов Западной Европы. Производство на международный хлебный рынок—это «фантазия» русского крупного землевладения. «Действительность» принадлежит крестьянину, который производит для внутреннего потребления. Крупные имения в упадке. Крестьянское мелкое земледелие распространяется по всем владениям дворянства. Экономическое развитие принудит дворянства уступить пользование земле торжествующему пахарю, удовлетвовавшись скромною ролью абсентеиста¹.

С нетерпением ожидавшееся слово было наконец произнесено. Русские народники мучились над разрешением загадки: как примирить теорию Карла Маркса с учением Чернышевского? Если капиталистический строй является той лабораторией, в которой готовится идеальный будущий строй, если, далее, капитализм вырос на почве экспроприации крестьянина, то последовательный марксист должен способствовать разложению земельной общины, на стороне которой лежат все его симпатии, и содействовать развитию капитализма, к которому он питает непримиримую вражду². И вот г. В. В. нашел разрешение этой загадки, придя

¹ Эти взгляды развиты были г-ном В. В. в целом ряде статей, которые печатались сперва в «Отечественных Записках» за 1880 и 1881 гг., а потом, в 1882 г., вышли отдельной книгой под заглавием: «Судьбы капитализма в России».

² Вопрос этот был поставлен г. Михайловским в статье «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», напечатанной в «Отечественных Записках» 1877 г., № 10. Ответ на эту статью, в форме письма, был найден в посмертных бумагах Карла Маркса и в русском переводе напечатан был сперва за гра-

к выводам Чернышевского при помощи материалистического метода Карла Маркса.

Непреклонный ход исторического развития ведет, согласно названной теории, к устранению частновладельческого сельского хозяйства в России. Земля все более и более переходит в распоряжение крестьянства, и неизбежно настанет время, когда национализацию земли легко будет произвести посредством уничтожения ренты. Мирным ли путем совершится эта реформа, подобно освобождению крестьян с выкупом земли в России, или же путем насильственным, как эмансипация рабов в Соединенных Штатах,— это всецело зависит от правящих классов. Рано или поздно, по учению рассматриваемой школы, правительство очутится в положении, похожем на то, в каком оно находилось перед 1861 г., и предстоящая реформа завершит лишь то, что осталось недоделанным при освобождении крестьян¹.

Эта соблазнительная теория приобрела на некоторое время влияние над всей русской ежемесячной печатью. Но впоследствии статистические исследования выяснили полнейшую несостоятельность основных посылок изложенного учения.

Характер крупного сельского хозяйства вполне определяется развитием и настоящим положением земледельческого труда. Хозяйство в дворянских имениях после освобождения крестьян некоторое время сохраняло характер чисто натурального хозяйства. Часть земли сдавалась крестьянам в аренду за известное количество работы, какое они должны были исполнить на помещика. Рабочие руки добывались также в обмен за предоставление крестьянским общинам права пользования разными угодьями в помещичьем имении. Вся помещичья земля, как сдаваемая в аренду, так и находящаяся под собственной запашкой владельца, обрабатывалась крестьянскими орудиями и скотом. Это давало помещику возможность вести крупное хозяйство без всякой затраты капитала с его стороны.

Возвышение арендной платы повело к увеличению количества работы, выполняемой арендатором в пользу землевладельца. Площадь земли, обрабатываемая самим помещиком при помощи крестьянского труда, расширилась, а площадь, сдаваемая крестьянам в аренду, сократилась. Мелкое крестьянское земледелие вытеснялось шаг за шагом крупным хозяйством,—и все это без малейшей добавочной затраты капитала со стороны землевладельца.

Но в конце концов вытеснение мелкого земледельца должно было неизбежно вызвать постепенную замену натурального хо-

---

ницей, а потом в «Юридическом Вестнике» 1888 г., № 10. См. также новейшие статьи г. Михайловского в «Русском Богатстве» (1894 г.).

¹ Сам г-н В. В., как видно из предисловия к его книге «Судьбы капитализма в России», возлагает все свои надежды на самодержавную власть, которую он признает наиболее способной произвести социальные реформы, клонящиеся в пользу масс. Самодержавная власть стоит вне сословий, тогда как конституционное правление выражает собою классовое господство, открыто служа интересам буржуазии,—мысль, в сжатой форме высказанная в девизе Родбертуса: «christlich, monarchisch, sozial!».

зяйства хозяйством денежным. Так как число обедневших крестьян возрастало в обратном отношении к классу арендаторов, то наступило время, когда спрос на труд со стороны помещика не мог уже удовлетворяться одними лишь сьемщиками помещичьей земли и когда пришлось обратиться к помощи наемного труда. Работодатель сделался заимодавцем рабочего. Это необходимо повело к установлению денежных платежей за землю, сдаваемую в аренду.

Таковы выводы, вытекающие сами собой из предыдущего обзора крестьянского хозяйства. Непосредственное изучение крупного земледелия должно очевидно привести к тем же самым заключениям¹.

До сих пор большая часть частновладельческой земли обрабатывается еще при помощи крестьянского скота и орудий, как видно из сравнительных данных о количестве скота, содержащегося в крупных хозяйствах и в уезде вообще:

Воронежский уезд	Земли, десяти- тин	Лошадей	На 1 лошадь, в среднем, десятин
В крупных имениях с владельческой запашкой. (Земля, сдаваемая мелким арендаторам, не включается)	86 360	1 708	50,5
По всему уезду	434 372	52 465	8,3

Эти цифры показывают, что частновладельческого скота едва ли достаточно для обработки одной шестой земельной площади, на которой ведется хозяйство собственников крупных имений. Само собой понятно, что в агрономическом отношении русские крупные сельскохозяйственные предприятия («bonanza farms») не особенно далеко ушли от мелкого крестьянского хозяйства. Трехполье преобладает в больших имениях точно так же, как и у крестьян².

Разделение полей в круп- ных имениях	Обрабаты- вается вла- дельцем	Сдается в аренду мел- кими участ- ками за деньги	Обраба- тывается из доли в уро- жае	Всего	
				десятин	%
I. Озимое поле:					
Рожь	12 615	—	—	—	—
Пшеница	4 573	—	—	—	—
	17 188	7 221	917	25 326	33
II. Яровое поле					
	19 995	6 787	1 194	27 976	36
III. Паровое поле					
	24 292	—	—	24 292	31
Всего	—	—	—	77 594	100

¹ По вопросу о положении крупного сельского хозяйства мы будем ссылаться в этой главе на «Сборник статистических сведений по Воронежской губернии», том I: Воронежский уезд». Таблицы содержат детальные данные (62 столбца) по каждому из 279 имений уезда, превышающих по своим размерам 50 десятин.

² В таблицу включено 89,5% общей площади пахотной земли; остальные 10,5% составляет земля, которая снимается в аренду крупными участками и ежегодно передается крестьянам подесятинно.

Возделывание земли при помощи допотопной мужицкой сохи очень неудовлетворительно, а усовершенствованные плуги мало еще распространены, да и там, где они имеются, один плуг приходится на 91,2 десятины пахотной земли. Поверхностное пахание ведет к истощению производительных сил верхних слоев почвы, а недостаток скота препятствует удобрять землю надлежащим образом: поля унаваживаются средним числом один раз в восемнадцать лет.

Вот сравнительные данные о развитии скотоводства в крупных имениях и в крестьянских хозяйствах Воронежского уезда:

На 1 голову крупного скота	Десятин пахотной земли
В крестьянских хозяйствах	2,0
В крупных имениях (свыше 50 дес.)	7,9

Мы знаем, что поля у крестьян удобряются очень плохо. В крупных имениях дело оказывается не лучше. Насколько развито удобрение в имениях, показывают следующие цифры:

Пахотная земля	Десятин	%
Ежегодно возделывается	61 882	100
» удобряется	3 431	5,5

Для удобрения 1 десятины земли требуется 6 голов крупного скота («Сборник статистических сведений по Воронежской губ.», т. I, стр. 92). Стало быть для удобрения полей в имениях нужно:

	Голов крупного скота	%
Всего, 3431 дес. × 6 голов скота	20 586	100
» владельческого скота	11 010	53
» крестьянского скота	9 576	47

Словом, почти половина навоза, употребляемого на удобрение крупных имений, доставляется мелкими земледельцами, которым уж не до удобрения своих собственных полей¹.

Итак крупное хозяйство имеет точно такой же хищнический характер, как и мелкое крестьянское, и потому оно оказывается столь же мало производительным. Вот сравнительные данные об урожаях хлебов²:

Разряды хозяйств	Рожь		Овес	
	урожай сам- сколько	процен- ты	урожай сам- сколько	процен- ты
Крестьянские хозяйства	5,3	100	4,6	100
Крупные имения (свыше 50 десятин)	7,3	138	5,8	126

¹ Масса данных на этот счет приведена в приложениях к «Сборнику по Воронежской губ.».

² «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.», т. I, стр. 234.

И все-таки даже этого ничтожного увеличения продуктивности частновладельческой земли достаточно, чтобы доставить крупному хозяйству преобладание над мелкой крестьянской арендой:

Пахотной земли, ежегодно находящейся под культурой	Аренда уплачивается деньгами	Аренда уплачивается долей урожая	Всего	
	число десятин		десяти- тин	процен- тов
Под мелкой крестьянской арендой	24 226	1 083	25 309	40
Обрабатывается крупными хозяевами	37 183	1 028	38 211	60
Всего ¹ десятин	61 409	2 111	63 520	—
Процентов	97	3	—	100

Другую причину преобладания крупного хозяйства над мелкой крестьянской арендой следует искать в большей экономической зависимости крестьян, нанимающихся на сельскохозяйственные заработки, в сравнении с арендаторами, причем рабочий, будучи сам хозяином, избавляет своего нанимателя от необходимости затрачивать постоянный капитал.

Тем не менее, с развитием денежного хозяйства в земледелии, землевладелец поставлен был в необходимость затрачивать известную сумму на уплату вознаграждения рабочим. Этим проведена была грань между более мелкими и более крупными имениями.

Тогда как в более мелких имениях сдача земли в аренду крестьянам практикуется в таких размерах, что для владельческой

¹ Итог в этой таблице превышает общее количество пахотной земли в крупных имениях на 1 119 десятин, что составляет 2% всей площади и не может оказать никакого влияния на сделанные из таблицы выводы. Указанную разницу нужно отнести на счет мелкой аренды, данные о которой немного расходятся с показаниями крупных землевладельцев.

Крестьянская аренда в Воронежском уезде выражается в следующих цифрах:

Арендуется за денежную плату	Десятин
Всего	25 992
Аренды, превышающие 50 десятин	474
Всего мелкой аренды	25 518
Снимается в мелких имениях (ниже 50 десятин)	1 292
Снимается в крупных имениях (свыше 50 десятин)	24 226

(«Сборник», стр. 251, столб. 18; стр. 273, столб. 65. Об аренде за долю урожая см. стр. 251, столб. 14 и стр. 276—335, столб. 55—56).

запашки не остается места, в имениях более крупных, наоборот, крестьянская аренда играет лишь подчиненную роль:

I. Система эксплуатации	Число имений	Общая величина всех имений		Средний размер имения (десятины)
		десятин	процентов	
Имения без пахотной земли	14	5 117	4	—
Имения целиком в подешатинной аренде	64	15 605	12	244
Имения с крупным хозяйством	190	109 615	83	577
Имения, в которых система эксплуатации осталась неизвестною	11	1 616	1	—
Всего	279	131 953	100	473

II. Пахотной земли, возделываемой ежегодно	Десятин	Процентов
Всего в имениях с крупным хозяйством	52 627	100
Обрабатывается владельцами	37 183	71
Под мелкой крестьянской арендой	15 444	29

Сдача земли крестьянам мелкими участками является очень разорительной системой эксплуатации крупных имений, так как арендуемая земля, за редкими исключениями, никогда не удобряется¹.

Следовательно, приведенные выше цифры свидетельствуют о некотором прогрессе земледелия в крупных имениях. Хозяйство без удобрения почвы ведется лишь в самых мелких имениях, средний размер которых не достигает даже величины имений, находящихся целиком в подешатинной сдаче:

Имения с крупным хозяйством	Число	Средний размер, десятин	Пахотной земли, возделываемой ежегодно	
			десятин	%
Поля удобряются	146	686	33 809	91
Поля не удобряются	44	215	3 373	9
Всего	190	577	37 182	100
Имения в подешатинной раздаче	64	244	—	—

¹ Этот вопрос очень обстоятельно разработан Энгельгардтом в «Письмах из деревни».

Пахотной земли под мелкой арендой	Десятин
Всего	25 309
Удобряется	51

В более крупных имениях применение удобрения идет рука об руку с культурой более ценных зерновых растений.

В крестьянских хозяйствах, точно так же как и в более мелких имениях, приближающихся по типу к крестьянским, рожь является единственным озимым хлебом¹, между тем как в более крупных имениях рожь в очень значительной мере вытеснена озимой пшеницей:

Имения с крупным хозяйством	Число имений	Десятин					Процентное отношение пшеницы ко всем озимым хлебам
		общая площ. всех имений	средняя величина имения	озимые хлеба			
				всего	рожь	пшеница	
Пшеница не сеется	96	34 453	359	4 444	4 444	—	—
Пшеница сеется	94	75 162	800	12 744	8 171	4 573	36
Всего . . .	190	109 615	577	17 188	12 615	4 573	—

Озимая пшеница только в исключительных случаях сеется на неудобряемой земле; с другой стороны, лишь меньшая часть удобряемой земли никогда не засеивается пшеницей. Обыкновенно, поле уваживается средним числом раз на два посева озимой пшеницы:

Имения	Засеивается пшеницей		Удобрится	
	десятин	процентов	десятин	процентное отношение к площади под пшеницей
С культурой пшеницы:				
а) земля не удобряется	136	3	—	—
б) земля удобряется	4 437	97	2 216	50
Без культуры пшеницы	—	—	4 164	—
Всего	4 573	100	3 380	—

Потребность в удобрении заставляет землевладельца разводить скот. В таком случае для наиболее крупного хозяина является расчет употреблять для обработки земли свой собственный скот и собственные орудия:

¹ Относительно крестьянского хозяйства см. «Сборник», т. I, стр. 101.

Именья с крупным хозяйством	Число	Десятины	Процент	Средний размер имения (десятин)
Без рабочих лошадей	48	13 103	12	273
С рабочими лошадьми	142	96 512	88	680
Всего	190	109 615	100	577

Это ведет к улучшению земледельческих орудий и следовательно должно считаться новым доказательством, что крупное хозяйство имеет прогрессивные тенденции.

Всюду, где введены плуги, мы находим средним числом от двух до трех лошадей на один плуг; отсюда следует, что лошади держатся с прямой целью плужного пахания. Это относится к большей части лошадей в крупных имениях. Плуги без лошадей держатся лишь в исключительных случаях. Далее мы замечаем, что имения, где употребляются плуги, — самые обширные. В более мелких имениях земля возделывается первобытной мужицкой сохой, ибо плуги крайне редко употребляются крестьянами. Относящиеся сюда цифровые данные сгруппированы в следующих таблицах:

А. Именья с крупным хозяйством	Число	Общая величина имений		Средний размер имения (десятин)	Плугов	Лошадей (или волов)		
		десятин	процентов			число	на 1 имение	на 1 плуг
I. Без плугов, но с рабочими лошадьми	70	33 672	33	481	—	544	7,8	—
II. С плугами:								
а) С рабочими лошадьми	72	62 840	67	873 1 987	454 37	1 087 34	15,1 17	2,4 0,9
б) С волами	2	3 966						
Всего	144	100 478	100	—	491	—	—	—

В. Плуги доставляются	Средняя величина имения (десятин)	Плугов	Пахотной земли, обрабатываемой владельцем (десятин)	
			всего	на 1 плуг
Землевладельцем	903	491	44 764	91
Работником ¹	369	115	16 710	145
Всего	577	606	61 474	101

¹ «Сборник статистических сведений по Воронежской губ.», т. I, стр. 97.

Однако все эти сельскохозяйственные улучшения требуют соответственной затраты капитала. Здесь-то и сталкиваемся мы лицом к лицу с зачатками капиталистического сельского хозяйства в России.

Дворянство, как класс, обязано было своим существованием отношениям, основанным на натуральном хозяйстве. Выкупные свидетельства, выданные помещикам правительством в уплату за отошедшую к крестьянам землю, были живо истрачены ими на личные надобности, на всякого рода рискованные спекуляции и на сельскохозяйственные улучшения, совершенно нерациональные с точки зрения коммерческого расчета. И вот, как только в области сельского хозяйства начала чувствоваться потребность в капиталах, дворянские имения быстро стали переходить, путем сдачи в аренду, залога и продажи, в руки капиталистов.

В следующей таблице показано движение частной земельной собственности в Рязанском уезде за период с 1867 до 1881 г.¹:

Разряды землевладельцев	Процент общей площади		Средний размер владения (десятин)	
	1867	1881	1867	1881
Дворянское владение . . .	92	66,6	284,2	283,6
Владение капиталистич. класса	3,3	22,3	124,4	372,1
Мелкое владение	4,7	11,1	3,7	4,9

В момент освобождения крестьян владения дворянства занимали почти всю площадь частной земельной собственности в России. Двадцать лет спустя после реформы около трети дворянской земельной собственности оказалось уже перешедшей в руки других сословий. Потерянную дворянством землю поделили между собой капиталист и мелкий земледелец в пропорции 2 : 1, — земельные владения капиталиста растут в России почти втрое быстрее, чем мелкая частная собственность.

Новые классы земельных собственников приблизительно соответствуют, по своему происхождению, сословиям купеческому и крестьянскому. Между ними-то и делится дворянское наследство. «Купеческое землевладение... завладевает главным образом крупными участками, совершенно пренебрегая мелкими и даже вы-

¹ «Сборник статистических сведений по Рязанской губ.», т. I, стр. 17—18.—Под «собственностью капиталистического класса» разумеются все имения, принадлежащие купцам, каков бы ни был их размер, а равно всякое имение свыше 50 десятин, каково бы ни было юридическое положение его владельца (купец, мещанин или крестьянин). Все имения ниже этого размера, исключая принадлежащих дворянам и купцам, отнесены к разряду мелкой собственности. Идея этой классификации заключается в том, чтобы отделить исторически сложившуюся земельную собственность дворянства от землевладения с коммерческими целями, а равно и от крестьянского, относительно которого возможно предположение, что земля обрабатывается личным трудом ее владельца.

пуская их из своих рук... Мелкие клочки земли, на которые с пренебрежением смотрит купец, ...постепенно поступают в руки крестьянина»¹.

Следующие цифры иллюстрируют сказанное:

Распределение землевладельцев по состояниям	Процент общей площади			
	имения меньше 50 десятин		имения больше 50 десятин	
	Рязанский уезд 1881 г.	Воронежский уезд 1884 г.	Рязанский уезд 1881 г.	Воронежский уезд 1884 г.
Дворяне	13,9	32,0	74,5	80,1
Крестьяне	77,7	44,2	2,4	3,6
Купцы, почетные граждане и т. д.	1,2	8,2	20,4	14,5
Мещане, духовные и т. д.	7,2	15,6	2,6	1,8
Всего	100	100	100	100

Рост капиталистической земельной собственности способствует прогрессу капиталистического земледелия. Мелкий арендатор вытесняется крупным предпринимателем (купцом), эксплуатирующим землю при помощи наемного труда. Это видно из следующей таблицы:

Системы эксплуатации	Собственность дворянства				Собственность капиталистического класса			
	число имений	общая площадь имений		средний размер имения (десят.)	число имений	общая площадь имений		средний размер имения (десят.)
		десятин	процентов			десятин	процентов	
Имения, где земля исключительно сдается в мелкую аренду	51	13 942	13,4	273	13	1 664	6,3	128
Имения без пахотной земли	5	794	0,7	—	9	4 323	16,3	—
Имения с крупным хозяйством	123	90 223	85,4	734	67	19 391	73,4	289
Система эксплуатации неизвестна	6	556	0,5	—	5	1 060	4,0	—
Всего	185	105 515	100	576	94	26 438	100	281

¹ «Сборник статистических сведений по Рязанской губ.», т. I, 28—29.

Дворянство оказывается способным вести хозяйство лишь в наиболее крупных имениях. Где дворянин стал бы только раздавать свою землю в аренду крестьянам подесятинно, там земле-владелец-капиталист заводит собственное хозяйство в крупных размерах:

	Десятин
Средняя величина дворянского имения, где вся земля сдается крестьянам подесятинно	273
Средняя величина имения капиталиста, где ведется крупное хозяйство	289

Средняя величина имения, при которой крестьянская аренда представляется более выгодной для капиталиста, чем собственное земледельческое хозяйство, в два с лишком раза меньше соответственной величины имения дворянского. Поэтому мы видим, что всюду, где капиталист вытеснил помещика, сдача целых имений в аренду крестьянам мелкими участками сократилась больше чем вдвое:

Имения в подесятинной крестьянской аренде	Процент земельной площади по разряду
Принадлежащие дворянам	13,4
» капиталистам	6,3

Среди землевладельцев-капиталистов есть группа спекуляторов лесопромышленников, которые покупают участки без пахотной земли или же, быть может, продают последнюю мелким земледельцам. Но и при всем том мы видим, что три четверти всей площади, приобретенной классом капиталистов, обращено под собственное хозяйство владельцев. Практические дельцы, затрачивающие свои деньги на крупные имения, предпочли бы, без сомнения, спокойно прикарманивать огромные суммы арендной платы, вносимой крестьянами-съемщиками их земель, если бы земельное хозяйство в крупных размерах в самом деле было убыточно, как это утверждают в один голос и русские дворяне и русские народники¹.

¹ Нерасположение русского народника к «эксплоататорам» проникнуто было отчасти дворянскими предубеждениями против «кушпа». Русские журналы одно время были переполнены трогательными описаниями, как «чумазый» безжалостно жертвует позвней теневой дубовой аллеей в старом барском саду прозаическим расчетам лесной торговли. Господствовало мнение, что купец, занявшийся землей, представляет из себя что-то вроде динамитчика, стихией которого является разрушение ради удовлетворения лишь дьявольского сладострастия разрушения. Опустошить леса, а землю пересдать с чудовищным барышом крестьянам—вот, по общему убеждению прогрессивной русской печати, единственная цель, к какой стремится купец, раз попавши в деревню.

Земские статистические исследования рассеяли эти наивные представления. Вот несколько фактов, установленных при земской переписи в Рязанской губернии:

1. *Нарышкинская волость, Раненбургского уезда.* «Терпят большой недостаток в арендной земле. Положение этих общин много ухудшилось сравнительно с прежними годами: главная причина этого—сильное сокращение

Кроме того, эксплуатация имений у землевладельцев-капиталистов гораздо выше той, которая доступна помещику-дворянину.

Капиталист начинает удобрять поля, как только его имение достигает половины среднего размера имения, при котором дворянин начинает заботиться уже об удобрении почвы, да и тут дворянин отстает от капиталиста по количеству ежегодно удобряемой земли:

Именья с крупным хозяйством	Число имений	Средняя величина имения (десят.)	Площадь обрабатываемой земли			
			десятины			через сколько лет удобряется
			всего	процентов	ежегодно удобряется	
<i>Дворянское владение</i>				100		
Хозяйство с удобрением	104	816	28 495	92	2 555	41,1
Хозяйство без удобрения	19	280	2 415	8	—	—
<i>Капиталистическое владение</i>						
Хозяйство с удобрением	45	363	5 314	85	825	6,4
Хозяйство без удобрения	22	138	958	15	—	—

Расходы на удобрение вознаграждаются большей продуктивностью капиталистического хозяйства.

Мы видим, что пшеница сеется капиталистом при таких усло-

сдачи земли частными владельцами и повышение арендных цен; это имеет связь с переходом помещичьих имений к купцам по купле и аренде». (Там же, т. II, вып. I, стр. 282, №№ 3—4, 6—9.)

2. *С. Просечье, того же уезда*. «С тех пор как бывший их владелец продал имение купцу, негде стало снять ни земли, ни угодий; новый владелец все обрабатывает на себя». (Там же, стр. 305, № 13.)

3. *С. Толкачево, Ветновской в.* «Положение крестьян много ухудшилось с тех пор, как их бывший помещик (около 1870 г.) продал имение купцу, который почти прекратил сдачу земли; сам помещик много славал, и крестьяне, по их словам, жили тогда довольно исправно». (Там же, стр. 325, № 5. См. также №№ 6, 7.)

4. *Троицкая волость*. «Аренда внеадельной земли редкое исключение, так как частные владельцы или ведут свое хозяйство, или сдали имения крупным арендаторам, которые также все обрабатывают на себя». (Там же, стр. 309.)

5. *Хрущевская в. Данковского у.* «Все окрестные владельцы или ведут собственное хозяйство, или сдали имения в аренду купцам, которые также все обрабатывают на себя. Крестьянам положительно негде снять земли, кроме небольшого количества покоса» (Там же, вып. II, стр. 208.—См. также *Острокаменскую в.*, стр. 211 и *Одоевскую*, стр. 230.)

виях, когда рожь является единственным озимым хлебом, возделываемым дворянином:

Именья с крупным хозяйством	Число	Средняя величина имения
<i>Дворянское владение</i>		
С посевом пшеницы	72	898
Без посева	51	501
<i>Владение капиталистов</i>		
Пшеница сеется	22	478
» не сеется	45	197

Гораздо большее значение имеет, далее, тот факт, что урожаи пшеницы в капиталистических хозяйствах несравненно выше, чем в дворянских имениях¹:

Посев пшеницы	Десятины			Средний урожай				
	урожай известен	урожай неизвестен	%	безотносительно к разделению землевладения на классы		в связи с разделением на классы		
				четвертей с 1 десятины			бушелей на акр	сравнительные процентные отношения
				удобряется	не удобряется	без разделения земли на удобряемую и неудобряемую		
У дворян	3 609	166	—	—	5,4	5,3	—	97
У капиталистов . . .	768	30	—	8,4	—	8,1	—	148
	4 377	196	4					
В Соединенных Штатах (1880—89 гг.) ²	—	—	—	—	—	—	12,0	100

Эти цифры показывают следующее:

1. В дворянских имениях средний урожай пшеницы достигает размера, какой может быть получен от земли без применения удобрения, тогда как в капиталистических хозяйствах средний урожай пшеницы почти равен тому, который получается с удобряемой землей.

¹ См. таблицу VII в приложениях

² См. «Report of the Secretary of Agriculture», 1890, p. 335.

2. Средний урожай пшеницы на десятину в капиталистических имениях Воронежского уезда превышает почти наполовину средний урожай в С. Америке, тогда как у помещика-дворянина он несколько ниже, чем у американского производителя. Если принять в соображение, что сельскохозяйственный рабочий в Средней России, при его зароботке в 50 коп. за день в летнее время, может потягаться с китайским кули, то, пожалуй, что такое значительное увеличение продуктивности оправдывает известное предсказание Поля Лафарга, именно, что Россия делается скоро очень сильным конкурентом Америки на международном хлебном рынке¹.

Возвышение дохода от земледелия, как показано выше, идет рука об руку с развитием скотоводства. Там, где дворянин стал бы всю свою землю обрабатывать при помощи крестьянского живого инвентаря, там капиталист извлекает выгоду, обрабатывая часть своего имения при помощи собственного скота, и эта часть относительно больше, чем в самых крупных имениях, находящихся во владении дворян. Доказательством сказанного служит следующая таблица:

Имения с крупным хозяйством	Число имений	Общая площадь имений		Средняя величина имений	Десятин на 1 лошадь
		десятин	процентов		
<i>Владение дворян</i>					
С рабочими лошадьми . . .	88	78 814	100 87	896	62
Без рабочих лошадей . . .	35	11 409	13	326	—
<i>Владение капиталистов</i>					
С рабочими лошадьми . . .	54	17 597	100 91	326	44
Без рабочих лошадей . . .	13	1 794	9	138	—

Замена инвентаря, принадлежащего работнику, инвентарем владельческим, способствуя введению улучшенных орудий², ведет

¹ П. Лафарг, Хлебная промышленность Северной Америки. «Отеч. Записки», 1883 г., №№ 6 и 7.

² Вывод этот сделан из следующих данных:

Имения с крупным хозяйством	Число имений	Средняя величина имения (десятин)	На 1 плуг (десятин)
<i>Владение дворян</i>			
Имения с плугами	54	1 044	91
» без плугов	79	428	—
<i>Владение капиталистов</i>			
Имения с плугами	20	520	93
» без плугов	47	191	—

вместе с тем к вытеснению мелкого земледельца пролетарием. Действительно, капиталист держит постоянных рабочих в таких имениях, в которых дворянин ограничился бы работой мелкого земледельца.

Именья с крупным хозяйством	Число имений	Средний размер (десятин)	Постоянных рабочих (мужчин)	На 1 рабочего (десятин)
<i>Владение дворян</i>				
Держатся батраки (пролетарии)	112	783	1 956	45
Не держатся батраки	11	233	—	—
<i>Владение капиталистов</i>				
Держатся батраки	50	351	398	48
Не держатся	17	108	—	—

Резюмируем все, что сказано выше: если дворянство в силах еще отстаивать свою позицию, то это лишь благодаря тому упорству, с каким удерживаются в русском сельском хозяйстве отсталые приемы земледелия.

Лишь самые крупные из дворян-землевладельцев в состоянии постоянно капитализировать часть своего чистого дохода.

Вообще существование дворянства как земледельческого класса находится в тесной зависимости от существования того класса крестьян, которые являются в одно и то же время и земледельцами, и наемными рабочими или, говоря точнее, которых нельзя назвать ни земледельцами, ни наемными рабочими. А мы видели, какая судьба ожидает этот класс крестьянства в будущем.

В следующей таблице сгруппированы результаты сделанного выше сравнения капиталистического и дворянского землевладения:

У дворян средний размер имения, где земля обрабатывается исключительно крестьянской сохой, в два слишком раза больше соответственного среднего размера у капиталистов.

С другой стороны, капиталист заводит у себя плуги, когда его имение вдвое меньше имения, в котором дворянин оказывается в состоянии иметь улучшенные орудия.

Отрицательные признаки	Средняя величина имения (десятин)		Положительные признаки	Средняя величина имения (десятин)	
	землеуладение капиталистов	землеуладение дворян		землеуладение капиталистов	землеуладение дворян
Земля исключительно сдается в аренду местными участками	128	273	Ведется крупное хозяйство	289	734
Земля обрабатывается только хозяевами	108	233	Применяется труд пролетариев	351	783
Земля не удобряется	133	280	Земля удобряется	363	816
Земля обрабатывается крестьянским скотом	138	326	Держатся рабочие лошади	326	896
Пшеницы не сеется	197	501	Сеется пшеница	478	898
Земля обрабатывается крестьянской сохой	191	428	Имеются плуги	520	1 044

Отстальные способы эксплуатации у капиталистов замечаются лишь в имениях, средний размер которых колеблется между 108 и 197 десятинами, тогда как дворянами эти способы практикуются даже при среднем размере имения в 233—501 десятина. Улучшения в капиталистических имениях начинаются, как только они достигают средней величины в 289—520 десятин, а в дворянских—лишь при 734—1 044 дес. Это прямо указывает на недостаток в деньгах, как на единственную причину, препятствующую мелкому помещику-дворянину вводить те же самые приемы хозяйства, какие начинает практиковать капиталист, получив в свое распоряжение такое же точно имение.

ГЛАВА XIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДА

Распространение выводов на всю Среднюю Россию.—Экономическая политика.—Крестьянский поземельный банк.—Голод 1891 г. как следствие отсталости сельского хозяйства.—Банкротство крестьянства и земельного дворянства.—Возникновение капиталистического земледелия.

Выводы, сделанные из предыдущего исследования экономической структуры русской деревни, нужно принимать со следующими оговорками.

Прежде всего, статистика по существу своему—наука больших чисел. Есть много вопросов далеко не маловажных, которые невозможно было даже затронуть, ибо обсуждение их мыслимо лишь

в том случае, когда рассматриваются обширные земельные площади.

Далее, так как наши факты и выводы имеют лишь местную основу, то возникает вопрос, применимы ли выведенные заключения по отношению к более обширному району.

Наконец, условия, господствовавшие лет 5—10 назад, неизбежно должны были подвергнуться за это время значительным изменениям.

Можно сказать без преувеличения, что тысяча с лишком общин¹ в исследованных районах представляет такое же число разнообразных комбинаций основных факторов сельского хозяйства. Тем не менее мы начинаем замечать известную правильность, как только примем за основу исследования достаточный и необходимый комплекс единиц. Так мы находим, что все цифры, относящиеся к Раненбургскому уезду, Рязанской губернии, с замечательным постоянством повторяются в смежном Данковском уезде, той же губернии. Точно такое же сходство наблюдается и между уездами Коротоякским и Нижнедевицким, Воронежской губ. Это обстоятельство указывает на некоторое единообразие экономического строя, преобладающего при одинаковых условиях на еще более широкой площади. В районе, по преимуществу сельскохозяйственном, землевладение служит определяющим фактором экономической жизни. Если мы найдем одинаковое положение землевладения при сходных условиях, физических, географических и юридических, то мы вправе заключить о полной тождественности экономической структуры. Так, действительно, и обстоит дело в средней черноземной степной полосе России, служившей главной ареной голода 1891 г.

Есть, следовательно, достаточное основание предполагать, что экономические условия в Средней России около 1881 г. были в существенных чертах те же самые, что и в исследованном нами районе, допуская, конечно, числовые колебания. То было время, когда народничество в наиболее активных его проявлениях достигло своего кульминационного пункта и когда, в видах борьбы с ним, провозглашена была эра «народной политики». Возникает вопрос, не послужила ли эта политика противовесом направлению, принятому экономическим развитием в царствование императора Александра II? Всестороннее обсуждение экономической политики русского правительства за этот период не входит в нашу задачу².

Уезды	Число общин
Раненбургский	340
Данковский	313
Острогожский	250
Задонский	197
Коротоякский	124
Нижнедевицкий	161
	Итого 1385

² Дельный очерк русской аграрной политики представляет собою статья проф. А. Исаева «La famine en Russie», в «Revue d'Economie Politique», 1892 г., № 7.

Ограничусь лишь несколькими замечаниями о двух учреждениях, созданных для поддержания сельского хозяйства,—государственном Дворянском и государственном Крестьянском земельных банках.

Сотни миллионов были ассигнованы в течение нескольких лет, чтобы предотвратить разорение земельного дворянства. Подобных щедрот не выпало на долю Крестьянского банка, основанного с прямой целью снабжать крестьян деньгами на покупку земли. Среди дружного хора ликований, какими встречено было в народнической литературе появление на свет этого мертворожденного детища, только голос г. Лобачевского (псевдоним), одного из умнейших русских статистиков, звучал диссонансом¹. Этот писатель выступил с заявлением, что учреждать банк с капиталом в несколько миллионов рублей на десятки миллионов крестьян значит создавать мелкую крестьянскую буржуазию, которая неизбежно воспользуется для своей выгоды бедностью более беспомощных членов крестьянского класса, и что бедный домохозяин неминуемо разорится, если воспользуется услугами Крестьянского банка. Мнение г. Лобачевского скоро нашло себе подтверждение в практике Крестьянского банка, который оказался лишь дополнительным отделением Дворянского банка.

Вот что говорит по тому же поводу г. Герценштейн: «Всем известно, что крестьянские покупки дали возможность землевладельцам сбыть по дорогой цене часть земель, не приносящих почти никакого дохода, что в общем крестьяне платили за землю больше, чем она стоит»².

Это все та же исто-русская система, которая дала столь блестящие результаты при освобождении помещичьих крестьян. Кроме того, взимавшиеся Крестьянским банком проценты, именно 7½%, превышали проценты частных земельных банков (6%), тогда как в Дворянском банке они были меньше³.

Нисколько не удивительно, что заемщики не богатели. В период 1887—90 гг. 8,8% всей купленной при помощи Крестьянского банка земли, на которые падает 14% всей выданной банком ссуды, поступило из рук крестьян в собственность банка⁴. Опера-

¹ См. «По поводу вопроса о мелком поземельном кредите» в «Отечественных Записках», 1883 г., № 3, 4, 5, 12.

² «Деятельность Крестьянского поземельного банка в 1890 г.», «Русская Мысль», 1892 г., № 2, стр. 105.

³ Там же, стр. 107, 108.

⁴ В некоторых губерниях долги были еще больше:

Губернии	% к общему количеству по губернии	
	земли, ошоед- шая банку	неуплаченная ссуда
Иензенская	39,34	48,80
Полгавская	34,36	33,53
Воронежская	31,13	33,36
Курская	25,22	30,81

Это—губернии, где операции банка были наиболее обширны. (Там же, стр. 100).

ции банка по необходимости сократились¹. Впрочем, все это дело второстепенной важности. Если бы даже все шло благополучно, то и тогда бы банк не произвел существенной перемены в экономике русской деревни.

Припомним, что община нуждается в увеличении земли наполовину, чтобы дать всем своим членам возможность сохранить хозяйственную самостоятельность. Для упрочения крестьянского землевладения в пораженных голодом местностях потребовалось бы земли в несколько раз больше, чем куплено ее всеми крестьянами по всей России при помощи Крестьянского банка².

Сомнительно даже, могли ли бы операции банка послужить достаточным противовесом, чтобы парализовать дальнейшее дроб-

¹ Банком выдано в ссуду:

В 1884 г.	9 529 368 р.	В 1888 г.	5 133 530 р.
» 1885 »	13 761 978 »	» 1889 »	3 692 133 »
» 1886 »	11 148 850 »	» 1890 »	4 519 209 »
» 1887 »	7 495 197 »	(Там же, стр. 103).	

² О нормальном размере крестьянского надела см. гл. I и IX. Вот соответствующие цифры:

Уезды	Нормальный размер землевладения десятиин	Действительный средний размер	Превышение нормального надел средним, в %
<i>Раненбургский и Данковский</i> (Общины, все члены которых земледельцы, приняты за образец). На 1 ревиз. душу мужского пола	5,0	3,4	+47
<i>Коротояжский</i> За норму приняты хозяйства с чистой прибылью. На 1 взрослого работника мужского пола	11,5	3,3	+39

По размерам землевладения Рязанскую губ. (Раненбургский и Данковский уезды) можно считать типичной для центральной, наиболее населенной части черноземного пространства, а Воронежскую (Коротояжский у.) — для более слабо населенных окраин, примыкающих к южным степям. (См. Янсон, Опыт статистического исследования, прил., стр. 12, 13, табл. II). Если требуемое для крестьянства увеличение землевладения мы определим в 40% для пострадавших от голода местностей Средней России (Воронежская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская губ.), то недостающая площадь земли в сравнении с купленной при помощи Крестьянского банка будет равняться (см. Герценштейн, стр. 104):

Недостающее количество земли	12 070 484 дес.	100%
Купленное при помощи банка (с апреля 1883 г. по 1 января 1890 г.)	1 579 391 дес.	13%

Г. Лобачевский определяет количество недостающей земли (в 8 губерниях тех же районов) в 17 124 321 дес. («Отеч. Зап.», 1883 г., № 4, стр. 178); это почти в 10 раз больше, чем приобретено при посредстве банка.

ление крестьянских наделов, проистекающее из увеличения населения.

Некоторый свет на этот вопрос проливает очерк секретаря Воронежской уездной земской управы г. Македонова¹. Оказывается, что в 20 типических селениях Воронежского уезда в период 1884—1890 гг. убыло:

Лошадей и жеребят	30%
Коров и телят	55,2%
Мелкого скота	45,7%

и, напротив того, произошло увеличение числа:

Безлошадных	на 32,2%
Дворов без всякого скота	на 128,6%

Голод 1891 г., само собою разумеется, значительно ускорил процесс разложения, шаг за шагом подвигавшийся в деревне с самого освобождения.

В русских газетах в свое время появилось множество корреспонденций, сообщавших о сокращении чуть ли не на половину размеров крестьянского скотоводства. Сообщения эти вполне подтвердились земско-статистическими исследованиями².

¹ «Сельскохозяйственный обзор по Воронежской г. 1892/93: неурожай 1891 и 1892 гг. и продовольственное дело по Воронежскому уезду», стр. 34.

² В тех же 20 селениях Воронежского уезда убыль скота за голодный 1891/92 г. выражалась следующими цифрами:

Лошадей и жеребят	26,3%
Коров и телят	23,1%
Мелкого скота	34%

(Там же).

По Острогожскому уезду мы имеем следующие данные:

Убыло скота		
В 24 селениях	не свыше	40%
» 44	»	от 10% до 20%
» 65	»	» 20% » 30%
» 68	»	» 30% » 40%
» 37	»	» 40% » 50%
» 22	»	свыше 50%

Всего по уезду:

Крупного скота	25,6%
Мелкого	32,6%

(«Сельскохоз. обзор по Воронежской губернии 1891/92 г.», стр. X, см. также стр. 87).

По данным самарского статистического бюро, к 1 января 1892 г. убыло рабочего скота:

В Ивановской волости	74%
» Липовецкой »	67%
» Повотульской »	67%
» Кузобаевской »	61%
» Шинтиновской »	45%

Подробнее об этом в интересной статье г. В. Водовозова, Последствия неурожая в Самарской губ., в «Русской жизни» за 1892 г., № № 248—249.

Тяжелые потери, понесенные крестьянами, должны были еще резче обострить существовавшие раньше неравенства в распределении рабочего инвентаря.

По этому вопросу все имеющиеся сведения вполне сходятся.

Непосредственные данные для сравнения голодного 1891 г. с предшествующим урожайным 1890 г. у нас имеются под руками лишь по Воронежскому уезду. В вышеприведенных 20 селениях с 1890 по 1891 г. число безлошадных дворов возросло на 11,1%, число дворов без всякого скота на 25%¹.

По другим местностям возможно сопоставление цифр голодного года с данными последней земской переписи. Так, мы находим для Острогожского у.²:

Разряды	По переписи К 1 августа	
	1887 г. %	1892 г. %
Без всякого скота	14	21
Без рабочего скота	26	33,4
С 1 лошадию	31,3	34
С 2 лошадьми или парами волков	21,8	19,3
С 3 лошадьми или парами волков	11,5	8,3
С 4 и более лошадьми или парами волков	9,4	5
	100	100

Местами та же тенденция обнаруживается гораздо резче. Примером может служить дер. Дергуновка, Николаевского у., Самарской губ., которая в 1887 г. фигурировала в числе самых богатых деревень: в ней приходилось в среднем 3,5 рабочих лошадей на двор (почти вдвое больше, чем в районе нашего исследования). Вот сравнительные данные за 1887 и 1891 гг.³:

Дворы (всего 745)	В процентах		
	1887 г.	октябрь 1891 г.	прибыль или убыль
Безлошадные	5	29	+ 480
С 1 лошадию	14	29	+ 107
» 2—3 лошадьми	32	28	— 12
» 4 »	14	7	— 50
» 5 и больше лошадьми	35	7	— 80
	19	58	+ 205
	81	42	— 48

Рука об руку с разорением маломощных дворов шло обогащение мелких кулаков, скупавших за бесценок распродаваемый бедняками скот⁴. Так в Острогожском уезде встречаем 12 селений (с 900

¹ Македонов, там же, стр. 34.

² «Сельскохоз. обзор по Воронежской губ. 1891/92 г.». Весна и лето. Стр. XI.

³ В. Водовозов, там же.

⁴ «Сельскохоз. обзор по Воронежской губ. 1891/92 г.», стр. 87.

дворов), в которых количество скота в неурожайный год не только не уменьшилось, но даже возросло, а именно:

В 2 селениях	от 0,1 до	10%
В 5 »	» 10 »	20%
В 5 »	свыше	20%

Процесс экспроприации беднейших членов общины не мог остановиться на распродаже скота, а неминуемо должен был повлечь за собою дальнейшую концентрацию общинной земли в руках «сильных» домохозяев, сумевших устоять среди всеобщего бедствия. «Потери рабочего скота,—читаем мы в издании Орловского статистического бюро,—заставляли крестьян сдавать наделные земли небольшому числу более зажиточных односельцев за пониженную цену»¹.

Таким образом, экономические тенденции, преобладавшие в деревне в начале 80-х годов, можно с уверенностью сказать, к настоящему времени обозначились еще резче.

Катастрофа 1891 г. отличается от предшествовавших ей неурожаев лишь величиною охваченной ею площади². Причина всех голодовок по существу одна и та же—отсталость русского сельского хозяйства. Верхний слой почвы окончательно истощен, а деревянная мужицкая соха не проникает глубже, где производительные силы еще остаются нетронутыми. Глубокая пахота совершенно немыслима при одной лошади, которую к тому же держат на соломенном корму. Крестьянским же инвентарем возделывается не одна крестьянская, но и помещичья земля. Таким образом, кризис крестьянского хозяйства означает в то же время кризис и помещичьего хозяйства³.

Мы видим, как с экспроприацией слабых дворов и концентрацией общинной земли в руках немногочисленных сильных съемщиков наши «хозяйственные мужички» трансформируются в крестьянскую буржуазию наподобие французского крестьянства после великой революции или американских мелких фермеров-работодателей. Переходные группы полухозяев, полурабочих, руками которых обрабатывалась раньше большая часть помещичьих

¹ «Урожай 1891 г. по Орловской губ. и его последствия», стр. 40 и далее. О том же явлении свидетельствуют земско-статистические данные по Воронежской (*Македонов*, стр. 32) и Самарской губ. (*Водовозов*, там же).

² Что голод 1891 г. далеко не был неожиданностью, для русского читателя не ново. За предшествовавшее десятилетие не было недостатка в тревожных симптомах. В 1883, 1884 и 1885 гг. голодовки посещают поочередно Западную Сибирь, северо-восток и некоторые из средних губерний (Вятскую, Казанскую, Курскую и др.). О голоде опять говорят в 1889 г. (См. статью проф. Романовича-Славатинского в «Киевских Университетских известиях», 1892 г., № 1, стр. 40, 61). Необыкновенный урожай 1890 г. уже не мог предотвратить беду, и последовавший затем неурожай повлек за собою голод.

³ Заемщикам Дворянского банка в неурожайных местностях пришлось дать отсрочку в платежах, иначе множеству имений грозила продажа с молотка.

земель, вытеснены голодом в разряд пролетариев¹. А раз работник сделался пролетарием, то и помещичьи земли должны теперь, по необходимости, обрабатываться трудом пролетариев, крупное сельскохозяйственное производство приобретает правильный капиталистический характер². Дворянство, с его заложенными имениями, не в состоянии достать требуемый для этого капитал³.

Земля обречена на раздел между крупным капиталистом и мелким сельским хозяином, этим homo novus деревни⁴.

¹ Вот как характеризует современное экономическое положение населения корреспондент Воронежского статистического бюро из Острогожского уезда: «Весьма многие, по всей вероятности, надолго, если не навсегда, принуждены бросить собственное хозяйство и перейти в разряд бесхозяйственных. Разорившись раз, эти люди никогда, вероятно, не станут на свою точку. Они стали «наймытами»... Когда же скопить им капиталец, чтобы приобрести 2—3 лошади или пару-две быков, необходимых для самого «нехитрого хозяйства»?». «Сельскохоз. обзор 1892/93 гг.», стр. 97.

² В одном сообщении из Воронежского уезда говорится, что там после голода едва ли уцелела и четвертая часть скота. «Вследствие потери крестьянами лошадей многие из землевладельцев и крупных арендаторов обзавелись собственным скотом». (См. «Сельский Хозяин», 1892 г., № 26, 24 апреля.)

Другой корреспондент (тоже из помещиков) говорит: «В нынешнем году большую часть сельскохозяйственных работ пришлось исполнять при помощи помещичьего инвентаря, ибо крестьяне не брались за них: они лишились своего рабочего скота». («Сельский Хозяин», 1892 г., № 33, 12 июня.)

³ Удобрение и ирригация сделались необходимой вещью в русском сельском хозяйстве. Рассчитаем, каких расходов потребует введение этих учреждений.

Мы знаем, что навоз доставляется на помещичьи поля мелким земледельцем. Гибель этого последнего принуждает помещика затрачивать капитал на покупку рабочего скота. Для удобрения полей раз в три года требуется 2 головы крупного скота на десятину пахотной земли, что вызывает расход в 78 р. 96 коп. на десятину. (См. «Сборник статистич. исслед. по Воронежской губ.», т. II, № II, приб., стр. 44—45.) Тут-то мы и видим ахиллесову пятую русского земельного дворянства. Земля, приобретенная крестьянами при помощи Крестьянского банка, продавалась в среднем по 43 р. 41 коп. десятины. (См. *Герценштейн*, стр. 104.) Стоимость одного только удобрения превышает всю продажную цену земли. Следовательно, оно не может быть введено в широких размерах на средства, вырученные от заклада имений.

То же надо сказать и об ирригации. Г. Бирюкович («Протекционизм и сельское хозяйство», «Русская Мысль», 1892 г., № 4, стр. 2, 3) приводит несколько примеров возвышения, благодаря искусственному орошению, арендной доходности имения с 3 р. до 15 и даже 25 р. в год на десятину. Кроме того, — и это еще важнее, — при недороде на соседних землях орошаемые имения давали превосходный урожай. По свидетельству инженера Данилова, ирригация увеличивала продуктивность пашни на 15—20%, луга — на 100%, тогда как расходы на нее не превышали 60 р. с десятины. Расход этот нельзя, конечно, назвать чрезмерным; но он также требует затраты капитала, превышающего стоимость земли, и это-то, по мнению сельских хозяев-практиков, и нужно считать главной причиной равнодушия помещиков к делу орошения. (См. статью В. Казяненко в «Сельском Хозяине», 1892 г., № 47.) Итак прогресс искусственного орошения означает разорение дворянина.

⁴ Такое же мнение высказал и Фридрих Энгельс, один из немногих западноевропейских ученых, знакомых с русским языком. Считаю, однако, нелишним заметить, что взгляд этот высказан был мною совершенно независимо. В 1891 г. я писал: «Последствия голода равносильны перевороту

Итак, голод 1891 г. нужно рассматривать, как настоящий поворотный пункт в экономической истории России.

Семейная кооперация, деревенская община и натуральное хозяйство — таковы основные элементы экономического строя России в прошлом.

Россия грядущих дней будет иметь своим базисом крестьянскую буржуазию, земледельческий пролетариат и капиталистическое сельское хозяйство¹.

в общественном строе русской деревни... Развитие капитализма в земледелии, распадение крестьянства на две обособленные группы — мелкую деревенскую буржуазию и сельский пролетариат, — характеризуют собою новую эпоху в социальной жизни России».

¹ Этот экономический переворот имеет, мне кажется, не одно национальное лишь значение. До сих пор американский фермер встречался на международном рынке с русским крестьянином либо как с мелким земледельцем, либо с возделывателем большей части помещичьей земли. В этой конкуренции большая экономия труда и более дешевые средства перевозки обеспечивали победу за американским производителем. В будущем обремененному долгами американскому фермеру придется конкурировать с русским капиталистом. Едва ли надо быть пророком, чтобы предсказать, что падение русского крестьянства ускорит гибель мелкого сельского хозяйства в Америке.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К XII ГЛАВЕ

ЗАМЕТКА О РАЗВИТИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ¹

Наше народное хозяйство переживает период производства «абсолютной прибавочной стоимости». Отличительной чертой этого исторического периода служит то, что технические способы производства остаются неизменными, увеличивается только степень эксплуатации работника и меняются экономические отношения между общественными классами. Производство для собственного потребления, или производство потребительных стоимостей, уступает место производству для обмена, или производству меновых стоимостей, говоря короче, совершается переход от натуральной формы хозяйства к денежной.

Крестьянская реформа, со времени которой начинается у нас этот экономический переворот, как известно, нанесла сильный удар обоим классам, привыкшим вести натуральное хозяйство. Крестьянство, лишенное материальных средств и несущее на своих плечах всю тяготу реформы, оказалось не в силах взяться за создание нового хозяйства на развалинах натурального строя. Поместный класс на недостаток средств пожаловаться не мог, ибо вся реформа направлена была к тому, чтобы доставить ему все элементы, необходимые для правильного ведения крупного хозяйства: землю—самую лучшую и в размерах вполне достаточных,—денежный капитал и рабочие руки. Но, благодаря своему невежеству и совершенному непониманию условий хозяйства (при крепостном праве знание хозяйства для помещика было совершенно не нужно), весьма значительная часть поместного сословия не сумела воспользоваться преимуществами своего положения. Задачу эту выполнили за них лица других сословий, представляющих собою денежный капитал: *купцы и разжившиеся крестьяне-кулаки*. В настоящее время только в меньшей части района выселений помещичье землевладение вполне удержало за собою позицию, чаще же рядом с представителями поместного класса на

¹ Отрывок из книги И. А. Гурвича: «Переселение крестьян в Сибирь», Москва 1888 г. (гл. X и XI, стр. 41—68). Перепечатывается с некоторыми сокращениями.

землях последнего водворились купец и кулак, которым кое-где удалось уже окончательно вытеснить дворянство из области землевладения. Это вторжение новых элементов совершилось как путем приобретения земель в собственность, так и на началах крупной земельной аренды. При этом вообще наблюдается, что крупные имения обыкновенно переходят в руки купцов, крестьяне же преимущественно являются покупателями средних участков: начавши с каких-нибудь 100—150 дес., купленных вскоре после реформы, они впоследствии сумели удвоить размеры своих владений, порою же стать обладателями огромных имений, в качестве арендаторов и даже на правах собственности.

Какие же порядки водворили в сельском хозяйстве эти «новые люди»? Хищнический характер колушаевского и разубаевского хозяйства стал уже общим местом в нашей литературе. Я нисколько не думаю отрицать справедливость упреков, адресуемых нашему купеческо-кулацкому землевладению. Но, обращаясь к свидетельству переселенцев, далеко не высказывающих симпатии к «новым людям» деревни, я тем не менее не нахожу почти никаких указаний на хищнический и разрушительный характер *современного* крупного недворянского землевладения.

Если мы обратимся к происхождению новоявленных крупных землевладельцев, то в основе его мы, действительно, увидим хищничество. Но и здесь мы далеко не замечаем, чтобы единственную провиденциальную миссию новых землевладельцев составляло одно только вандалское разрушение. Разуваев прежде всего человек расчета; если он начинает с разрушения, вырубает леса и сады на своз, то потому только, что ему необходимо вернуть затраченный капитал и добыть средства для дальнейших операций. Пока это выгодно и необходимо, он ограничивается разрушением и сбытом уже существующего и не требующего новых затрат. Но когда все то, что добыто дешевой ценой, уже превращено в деньги и доставило барыш, сделавший небогатого человека обладателем больших капиталов, тогда последний получает возможность приняться и действительно принимается за более правильное хозяйство, требующее и больших затрат, чем простое хищническое извлечение уже готового.

Разрушение составляет, таким образом, не *сущность* купеческо-кулацкого землевладения, а лишь один его преходящий исторический момент, который в районе выселений большей частью уже миновал и ступившись в представлении крестьян перед новыми более современными формами колушаевского режима.

Благодаря сильной нужде крестьян в земле, многие землевладельцы из купцов и кулаков прежде всего набросились на сдачу земли в аренду крестьянам, как на самый выгодный и верный источник дохода. Оставляя себе для домашнего обихода каких-либо 5—6 дес., с которыми легко управляется один работник, всю остальную землю они раздадут по высокой цене крестьянам, а жнивами и паровым полем пользуются для прогона гуртов, из чего также извлекают некоторую выгоду.

Таков первоначальный и простейший способ хозяйничания купцов и кулаков на приобретенных землях. Но в районе выселений этот способ в настоящее время не представляется преобладающим. Не менее, если не более, распространенный способ хозяйствования представляется в таком виде. Все имение разделяется на две части: лучшую землю купец эксплуатирует в собственном хозяйстве, на остальную же возлагается обязанность снабжать хозяйство рабочими руками; с этой целью земли низшего качества сдаются крестьянам из части продукта или под работу; жнива, атава, выгон—тоже сдаются под обработку; даже потравы (совершенно неизбежные при данном расположении земель) обращаются в источники снабжения имений работниками. Наконец, купец или кулак имеют в своем распоряжении обязательный труд должников, которым они еще с зимы раздают деньги или хлеб. Есть имения, обходящиеся обязательным трудом подобных должников и мелких арендаторов; но иные держат по 40—50, а иногда и до 150 наемных рабочих. Наконец, плохую или излишнюю землю, которая почему-либо не сдается ни по исполнительной, ни по издельной системе, владельцы сдают за наличные деньги.

Мы видим из этого, что в громадном большинстве новые землевладельцы, представители капитала в земледелии, не внесли ничего нового в приемы земледельческой культуры, которая осталась такой же, какую она была в помещичьем и крестьянском хозяйствах. Мало того, поля этих новых землевладельцев-капиталистов обрабатываются большей частью крестьянским инвентарем, и только в некоторых имениях мы встречаем сравнительно большое число постоянных рабочих. Такой культурный консерватизм нашего землевладельческого капитала не может, однако, приводить нас в изумление. Мы уже видели, что наше крупное земледельческое производство переживает в настоящее время период производства абсолютной прибавочной стоимости; а сущность этого исторического периода заключается не в создании новых приемов культуры, а в увеличении количества труда, выполняемого крестьянином на крупных предпринимателей по прежним способам производства. Естественно поэтому, что в громадном большинстве операции наших представителей капитала должны были сосредоточиться на обработке мужика, а не земли. Но там, где соединились благоприятные условия—в виде обилия дешевой и плодородной земли, выгодных цен на хлеб, близости железной дороги и, наконец, достаточного числа рабочих рук,—там купеческий капитал сумел создать и крупное хозяйство на западноевропейский манер, с наемными рабочими, собственным инвентарем и даже машинами.

Такое хозяйство мы находим в Бузулукском у., Самарской губ., у купцов, которые арендуют в казне громадные участки земли и обрабатывают их при помощи машин. Таких купеческих хозяйств, по словам переселенцев, много. Рядом с этим процветанием крупного хозяйства мы видим полный

упадок крестьянского: неурожай, дороговизну хлеба, громадные недоимки.

Несколько лет назад наш сатирик спрашивал Разуваева, на чем он основывает свои виды на будущее, подготавливая окончательное разорение своего кормильца и поильца—мужика.—«Йён достаанить!»,—отвечал Разуваев с свойственной ему самоуверенной беспечностью. Но, ведь, настанет когда-нибудь время, когда и «йён» не достанет!—воскликнул сатирик, с искренней тревогой за участь крестьянина, и советовал Разуваеву припомнить судьбу своего предшественника, отставного корнета Прогорелова. Что возразил бы на это Разуваев, если бы читал то, что о нем говорится в печати,—неизвестно; но вот как он разрешил этот вопрос на практике. Крестьяне нескольких других селений того же Бузулукского уезда передавали, что в последнее время ближние купцы стали неохотно сдавать землю крестьянам. Соседний купец, и теперь уже имеющий 1 000 дес. собственной запашки, намерен и всю остальную землю обрабатывать наемными рабочими и вовсе прекратить сдачу земли на аренду крестьянам; он утверждает, что это ему будет выгоднее.

Итак, предсказание сатирика сбылось: крестьянство разорено кругом, неурожай следуют за неурожаями, недоимки на крестьянах нередко достигают 70—80 и свыше 100 р. на двор; множество крестьян, не находя своим силам приложения в собственном хозяйстве, уходит на заработки к казакам. Словом, все, что можно было взять у крестьянина,—уже взято. Но когда стало очевидно, что теперь уж «йён» не «достанет», в то же время обнаружилось, что Разуваев найдет средство «достать» не менее прежнего, но только уже без помощи начисто обработанного мужика-хозяина, а при посредстве того же или иного мужика—в роли наемного рабочего. Здесь мы видим, как мелкая крестьянская культура начинает вытесняться крупным купеческим хозяйством. И община наша не может служить крестьянству оплотом в этой борьбе с капиталистическим земледелием: кроме общинных наделных земель, крестьяне эксплуатируют еще в своем хозяйстве значительное пространство земель частного владения; переход этих последних из рук крестьян в непосредственно хозяйственное распоряжение крупных землевладельцев не только сузит пределы распространения крестьянской культуры, но неизбежно подорвет и крестьянское хозяйство на наделной земле. Нечто подобное мы находим в Сумском у., Харьковской г., где, благодаря господству подвального землевладения, влияние крупного хозяйства распространяется гораздо шире и обозначается резче, чем в районе общинного землевладения. Обширные купеческие свекловичные плантации в Сумском уезде захватывают все свободные земли, не оставляя крестьянам даже необходимых пастбищ; давление этих хозяйств так сильно ощущается крестьянами, что гонит на переселение даже богатых крестьян, имеющих по 1 000—1 500 руб. капитала. Мелкое крестьянское хозяйство оттесняется здесь с занимаемой им территории более интенсивным капиталистическим

хозяйством, которое по мере своего распространения вынуждает мелкого производителя мало-помалу уступать свою землю победителю и удаляться с арены борьбы.

Мы очертили формы купеческого хозяйства в местах выселений. Но для полноты обзора необходимо еще упомянуть о крупных купеческих хозяйствах, возникших вне пределов переселенческого района, но получающих из него рабочие руки. Подобные купеческие хозяйства мы находим, напр., в заволжских степях, где купцы арендуют обширные казенные оброчные участки. У иных бывает до 5 000 дес. одной запашки, которая обрабатывается большею частью трудом пришлых наемных рабочих.

Я остановился с особенным вниманием на купеческом хозяйстве и выделил его из других форм крупного хозяйства потому, что оно, по моему мнению, представляет собою не «фантазии», а «действительность русского капитализма» в земледелии. Относительно крупного помещичьего хозяйства у нас существует мнение, что оно ведется с чистым убытком для помещиков и составляет плод их нерасчетливого сословного упрямства; но последнее, согласно тому же мнению, в конце концов все-таки должно будет сдаться перед силою экономической необходимости, делающей-де у нас невыгодным ведение крупного хозяйства, и крупное помещичье землевладение волей-неволей вынуждено будет передать всю землю крестьянам, ограничиваясь получением ренты. Если возможны подобные возражения против факта существования крупного помещичьего хозяйства, то решительно невозможно, по нашему мнению, ссылаться на каприз или «фантазии» для объяснения купеческого или кулацкого земледельческого хозяйства. Копушаев и Разуваев—менее всего люди каприза или фантазии, наоборот, они олицетворение пословицы: «денежка счет любит». Если выгодно только разрушать, они разрушают; выгоднее ограничиться ролью рантье, они довольствуются получением ренты, стараясь лишь о том, чтобы поднять ее выше всякой меры. Если же они употребляют все средства и напрягают все силы, чтобы обеспечить себя рабочими для своей собственной запашки, стало быть, это выгоднее простой сдачи земли на аренду крестьянам. И при обработке земли купец руководится строгим расчетом; он везде эксплуатирует в собственном хозяйстве только лучшую землю; худшую же, которую невыгодно обрабатывать самому, он сдает на разных условиях крестьянам. Так обращается он с землею, арендуемую у помещиков или в казне; так же точно поступает и на собственной земле. Если, наконец, купец заводит машины, то это совсем не то же, что пресловутое «рациональное земледелие» оскудевших помещиков. Словом, тут всякая операция—дело строгого и безошибочного денежного расчета, а не «фантазии». Тем хуже, конечно, для крестьянина.

Обратимся теперь к помещичьему хозяйству. Выше мы сказали, что во многих местах дворянское сословие сошло со сцены сельскохозяйственного производства, частью вследствие перехода дворянских имений в хозяйственное распоряжение других сосло-

вий, с сохранением, однако, юридических прав на землю за прежними владельцами; частью же окончательно, с переходом помещичьих имений в собственность недворянских сословий. Однако такое окончательное исчезновение помещичьего землевладения замечается покуда только в очень небольшой части района выселений; большею частью помещичье землевладение поддерживает свое существование рядом с крупным недворянским землевладением; встречается же немало и таких местностей, где и по настоящее время вся личная поземельная собственность сосредоточивается в руках владельцев из дворян. Если мы бросим взгляд на способ ведения хозяйства в таких уцелевших помещичьих имениях, то мы встретим здесь те же приемы, с какими мы познакомились при обзоре купеческих и кулацких хозяйств,—ту же сдачу земли из части или под работу, тот же кабальный труд, те же взыскания за потравы деньгами или трудом и т. д. Тут, очевидно, совершился процесс естественного подбора: выказавшие недостаточно энергии или способностей в экономической борьбе за существование уступили место более сильным соперникам, остальные же приспособились к новым условиям. Иные до того вошли во вкус этих последних, что занялись даже раздачей хлеба из процентов, т. е., проще говоря, сделались деревенскими ростовщиками. Лучше всего устояли в борьбе наиболее крупные имения: там, где под руками нет недостатка в свободных рабочих, мы находим в таких экономиях и достаточный рабочий инвентарь и развитое скотоводство. Нам указали в Острогжском уезде (Воронежской губ.) на помещичье имение, пространством в 15 000 дес. (с лесом и покосами), в котором воспитывается 15 000 шленских овец, 300 лошадей и столько же коров; для работ в имении управление нанимает 300 постоянных годовых рабочих, не считая временных, подряжающихся из части продукта на различные земледельческие и иные хозяйственные работы. Наем рабочего персонала облегчается соседством большого селения (свыше 800 душ), вышедшего при освобождении на дарственный надел; разумеется, в этом селении множество крестьян, ликвидировавших собственное хозяйство и живущих по батракам в крупных экономиях. Такое же помещичье хозяйство мне известно и в нечерноземной полосе; в Муромском уезде (Владимирской губ.) мне называли имение, в котором крестьянам не сдается ни одного клочка земли, а вся земля эксплуатируется самим владельцем. Пример этот показывает, как при благоприятных условиях и рациональном ведении дела крупное хозяйство одерживает верх над мелким крестьянским хозяйством и вытесняет последнее с занимаемой им территории. Такое необходимое условие—обилие дешевых рабочих рук, которых в нашем примере более чем достаточно, благодаря большому числу разоренных безлошадных дворов и упадку крестьянских промыслов.

От крупного земледельческого хозяйства нам предстоит перейти к тем формам мелкого, которые принимают участие в эксплуатации крестьянского труда. Мы здесь встречаем те же два основ-

ные вида эксплуатации, с которыми мы познакомились при обзоре крупного хозяйства. Сильная крестьянская нужда в земле выдвинула особый тип посредника между землевладельцами или крупными арендаторами и мелкими съемщиками-крестьянами. Это—богатый мужик, снимающий, по сравнительно недорогой цене, средних размеров участок у помещика или у купца и пересдающий его по мелочам нуждающимся в земле крестьянам. Переходя через руки двух посредников, земля, разумеется, достается мелкому съемщику по невероятно высокой цене, едва ли не большая часть которой по пути прилипает к рукам посредников. Эта форма эксплуатации не посягает, однако, на хозяйственную самостоятельность мужика. Но существует еще весьма распространенная форма мелкого крестьянского хозяйства, основанного на наемном труде. Я говорю о казаках, к которым ежегодно уходит на работу множество крестьян черноземной полосы, живущих иногда на расстоянии 1 000 верст от казачьих поселений. Недостаток работы на родине и низкие цены на труд гонят к казакам местами чуть не целые селения. Но хотя вознаграждение за труд у казаков в настоящее время гораздо выше, чем в черноземной полосе, тем не менее принцип казачьего хозяйства от этого несколько не изменяется. Мы видим здесь какую-то аристократическую крестьянскую общину, власть которой простирается далеко за пределы собственной ее территории. Крайне характерно здесь то, что как казаки-хозяева, так и их наемные работники-крестьяне владеют землей на общинном начале. Таким образом, общинное землевладение, при наличности известных условий, нисколько не препятствует созданию привилегированного положения для одних общин, предоставляющего им возможность эксплуатировать труд других общин, менее выгодно поставленных, притом расположенных на очень далеком расстоянии. Этот особый, многозначительный вид эксплуатации—эксплоатации общин одной территории общинами другой, отдаленной области—заслуживает не меньшего внимания, чем эксплуатация мелкого крестьянского хозяйства соседним крупным землевладением и земледельческим хозяйством.

Крестьянство далеко не представляет однородной массы, а, напротив, слагается из многих составных элементов, на которых влияние внешних условий отражается в весьма неодинаковой степени. Прежде всего, перед нами выступает историческое деление крестьян на разряды бывших государственных и бывших помещичьих, поставленных, как известно, в неодинаковые условия относительно общих размеров надела и платежей. Мы знаем далее, что недостаточность наделов, общая как той, так и другой категории крестьян, вынуждает их прилагать более или менее значительную часть своего труда вне надела.

Наиболее выгодной формой вненадельных занятий является земельная аренда, которая, несмотря на обременительность условий ее для крестьянина, все же представляет то преимущество,

что не отрывает крестьянина от дому и земледельческого хозяйства. Но в настоящее время аренда становится недоступной для массы крестьянского населения. Большинство последнего для пополнения своего бюджета вынуждено обращаться к различным видам заработков и прежде всего к заработкам земледельческим. Таким образом, одновременно с сокращением числа крестьян-арендаторов увеличивается число крестьян, подряжающихся на обработку земли крупных собственников, иными словами, многие прежде совершенно самостоятельные хозяева превращаются наполовину в наемных рабочих. Другая сторона этого процесса выражается в сокращении размеров многих мелких хозяйств и в параллельном расширении хозяйств, основанных на наемном труде. Наиболее благоприятную форму последнего составляют подесятинные заработки. Занятые ими крестьяне, так же как и арендаторы, не отрываются от дома и сохраняют рабочий инвентарь, который прилагается также и в их собственном хозяйстве. Невыгодная сторона этой формы найма заключается в том, что вынуждаемый недостаточным вознаграждением за работу крестьянин стремится наверстать его количеством работы в ущерб собственному хозяйству.

За местными земледельческими заработками следуют земледельческие отхожие и неземледельческие промыслы. Последние только в таком случае не оказывают разрушительного влияния на хозяйство, если занимают рабочие силы семьи только в зимнее время. В противном случае, наравне с отхожими земледельческими заработками, они исключают возможность ведения собственного хозяйства. Преимуществом земледельческих заработков в данном случае будет то, что они не отрывают крестьянина от земледельческого труда, и при благоприятных условиях он может снова приняться за собственное хозяйство, между тем как крестьянин, из года в год занятый летним неземледельческим промыслом дома или на стороне, в сущности уже перестает быть земледельцем. Но, с другой стороны, нельзя не заметить, что отхожий земледельческий промысел превращает самостоятельного хозяина в батрака. В подобных обстоятельствах только большая семья в состоянии предохранить крестьянское хозяйство от окончательного упадка: в такой семье часть работников занята ведением земледельческого хозяйства, а другая посвящает себя занятиям вне последнего. В одиноких же семействах неземледельческий или отхожий земледельческий промысел неизбежно ведет за собой ликвидацию собственного земледельческого хозяйства. Прекращая личную обработку надела, крестьянин прежде всего продает свой рабочий скот, содержание которого становится излишним и обременительным. Этим путем создается в деревне разряд безлошадных домохозяев. В самом благоприятном случае такие крестьяне для обработки надела нанимают лошадных хозяев. Легко видеть, что и в этом более благоприятном случае обработка надельной земли сосредоточивается в меньшем числе хозяйств; излишние для обработки надела рабочие руки вынуждены искать себе при-

ложения в батрацкой работе на чужое земледельческое хозяйство или и вовсе уходить из среды земледельческого труда.

Так, под влиянием внешних условий, наперекор общинному землевладению и праву всякого крестьянина на землю, создается в деревне резкое неравенство состояний, которое впоследствии стремится наложить руку на самый существенный принцип общинного землевладения. Появление в деревне безлошадных домохозяйств не ограничивается, как мы сейчас видели, сосредоточением одной только *обработки* земли в руках лошадаых хозяев, а стремится еще сосредоточить в руках последних и самое *пользование* и хозяйственное *распоряжение* всей наделной землей; рядом с такими безлошадными домохозяевами, которые для обработки надела нанимают лошадаых, мы встречаем и таких, которые просто-напросто сдают свои наделы в аренду лошадаым домохозяевам, сами же занимаются каким-либо сторонним или хотя и земледельческим, но отхожим промыслом. Здесь уже прямо выступают перед нами открытое обезземеление беднейшей части крестьянского населения и переход ее в ряды земледельческих батраков, ремесленников или фабричных рабочих.

Современный фискальный характер крестьянской общины с своей стороны только способствует успешному проявлению разрушительных для общинного строя влияний. Так напр. там, где земля способна оправдывать расходы на ее обработку и уплату податей, неисправность в платеже последних всегда ведет за собою отобрание надела обществом и передачу его в руки более состоятельных домохозяев или же добровольную сдачу маломощными хозяевами своих наделов более сильным общинникам. Таким образом, в параллель поглощению мелкой культуры крупную на почве аренды вненаделных земель и внутри общины замечается движение в сторону сосредоточения земли в руках сильных домохозяев и фактического обезземеления многих слабых домохозяйств. И такому образованию безземельного пролетариата современное общинное землевладение не в состоянии противопоставить никакой преграды. Это видно уже хотя бы из того, что в большинстве крестьянских обществ, в которых наблюдается описываемый процесс обезземеления части населения, в то же время распределение земли между общинниками составляет общепризнанную функцию общины. Мы находим здесь и переделы земли через определенные промежутки времени, и частные переверстки ее соответственно изменениям в составе отдельных семей,— словом, все атрибуты общинного землевладения. Само собою разумеется, что в обществах, где передела не было уже давно и где из-за него ведется борьба, а тем более в таких, где эта борьба окончилась поражением сторонников общинного начала,—неравномерность землепользования и сосредоточение земли в руках одних общинников в ущерб другим должны проявляться еще резче. Так, напр., где передела не было со времени последней ревизии, т. е. с 1858 г., вся деревенская молодежь остается вне самостоятельного участия в пользовании общинною землею.

Само собою разумеется, что в настоящем очерке мы могли отметить только наиболее крупные отличительные черты разных слоев современной деревни. В действительной жизни встречается много промежуточных оттенков, сглаживающих чересчур резкие отличия между соседними экономическими наслоениями: так, напр., домохозяин, арендующий небольшой участок земли, в то же время берет еще на себя подесятинную обработку земли в соседнем имении; крестьянин, занятый в летнее время подесятинной работой, зимою работает на каменноугольной шахте и т. д.

Все предыдущее в одинаковой мере относится к переселенческому району как черноземной, так и нечерноземной полосы, с тою только разницей, что в последней аренда большею частью ограничивается только общинными землями, земледельческие же заработки вовсе отсутствуют. Единственное подспорье населению доставляют заработки неземледельческие, местные и отхожие. Из них наиболее тесно соприкасаются с земледелием лесные промыслы. Но эти последние доступны только более или менее исправным крестьянам, потому что требуется не только срубить, но и вывезти лес в назначенное место, на пристань, на завод или на берег для сплава. Поэтому лесные промыслы составляют занятие «хозяйственных» лошадных крестьян северного края, бедняки же промышляют на стороне разными ремеслами или законтрактовываются на заводы. Связь таких крестьян с землею гораздо слабее, так как ремесленные промыслы, особенно же заводские работы, производятся и летом, в период земледельческих работ. Встречаются целые селения ремесленников, которые круглый год проживают на стороне и только на короткое время заглядывают домой. Понятно, что у таких крестьян земледельческое хозяйство брошенное на руки бабе, находится в совершенном упадке. Среди таких крестьян вербуются контингент маломощных и бесхозяйных, сдающих свои наделы в аренду зажиточным одообщественникам. Таким образом, и здесь, в области нераздельного господства крестьянского общинного землевладения при сравнительно ничтожных размерах крупной поземельной собственности, мы точно так же находим формирующуюся группу бесхозяйных, фактически безземельных пролетариев, уходящих из земледелия в сферу промышленности, а рядом с ними более зажиточных крестьян, в руках которых сосредоточивается фактическое пользование и хозяйственное распоряжение участками этих, в действительности безземельных, хотя и наделных, общинников.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

Таблица I

Распределение земли между различными разрядами крестьянского населения

Распределение крестьянства по уездам, происхож- дению и праву вла- дения	Население				Земля (десятины)				
	общин	дворов	лиц (муж. и жен. пола)		всего	проц.	на каждую ре- вив. душу (по X ревиз.)	на каждый двор (по пер. 1882 г.) ¹	на 1 налич. душу (по пер. 1882 г.) ¹
			число	проц.					
<i>Раненбургский уезд</i>									
I. Бывшие помещичьи крестьяне:									
1. Временно обя- занные	75	2 547	16 071	12	14 797	9	2,4	6,2	1
2. Состоящие на выкупе	192	10 310	63 621	47,4	59 509	36,2	2,4	6,1	1,0
3. Дарственники	5	90	553	0,4	119,5	0,1	0,1	0,5	0,3
4. Полные соб- ственники	4	16	133	0,1	242	0,1	5,3	16,1	1,9
У бывших помещи- чьих	276	12 963	80 373	59,9	74 667	45,4	2,4	6,1	1,0
II. Бывшие государ- ственные крестьяне:									
1. С общинным землевладени- ем	27	6 237	42 297	31,5	68 230	41,5	4,1	11,1	1,6
2. С четвертным землевладени- ем	15	415	2 940	2,2	6 144	3,7	6,7	15	2,1
3. С душево-чет- вертным ²	10	1 224	8 248	6,2	15 092	9,2	4,5	12,4	1,8
У бывших госу- дарств.	52	7 876	53 485	39,9	89 466	54,4	4,3	11,5	1,7
III. Бывш. государ- ств. из помещичьих ³	12	36	236	0,2	228	0,2	2,3	6,5	1,0
В Раненбургском уезде	340	20 875	134 099	100	164 361	100	3,1	8,2	1,3

Таблица I (продолжение)

Распределение крестьянства по уездам, происхож- дению и праву вла- дения	Население				Земля (десятины)					
	общин	дворов	лиц (муж. и жен. пола)		всего	проц.	на каждую ре- виз. душу (по X ревиз.)	на каждый двор (по пер. 1882 г.) ¹	на 1 налиц. душу (по пер. 1882 г.) ¹	
			число	проц.						
<i>Данковский уезд</i>										
I. Бывш. помещи- чьи крестьяне:										
1. Временно обя- занные	75	2 078	12 923	13,2	13 512	10,4	2,6	6,9	1,1	
2. Состоящие на выкупе	172	7 524	48 126	49	50 026	38,5	2,5	7	1,1	
3. Дарственные	7	231	1 376	1,4	551	0,4	0,8	2,7	0,4	
4. Полные соб- ственники	6	69	511	0,5	947	0,7	4,8	14,1	1,9	
Итого бывш. помещи- чьи	260	9 902	62 936	64,1	65 036	50,0	2,7	6,9	1,1	
II Бывш. государ- ственные крестья- не:										
1. С общинным землевладени- ем	18	3 082	19 817	20,2	31 756	24,4	4,1	10,4	1,6	
2. С четвертным	18	1 765	12 131	12,4	27 208	20,9	5,4	15,9	2,3	
3. С душево-чет- вертным ²	3	415	2 789	2,8	5 331	4,1	5,1	12,9	1,9	
Итого бывш. государ- ственных	39	5 262	34 737	35,4	64 295	49,4	4,6	12,4	1,9	
III. Бывшие государ- ственные из поме- щичьих ³	14	87	551	0,5	751	0,6	4	9,1	1,4	
Итого в Данковском уезде	313	15 251	98 224	100	130 082	100	3,3	8,9	1,4	

¹ Безземельные дворы сюда не включаются.² Сюда отнесены крестьяне, владеющие землей частью на общинном, частью на четвертном праве.³ Эта группа крестьян образовалась из крепостных, принадлежавших мелким помещикам. Этот немногочисленный разряд крестьян в 1861 г. поступил в крепостную зависимость от государства или в так наз. государственных крестьян. В 1866 г. он получил наделы освобожденных государственных крестьян. Таким образом, по своему историческому происхождению эта группа должна быть причислена к бывшим помещичьим крестьянам, тогда как по праву владения члены ее были наследственными арендаторами, подобно остальным государственным крестьянам. Теперь они также пользуются правом выкупать свою землю в собственность.

Обложение крестьянства

Разряды крестьян и права владения землей	Рябенбургский уезд						Данковский уезд						
	земли в десятинах		скота	податей в рублях			земли в десятинах		скота	податей в рублях			
	на 1 душу мужск. пола по рев. 1858 г.	на 1 двор	на 1 дес.	на 1 душу мужск. пола по рев. 1858 г.	на 1 работни-ка мужского пола		на 1 душу мужск. пола по рев. 1858 г.	на 1 двор	на 1 дес.	на 1 душу мужск. пола по рев. 1858 г.	на 1 работ-ника мужск. пола		
I. Бывш. помещичьи:													
1. Временно обязанные	2,4	6,2	2,7	5,2	11,9	19,9	2,6	6,9	2,7	5,1	12,6	21,9	
2. Состоящие на выкупе	2,4	6,1	2,5	4,5	10,8	17,9	2,5	7,0	2,5	4,3	11,1	18,7	
3. Дарственники	0,5	1,9	1,8	6,8	3,6	6,2	0,8	2,7	1,6	4,6	4,0	8,1	
4. Полные собственники	5,3	16,1	4,2	0,8	4,6	5,1	4,8	14,1	4,3	1,1	5,8	8,9	
II. Бывш. государств. из помещичьих . . .	2,3	6,5	2,4	3,1	7,0	14,2	4,0	9,1	3,0	2,5	7,9	15,8	
У бывш. помещичьих	2,4	6,1	2,6	4,6	11,0	18,2	2,7	6,8	2,5	4,4	11,2	19,1	
III. Бывш. государственные:													
1. С общинным землевладением	4,1	11,1	2,9	2,4	10,1	16,2	4,1	10,4	2,6	2,2	9,4	15,6	
2. С четвертным землевладением	6,7	15,0	4,0	1,9	13,2	18,0	5,4	15,9	3,3	1,9	10,8	18,1	
3. С душево-четвертным	4,5	12,4	3,1	2,4	11,1	18,6	5,1	12,9	2,9	2,6	10,5	17,9	
У бывш. государственных	4,3	11,5	3,0	2,4	10,4	16,7	4,6	12,4	2,9	2,6	10	16,7	

Недоимки

Степень задолженности	Бывш. помещичьи крестьяне						Бывш. государственные крестьяне					
	общин	дворов		недоимок (в руб-лях)			общин	дворов		недоимок (в руб-лях)		
		число	проц.	сумма	проц.	на 1 двор		число	проц.	сумма	проц.	на 1 двор
<i>Данковский уезд</i>												
Без недоимок	175	6 107	61,2	—	—	—	17	2 125	40,4	—	—	—
С недоимкой:												
Не превышающей позем. подати	88	3 541	35,4	6 602	53,4	1,9	21	3 119	59,3	4 668	94,7	1,5
Не превышающей годового оклада	8	162	1,6	2 432	19,7	15,0	1	18	0,3	263	5,3	14,6
От 1 до 2 годовых окладов	3	179	1,8	3 322	26,9	18,6	—	—	—	—	—	—
Итого	99	3 882	38,8	12 356	100	—	22	3 137	59,6	4 931	100	—
Всего в уезде	274	9 989	100	—	—	—	39	5 262	100	—	—	—
<i>Рябенбургский уезд</i>												
Без недоимок	41	1 254	9,6	—	—	—	6	169	2,1	—	—	—
С недоимкой:												
Не превышающей позем. подати	138	6 776	52,1	52 891	30,1	7,8	34	5 063	64,3	33 869	47,9	6,7
Не превышающей годового оклада	76	3 529	27,1	70 814	40,3	20,1	13	2 644	33,6	36 857	52,1	13,9
От 1 до 2 годовых окладов	29	1 367	10,6	47 392	26,9	34,7	—	—	—	—	—	—
От 2 до 3 годовых окладов	3	73	0,6	4 768	2,7	65,3	—	—	—	—	—	—
Итого	246	11 745	90,4	175 865	100	—	47	7 107	97,9	70 726	100	—
Всего в уезде	287	12 999	100	—	—	—	53	7 876	100	—	—	—

Распределение арендуемой земли
а) *Классификация по владению землей*

Таблица IV

Дворы	Коротоянский уезд			Нижнедевицкий уезд			В том числе	
	арендаторов (проц.)	арендуемая земля		арендаторов (проц.)	арендуемая земля		арен- дуется за денежную плату (в проц.)	арен- дуется за долю урожая (в проц.)
		проценты	на 1 аренда- тора (деся- тин)		проценты	на 1 аренда- тора (деся- тин)		
Безземельные	0,2	0,3	5,4	0,3	0,3	3,4	0,3	0,2
Имеющие менее 5 десятин	13,2	8,9	2,8	19,1	14,6	3,0	11,6	12,8
» от 5 до 15 десятин	49,0	38,9	3,3	49,7	41,7	3,3	39,8	50,0
» » 15 » 25 »	26,1	27,5	4,5	22,0	24,6	4,4	26,1	26,4
» более 25 десятин	11,5	24,4	9,0	8,9	18,8	8,2	22,2	10,6
	100	100	4,2	100	100	3,9	100	100

б) *Классификация по владению скотом*

Дворы	Нижнедевицкий уезд				Коротоянский уезд				В том числе	
	аренда- торов (проц.)	арендуе- мая зем- ля (проц.)	процент арендаторов в каждом раз- ряде крестья- н	десятин на 1 арен- датора	аренда- торов (проц.)	арендуе- мая земля (проц.)	процент арендаторов в каждом раз- ряде крестья- н	десятин на 1 арен- датора	арен- дуется за денежную плату (проц.)	арен- дуется за долю уро- жая (проц.)
Безлошадные	3,5	1,9	11,5	2,1	1,1	0,4	3,5	1,3	1,1	0,6
С 1 лошадыю	28,4	16,5	37,9	2,3	21,4	10,6	28,8	2,1	13,3	16,4
С 2—3 лошадыми	54,1	46,7	49,6	3,4	63,0	50,3	54,9	3,4	48,0	59,5
С 4 и более лошадыми	14,0	34,9	78,5	9,7	14,5	38,7	81,6	11,3	37,6	23,5
	100	100	43,0	3,9	100	100	41,9	4,2	100	100

БЮДЖЕТЫ ТИПИЧНЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ

(«Сборник статистических сведений по Борисоглебскому уезду, Тамбовской губ». Приложение I, стр. 28—32, 88—97)¹.

I. Гаврило Михеев Трупов, дер. Сукманка, Сукманской волости.

Семья—одна из обладающих средним достатком, с успехом ведет свое хозяйство. Данные относятся к 1879 г., когда урожай был хороший—сам-10.

Члены семьи

1. Отец, 60 лет, исполняет всякую сельскохозяйственную работу.
2. Его жена, тоже 60 лет, заведует домашним хозяйством.
3. Их сын, 27 лет.
4. Их сноха, 26 лет, и
- 5—7. Трое детей сына и снохи, в возрасте от 3 до 8 лет.

Опись имущества семьи

1. Деревянный дом, крытый соломою, с хозяйственными пристройками.
2. 15 десятин земли.
3. Скота: 4 лошади, 1 корова, 1 теленок.

Доход в рублях

	Цена	В натуре	В деньгах	Всего
Рожь, 40 четвертей	4	90	70	160
Овес, 60 »	2	40	80	120
Просо, 5 »	5	25	—	25
Картофель, 40 мер	0,15	6	—	6
Льняное семя, 5 четвертей	10	—	50	50
Лён и конопля, в волокне	—	30	—	30
Конопляное семя 2½ четверти	8	20	—	20
Сено, 100 пудов	0,10	10	—	10
Солома	—	40	—	40
Два золотых поросенка	5	10	—	10
Теленок	20	20	—	20
Продано: утки	—	—	4	—
3 гуся	1	—	3	—
1 жеребенок	23	—	23	30
Сено (180 пуд.) с арендованного луга (3 дес.)	0,10	18	—	18
Сторонние заработки	—	—	52	52
Всего	—	309	282	591

¹ Материал, взятый из «Сборника», обработан применительно к задачам нашего исследования.

Расход в рублях

	Цена	В натуре	В деньгах	Всего
I. Производительное потребление:				
1. Корм для скота	—	28	—	—
Сено	—	40	—	—
Овес	—	40	—	—
Солома	—	—	—	—
2. Плата общинному пастуху .	—	—	3,00	—
3. Починка инвентаря	—	—	30,00	—
Итого	—	108	33,00	141,00
II. Личное потребление:				
1. Продовольствие:				
Ржаная мука, 15 пудов в месяц	0,50	90	—	—
Соль, 4½ пуда в год	0,70	—	3,15	—
Конопляное масло	—	20	—	—
Пшеничная мука	—	—	12,00	—
Крупа	—	25	—	—
Картофель	—	6	—	—
Мясо и сало:				
а) по праздникам	—	—	5,60	—
б) по будням	—	30	—	—
Соленая рыба и селедка	—	—	5,00	—
Водка, 4 ведра	—	—	16,00	—
Итого	—	171	41,75	212,75
2. Обувь:				
Пара сапог на каждого члена семьи	—	—	13,00	—
Валенки	—	—	3,00	—
Итого	—	—	16,00	16,00
3. Одежда:				
По одной шубе отцу и сыну, на 5 лет	10,00	—	4,00	—
По одному кафтану для каждого, на 2 года	5,00	—	5,00	—
По кушаку для каждого, на 10 лет	0,16	—	0,80	—
По шапке для каждого, на 5 лет	2,00	—	10,00	—
По праздничному кафтану, на 3 года	6,00	—	4,00	—
Армяк для сына, на 2 года	5,00	—	2,50	—
Одежда для двух женщин	—	—	16,00	—

	Цена	В натуре	В деньгах	Всего
Одежда для детей	—	—	10,00	—
Белье из собственного льна	—	30	—	—
Итого	—	30	42,46	72,46
4. Разные расходы:				
Сальные свечи	—	—	1,60	—
Керосин	—	—	2,40	—
Церковные требы	—	—	5,50	—
Мыло	—	—	1,50	—
Деготь	—	—	2,50	—
За помол (ржи и пр.)	—	—	10,00	—
Непредвиденные расходы	—	—	10,00	—
Итого	—	—	33,50	33,50
III. Подати	—	—	37,50	37,50
Всего обыкновен- ных расходов	—	309	204,21	513,21
IV. Арендная плата за 3 дес. луга	5,00	—	15,00	15,00
Всего расходов	—	309	219,21	528,21

БАЛАНС

1. Чистый доход от домашнего хозяйства и с наделной земли	7 р. 79 к.
2. Чистый доход с арендованной земли	3 » — »
3. Доход от разных заработков	52 » — »

Общий итог . . . . . 591 р. — к.

II. Кузьма Абрамов, дер. Михайловка, Николакабаньевской волости.
Семья принадлежит к числу «сильных» в экономическом отношении.

Ч л е н ы

3 работника мужского пола
3 работницы
3 детей
1 старик

Итого . . . 10 человек

Имущество

1. Дом (с пристройками).
2. Земля, 3 десятины.
3. Скот: 5 лошадей, 1 корова, 2 теленка, 11 овец, 7 ягнят, 2 свиньи.

Кузьма Абрамов

Доход	Руб. и коп.	Руб. и коп.	Расход	В натуре (руб. и коп.)	В деньгах (руб. и коп.)	Всего (руб. и коп.)
I. Хозяйство на наделной земле	181.—	—	I. Производительное потребление	154.—	127.—	281.—
II. Домашнее производство для собственного потребления . . .	177.80	—	II. Личное потребление:			
Всего	358.80	358.80	Продовольствие	255.—	137.05	392.05
Покрытие дефицита	—	660.45	Одежда	170.—	60.—	230.—
Итого	—	1 019.25	Обувь	7.80	51.50	59.30
III. Хозяйство на арендованной земле:			Разные вещи	—	40.90	40.90
Валовой доход	640.—	—	Итого	432.80	289.45	722.25
Аренда	—	282.—	III. Подати	—	16.—	16.—
Чистый доход	—	358.—	Всего обыкновенных расходов	586.80	432.45	1 019.25
Всего	—	640.—	IV. Арендная плата за 20 десятин земли	—	282.—	282.—
IV. Зарботки:			Общий итог	586.80	714.45	1 301.25
Сельскохозяйственная наемная работа, портняжество, торговля и пр.	245.—	—				
Всего дохода	1 243.80	1 243.80				
Баланс (дефицит)	—	57.45				
Общий итог	—	1 301.25				

III. Капитон Попов, дер. Павловка, Павлодаровской волости.

Семья принадлежит к числу «слабосильных».

Члены: Отец, мать, сын, сноха, девушка 16 л., девушка 13 л., двое малолетних мальчиков.

Имущество: Дом, $1\frac{1}{3}$ дес. земли, скот: 1 лошадь, 1 корова, 3 овцы.

Капитон Попов

Годовой доход	Руб. и коп.	Годовой расход	Руб. и коп.
От домашнего хозяйства и с наделной земли	27.80	I. Аренда	57.—
С арендованной земли	74.—	II. Подати	8.—
От работы по найму	74.80	III. Продовольственные:	
		Мясо в насху, 11 ф. по 9 коп.	— .99
		» » петров день, 10 ф. по 8 коп.	— .80
		» » рожд. по 5 к. (собств.)	1.75
Всего	176.60	Всего на мясо	3.54
Баланс (дефицит)	65.20	5 цыплит и 50 яиц	1.05
		18 ф. очень плохой соленой рыбы на маслянице, по $\frac{1}{4}$ коп.	— .72
Общий итог	241.80	Ржаной хлеб, капуста, картофель, соль, масло, крупа, овощи, яблоки для детей	106.61
		Всего на пищу	111.92
		IV. Одежда	23.10
		V. Обувь	27.—
		VI. Разные расходы	15.78
		Итого	241.80

Заработная плата, получаемая крестьянами от промышленных занятий. («Сборник статистических сведений по Рязанской губ.». Приложения, 1882 г.)

А. Местные промыслы

№	Отрасли труда	Время года	Харчи	Заработная плата, в рублях								№	
				в день		в неделю		в месяц		в срок			в год
				от	до	от	до	от	до	от	до		
1	Кирпичники	Весну и лето	На своих харчах	0,50	1,00	—	—	—	—	50,00	80,00	—	1
2	Угольщики			0,50	0,70	—	—	—	—	40,00	—	—	2
3	Корчевщики пней			—	—	—	—	7,00	12,00	—	—	—	3
4	Землекопы			0,60	0,70	—	—	8,00	10,00	40,00	50,00	—	4
5	Каменщики			—	—	—	—	7,00	12,00	40,00	80,00	—	5
6	Горшечники			—	—	—	—	—	—	45,00	—	—	6
7	Каменоломщики:												
	1. Независимые ремесленники			—	—	—	—	75,00	100,00	—	—	} 7	
	2. Работающие на подрядчиков			—	—	—	—	35,00	60,00	—	—		
8	Плогники	Круглый год	На хозяйских	—	—	—	—	—	—	—	100,00	8	
			На своих	—	—	—	—	7,00	13,00	—	—	9	
9	Работники на водяных мельницах	Зиму	—	—	—	—	—	5,00	—	—	—	—	
		Весну и лето		—	—	—	—	8,00	15,00	—	—	—	

№	Отрасли труда	Время года	Харчи	Заработная плата в рублях									№	
				в день		в неделю		в месяц		в срок		в год		
				от	до	от	до	от	до	от	до			
10	Шерстобиты	Осень	На хозяйских	0,40	0,60	—	—	—	—	—	—	—	10	
11	Скорняки			0,40	0,60	—	—	—	—	—	—	—	11	
12	Портные			—	—	1,50	2,50	—	—	—	—	—	12	
	Ученики			—	—	0,50	—	—	—	—	—	—	13	
13	Пильщики	Зиму	На хозяйских	—	—	1,00	—	—	—	—	—	—	13	
				0,50	0,70	—	—	—	—	—	—	—		
14	Углекопы			0,30	0,50	—	—	—	—	—	—	—	14	
15	Рабочие на винокуренных заводах .			0,25	—	—	—	5,00	9,00	—	—	—	15	
16	» » сахарных заводах	—	—	—	—	6,00	8,00	—	—	—	16			
17	Железнодорожные рабочие:	Лето	Круглый год										17	
	1. Мужчины			0,30	0,45	—	—	—	—	—	—	—		
	2. Женщины			0,70	1,00	—	—	—	—	—	—	—		
				—	—	—	—	9,00	12,00	—	—	—		
18	Рабочие на паровых мельницах . .	Круглый год		0,20	0,40	—	—	—	—	—	—	—	18	
19	Носильщики			0,40	0,50	—	—	—	—	—	—	—	19	
20	Поденщики (в городах)			0,60	1,00	—	—	—	—	—	—	—	20	
				0,30	0,40	—	—	—	—	—	—	—		
	В среднем, полные рабочие, мужского пола	С харчами	Без харчей	0,40	0,60	1,00	2,50	—	—	55,00	70,00	100,00		
				0,25	1,00	—	—	5,00	15,00	35,00	00,00	—		

Б. Отхожие промыслы

№	Отрасли труда	Губернии	Время года	Заработная плата (в рублях)										№	
				в месяц				в срок				в год			
				с харчами		без харчей		с харчами		без харчей		с харчами			
				от	до	от	до	от	до	от	до	от	до		
1	Землекопы	Московск.	Весной и летом	—	—	—	—	—	—	60	75	—	—	1	
2	Рабочие в каменоломн.	Москов. и Орлов.		—	—	—	—	40	50	—	—	—	—	2	
3	Кирпичники			—	—	—	—	40	50	—	—	—	—	3	
4	Рабочие в торфян. ямах: С мая по июль . . . . . С мая по август	Москов. и Владимир.		—	—	—	—	30	50	—	—	—	—	4	
5	Железнодорожные рабочие		Зимой	—	—	14	20	—	—	—	—	—	5		
6	Ломовики			6	9	—	—	—	—	—	—	—		—	6
7	Извозчики	Московская	Круглый год	7	12	15	18	—	—	—	—	90	150	7	
8	Дворники			—	—	15	18	—	—	—	—	—	—	—	8
9	Швейцары, слуги и т. д.			—	—	—	—	—	—	—	—	—	75	100	9
10	Рабочие на мельницах	Москов. и Пгуб.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50	70	10	
11	Фабричные рабочие		—	—	10	18	—	—	—	—	—	—	—	11	
	В Моск. губ. и соседн.			6	12	10	18	30	70	60	75	50	150	—	

Средний урожай пшеницы

(Воронежский уезд)

Имена свыше 50 десятин	Период времени (годы), в какой производились опыты	Десятин под пшеницей	Четвертей с десятины	
			удобряемая земля	неудобряемая земля
Серия I				
№ 81	19	300	8,4	5,6
№ 197	5	30	8	—
№ 32	10	51	?	6,3
№ 103	9	113	—	5,2
№ 81	6	110	—	5,2
№ 189	7	90	—	4,7
№ 192	7	103	—	4
В среднем для 7 именний				
	12	797	—	—
Серия II				
13 именний	—	596	7,9	—
5 »	—	86,5	—	5,4
	—	682,5		

Примечание. Серия I включает в себе данные о результатах многолетнего опыта в нескольких хозяйствах. К серии II отнесены, с одной стороны, только имена, в которых засеваемая пшеницей площадь совпадает с площадью удобряемой, чем подтверждается вывод, что поля удобряются именно для пшеничных посевов; с другой стороны, такие имена, в которых удобрение не практикуется вовсе. Серия II, равно как и громадное большинство средних хлебных сборов, которые могли быть приведены в известность при земской переписи, отличается от серии I тем, что данные ее не приурочены к определенным периодам наблюдения. Незначительность разницы между средними цифрами, или, вернее, их идентичность, служит ручательством, что все средние цифры соответствуют действительности, хотя период наблюдений и не установлен.

**Годовая плата сельскохозяйственным рабочим за десятилетие
1881—1891 г. ¹**

Губернии	Годовому рабоч.		Летнему рабоч.	
	средняя годовая плата	преобладающие ко-лебан.	средняя годовая плата	преобладающие ко-лебан.
	в рублях		в рублях	
<i>Южные степные:</i>				
Бессарабская	85	60—100	53	45—75
Херсонская	80	60—80	53	40—60
Екатеринославская	84	50—120	54,50	35—75
Таврическая	104	80—120	54	40—60
Донская область	90	60—120	60	40—95
По району	88,60	50—120	54,90	35—95
<i>Средние черноземные:</i>				
Воронежская	57	40—80	38	30—50
Харьковская	63	40—80	46,50	30—56
Полтавская	60	40—75	45	30—50
По району	60	40—80	43,17	30—56
<i>Юго-западные:</i>				
Киевская	51	30—90	41	30—50
Подольская	44	30—60	34	26—45
Воынская	30	20—50	—	—
По району	41,67	20—90	37,50	26—50
<i>Северные черноземные:</i>				
Черниговская	50	35—60	38	25—45
Орловская	49	40—60	33	25—40
Курская	55,50	40—70	39	25—55
Тульская	51	36—70	35	20—45
Рязанская	51	40—60	34,50	25—40

¹ По данным департамента земледелия и сельской промышленности («Сельскохоз. и статист. свед.», вып. V). Таблицы VIII и IX мы перепечатаваем из статьи С. Ф. Руднева, Промыслы крестьян в Европейской России («Сборник Саратовского Земства», 1894 г., № 6 и 11; изданы отдельной брошюрой).

Губернии	Годовому рабоч.		Летнему рабоч.	
	средняя годовая плата	преоб- ладаю- щие ко- лебан.	средняя годовая плата	преоб- ладаю- щие ко- лебан.
	в рублях		в рублях	
Тамбовская	54	40—70	41	30—50
Пензенская	52	40—60	37	30—45
По району	51,79	35—70	36,79	20—55
<i>Восточные и юго-восточные:</i>				
Казанская	48	35—60	30	25—36
Симбирская	56	40—70	40	30—50
Саратовская	66	50—90	46	30—60
Самарская	65	50—90	45	25—64
Уфимская	50	36—60	30	20—40
Оренбургская	54	35—80	38	20—80
Астраханская	87	60—120	—	—
По району	60,86	35—120	38,16	20—80
По черноземной полосе	61,46	20—120	41,93	20—95
<i>Промышленные:</i>				
Московская	75	60—90	45	40—60
Тверская	52 ¹	40—60	40	30—50
"	70	50—85	47	35—60
Смоленская	46	36—60	31	25—40
Калужская	57	40—70	40	30—50
Владимирская	75	60—90	45	35—60
Ярославская	75	60—90	52	40—80
По району	64	36—90	42,86	25—60
<i>Западные:</i>				
Ковенская	43	36—50	—	—
Виленская	45	40—50	32	25—35
Гродненская	37	25—50	—	30—40
Витебская	50	40—60	40	35—50

¹ Вышневолоцкий и Осташковский уезды.

Губернии	Годовому рабоч.		Летнему рабоч.	
	средняя годовая плата	преобладающие ко-лебан.	средняя годовая плата	преобладающие ко-лебан.
	в рублях		в рублях	
Минская	45	40—60	30	24—48
Могилевская	47	40—60	29	24—36
По району	44	25—60	32 _{,75}	24—50
<i>Прибалтийские:</i>				
Лифляндская	80	70—90	55	45—65
Курляндская	90	75—110	55	40—65
Эстляндская	75	60—90	50	40—60
По району	82	60—110	53 _{,33}	40—65
<i>Северо-западные:</i>				
Псковская	58	50—75	45	35—50
С.-Петербургская	72	60—110	55	40—75
	102 ²	72—120	68	60—90
Новгородская	75	60—100	50	40—65
По району	77	50—120	53 _{,25}	35—90
<i>Средневолжские:</i>				
Костромская	75	60—90	48	30—60
Нижегородская	57	45—80	38	30—50
Вятская	50	40—60	—	—
Пермская	50	40—60	32	30—40
По району	58	40—90	39 _{,33}	30—60
<i>Северные:</i>				
Архангельская	55	40—70	45	28—60
Вологодская	60	50—75	45	35—55
Олонецкая	75	50—90	50	35—70
По району	63	40—90	46 _{,66}	28—70
По нечерноземной полосе	62 _{,63}	25—120	44 _{,25}	24—90
По России	61 _{,29}	20—120	43 _{,14}	20—95

² С.-Петербургский, Царскосельский и Петергофский уезды.

Поденная плата пешему рабочему (в копейках) за десятилетие
1881—1891 гг.

Губернии	На харчах рабочего							На хоз. харчах		
	во время весеннего посева		во время сенокоса		во время уборки хлеба		крайние колебания за все 10 л. в отдельных случаях	средняя за 10 л.		
	средняя	колебания по годам	средняя	колебания по годам	средняя	колебания по годам		во время весеннего сева	во время сенокоса	во время уборки хлеба
<i>Южные степные</i>										
Таврическая	53	50—60	102	95—110	120	80—275	20—500	37	66	91
Херсонская	37	35—70	58	45— 90	104	65—250	20—500	27	47	99
Донская область	—	35—70	—	30—150	—	75—230	15—400	36	61	86
Екатеринославская	38	35—60	65	50— 90	102	60—280	25—500	28	50	87
Бессарабская	54	35—70	85	45— 85	81	70—120	20—300	40	64	65
По району	45	38—66	77	53—105	102	70—231	15—500	33	57	85
<i>Средние черноземные</i>										
Харьковская	37	30—40	55	50— 65	72	55—125	20—300	27	42	59
Воронежская	36	30—40	57	50— 70	63	45— 95	25—200	27	47	52
Полтавская	32	30—35	48	45— 50	61	50— 90	20—250	25	38	48
По району	35	30—38	53	48— 62	65	50—105	20—300	26	42	53
<i>Северные черноземные</i>										
Рязанская	38	35—40	56	50— 60	63	45— 70	15—180	28	40	49
Курская	35	30—40	52	45— 60	62	55— 80	15—200	27	40	49
Тульская	37	30—40	54	50— 60	59	50— 70	15—150	28	44	44
Черниговская	36	30—40	61	55— 75	53	45— 60	15—125	26	41	40
Орловская	33	30—40	46	45— 50	51	45— 65	15—200	24	35	39
Тамбовская	33	30—37	50	45— 55	51	55— 60	10—100	24	38	41
Пензенская	32	30—35	50	45— 55	50	40— 60	15—120	24	40	38
По району	35	30—39	52	48— 59	55	48— 75	10—200	26	39	43

Губернии	На харчах рабочего							На хоз. харчах		
	во время весеннего посева		во время сенокоса		во время уборки хлеба		крайние колебания за все 10 л. в отдельных случаях	средняя за 10 л.		
	средняя	колебания по годам	средняя	колебания по годам	средняя	колебания по годам		во время весеннего сева	во время сенокоса	во время уборки хлеба
<i>Восточные и юго-восточные</i>										
Самарская	41	35—45	60	50—70	75	50—95	15—250	35	51	63
Саратовская	43	35—50	58	50—75	72	50—110	15—300	32	49	59
Симбирская	39	35—40	57	50—65	62	40—75	20—200	28	45	49
Уфимская	38	30—40	53	40—60	64	35—60	20—100	29	40	43
Казанская	37	35—40	53	50—60	50	40—60	20—100	29	41	37
По району	39	35—43	56	48—66	64	43—80	15—300	30	45	51
<i>Юго-западные</i>										
Подольская	33	27—35	50	40—65	61	50—75	20—150	26	33	50
Киевская	33	25—35	52	45—65	57	45—70	15—300	26	40	45
Волынская	32	30—35	46	40—50	48	45—50	15—100	22	—	40
По району	33	27—35	49	42—60	55	47—65	15—300	25	36	45
<i>Западные</i>										
Ковенская	47	45—50	56	50—60	57	50—65	20—120	31	38	42
Виленская	39	35—40	48	45—50	44	40—45	20—100	27	37	35
Гродненская	29	25—30	42	38—50	42	35—50	12—80	—	—	40
Витебская	44	40—50	55	50—60	54	50—60	20—100	34	41	41
Минская	32	30—35	47	45—50	49	45—50	15—100	24	36	39
Могилевская	37	35—40	55	50—65	50	45—55	20—100	29	47	40
По району	36	37—41	50	46—56	49	44—54	12—120	29	38	40
<i>Прибалтийские</i>										
Лифляндская	60	55—65	66	65—70	64	60—70	25—200	43	47	48
Курляндская	64	60—70	74	70—80	69	65—70	35—160	45	56	50
Эстляндская	52	55—75	65	60—80	62	58—70	35—120	35	—	—
По району	58	58—67	70	65—77	65	61—70	25—200	41	51	49

Губернии	На харчах рабочего						На хоз. харчах			
	во время весеннего посева		во время сенокоса		во время уборки хлеба		средняя за 10 л.			
	средняя	колебания по годам	средняя	колебания по годам	средняя	колебания по годам	во время весеннего сева	во время сенокоса	во время уборки хлеба	
<i>Северо-западные</i>										
С.-Петербургская . . .	58	55—65	81	75—95	68	55—80	30—150	40	65	53
Псковская	46	40—55	63	55—70	57	55—65	30—140	34	48	46
Новгородская	49	45—55	68	65—70	60	50—70	25—150	35	53	44
По району . . .	51	50—58	70	65—78	62	53—72	25—150	36	55	47
<i>Северные</i>										
Вологодская	52	45—55	63	60—65	54	50—55	30—140	40	48	41
Олонецкая	58	40—60	76	70—85	69	60—80	20—150	38	52	48
По району . . .	55	42—57	69	65—75	61	55—67	20—150	39	50	45
<i>Промышленные</i>										
Московская	48	45—50	65	60—70	64	60—70	25—180	36	53	50
Тверская	47	40—55	60	55—70	55	50—65	20—125	36	45	46
Владимирская	50	45—55	77	65—90	64	55—75	20—150	37	62	48
Ярославская	61	55—70	67	60—75	67	60—70	30—150	47	52	51
Смоленская	43	40—45	61	55—70	56	55—90	25—150	32	47	43
Калужская	40	35—45	63	60—70	62	55—70	20—200	29	51	50
По району . . .	48	43—53	65	59—74	61	56—68	20—200	36	52	46
<i>Средневолж. и Заволж.</i>										
Костромская	48	40—60	56	50—65	51	44—55	20—175	42	45	41
Нижегородская	41	35—45	62	55—70	57	55—60	20—150	30	46	43
Пермская	49	45—55	52	50—55	53	50—55	15—100	35	42	40
Вятская	36	30—40	47	40—55	45	40—55	15—100	27	34	34
По району . . .	43	37—50	54	49—61	51	47—56	15—175	33	42	39
<i>По Европейской России</i>	42	25—70	59	30—150	62	35—280	10—500	31	46	49

**Хронологические колебания мужской поденной платы за десятилетие
1882—1891 гг.¹**

В период яровых посевов			В период уборки хлебов		
Годы	Черноземные губернии	Нечерноземные губернии	Годы	Черноземные губернии	Нечерноземные губернии
1882	30,40 коп.	37,38 коп.	1882	58,04 коп.	47,29 коп.
1883	29,55 »	37,28 »	1883	67,61 »	45,52 »
1884	31,00 »	37,62 »	1884	65,22 »	45,40 »
1885	30,25 »	35,48 »	1885	47,70 »	40,15 »
1886	25,52 »	33,21 »	1886	49,13 »	43,36 »
1887	27,04 »	33,82 »	1887	49,34 »	45,00 »
1888	28,47 »	35,09 »	1888	77,39 »	44,37 »
1889	28,83 »	36,80 »	1889	46,74 »	44,32 »
1890	27,21 »	36,67 »	1890	50,39 »	44,60 »
1891	24,08 »	34,42 »	1891	42,48 »	42,60 »

Таблица X

**Годовая заработная плата мужчин
(в рублях)**

(По сведениям фабричных инспекторов)²

Отрасли промышленности	Максимум	Минимум ³	Средняя
I. Бумагопрядильное производство . . .	220.—	112.32	157.83
II. Бумаготкацкое производство	253.44	127.90	174.98
III. Бумагопрядильное и ткацкое производства	201.50	120.90	152.88
IV. Красильное, отбельное, аппретурное и набивное производство	241.92	156.—	192.—
V. Ситцевое, платочное-набивное и бумагокрасильное производства	—	—	180.—
VI. Тесемочное, басонное, кружевное производства и вышиванье бумажных изделий	273.—	160.—	171.60
VII. Тюлевое производство	—	—	235.30
VIII. Шерстопрядильное и шерстоткацкое производства	239.—	152.64	190.56
IX. Прядильное производство вигоневой шерсти	218.88	106.56	139.18
X. Прядильное производство камвольной шерсти	178.56	129.60	156.71
XI. Прядильное производство искусственной шерсти	200.—	89.24	173.85
XII. Шерстоткацкое механическое и ручное производства	279.36	135.36	214.71
XIII. Шерстопрядильное, шерстоткацкое и аппретурное производства	225.60	133.40	197.02
XIV. Суконное производство	240.70	124.47	174.50
XV. Суконноотделочное производство	—	—	134.70

¹ А. Фортунатов, Сельскохозяйственная статистика Европейской России, М. 1893 г., стр. 140.

² Таблицы X и XI по данным сборника «Фабрично-заводская промышленность и торговля России», издание департамента торговли и мануфактур (к всемирной Колумбийской выставке), Спб. 1893 г., отд. II, стр. 288 и сл.

³ Минимальную плату получают обыкновенно рабочие-новички, женщины и малолетние.

Отрасли промышленности		Макси- мум	Мини- мум	Сред- няя
XVI.	Шерстоткацкое, набивное и красильное производства	174.50	164.50	169.—
XVII.	Производства красильное и аппретурное шерстяных изделий, сукна и трико	218.88	138.28	174.85
XVIII.	Шляпное производство	245.09	156.—	206.—
XIX.	Шелюткацкое производство	256.—	141.70	207.10
XX.	Шелкокружевное производство	436.08	—	436.08
XXI.	Бархатное производство	211.10	—	211.10
XXII.	Льнопрядильное и льночесальное производства	155.40	111.76	116.35
XXIII.	Льнопрядильное и льноткацкое производства	128.10	112.15	124.31
XXIV.	Льнопрядильное, льноткацкое и полотнянобелильное производства	138.17	119.50	128.46
XXV.	Льноткацкое производство	145.—	—	145.—
XXVI.	Полотнянобелильчье производство	185.36	—	185.36
XXVII.	Производство мешочного полотна	144.97	—	144.97
XXVIII.	Производство джутовых изделий	193.26	132.48	166.89
XXIX.	Производство резиновых изделий	402.20	257.65	260.71
XXX.	Писчебумажное производство	234.—	137.10	175.60
XXXI.	Производства картонное и кровельного толя	251.—	166.—	216.08
XXXII.	Обойное производство	250.—	157.—	209.37
XXXIII.	Лесопильное производство	290.—	109.44	237.17
XXXIV.	Производство гнутой венской мебели	250.—	138.24	176.60
XXXV.	Чугунолитейное и механическое производства	604.—	180.60	321.74
XXXVI.	Сталелитейное производство	524.28	—	524.28
XXXVII.	Машиностроительное и вагонное производства	393.45	253.80	300.84
XXXVIII.	Машиностроительное, судостроительное и железопрокатное производства	462.05	297.50	337.91
XXXIX.	Трубо- и меднопрокатное и литейное производства	329.09	—	329.90
XL.	Телеграфостроительное производство (изготовление приборов по электротехнике)	522.—	507.—	517.14
XLI.	Производства проволочное и подковных гвоздей	354.05	275.—	325.36
XLII.	Производства винтоделательное и металлических изделий	322.—	205.—	287.06
XLIII.	Производства художественно-слесарное, бронзовых и медных изделий	365.—	315.25	322.30
XLIV.	Производство мельхиоровых изделий	374.—	296.10	346.18
XLV.	Производство физических инструментов	570.40	311.77	477.30
XLVI.	Производство десятичных весов	475.—	312.—	419.—
XLVII.	Производство литографских и скоропечатных машин	412.40	—	412.40
XLVIII.	Ламповое производство	405.—	181.20	263.10
XLIX.	Химическое »	350.—	135.36	282.10
L.	Спичечное »	201.52	88.54	121.62
LI.	Красочное »	202.80	—	202.80
LII.	Стеклоплавильное »	363.—	102.11	244.70
LIII.	Цементное »	246.70	164.16	189.24
LIV.	Производство церезина и парафина	211.80	—	211.80
LV.	Фаянсовое производство	191.60	—	191.60
LVI.	Кирпичное »	264.—	121.40	164.90
LVII.	Камнетесное »	430.—	360.—	388.—

Отрасли промышленности		Макси- мум	Мини- мум	Сред- няя
LVIII.	Мукомольное производство	373.30	230.04	305.60
LIX.	Шоколадное »	204.—	148.44	190.60
LX.	Водочное »	434.—	166.—	254.—
LXI.	Цикорное »	202.60	—	202.60
LXII.	Макаронное »	210.83	—	210.83
LXIII.	Пивоваренное и медоваренное производ- ства	300.—	170.—	211.30
LXIV.	Свеклосахарное и сахарорафинадное производства	307.95	115.76	159.60
LXV.	Табачное производство	250.—	117.—	147.10
LXVI.	Кожевенное »	402.—	228.—	328.57
LXVII.	Производство изделий из кожи	500.—	—	500.—
LXVIII.	Механическое производство обуви	292.28	—	292.28
LXIX.	Стеариновое производство	190.60	—	190.60
LXX.	Мыловаренное »	218.—	—	218.—
LXXI.	Альбуминное »	294.60	—	294.60
LXXII.	Щеточное и гребеночное производства	283.40	137.50	195.20
LXXIII.	Костеожигательное производство	245.40	—	245.40
LXXIV.	Типографское производство	388.90	195.65	308.42

Таблица XI

Помесячная плата фабричным рабочим (в рублях)

	Макси- мум	Мини- мум		Макси- мум	Мини- мум
<i>I. Бумагопрядильное производство</i>			Ремизовязальщики	26	9
Сортировщики	19	5,75	Проборщики	23,50	7
Трепальщики	26,40	6,40	Подавальщики	14,50	2,10
Настилальщики	16,50	6,24	Бердовщики	33,40	17,90
Подмаст. чесальной	38	12	Браковщики	34	9,20
Холстовщики	15,50	6,40	Слесаря и токари	42	12,50
Барabanщики	26,40	8,50	Кузнецы	32	14,8
Банкаброшницы	18,75	5,20	Молотобойцы	20	9,15
Ленточницы	16,50	6	Наровщики	75	15,5
Прядильщики	48	13	Кочегары	24	10
Съемщики	16	8,40	<i>III. Бумагопрядильное и ткацкое производ- ства</i>		
Присучальщики	18	8	Подмастерья в ткацком отделении	55	17
Ватерщицы	28,80	5	Подмастерья в пря- дильном отделении	56,4	15
Катушечницы	19,20	6	Ткачи и ткачихи	33,60	7
Подмастер. ватерщ. мольщики	55	20	Прядильщики	42,25	12
Шпунельницы	24	8	Сортировщики	25	5
Машинисты	75	24	Трепальщики	25	5
Паровщики	30	15	Точильщики	21	8,7
Газовщики	26	20	Чесальщики	19	7,2
Слесаря	42	8	Холстовщики	15	5,5
Кузнецы	35	10	Ленточницы	16,90	5,3
Молотобойцы	20	10	Банкаброшницы	19	5,4
Плотники	30	24	Съемщицы	16,7	2
<i>II. Бумаготкацкое производство</i>			Присучальщики	18	8
Ткачи и ткачихи	33,60	4,50	Ставильщики	16,5	5
Подмастерья ткацкого отделения	55	14,50	Ровницы	17,60	5
Сновальщики	24	9,85	Ватерщицы	20	5,25
Катушечницы	20	4,25	Крутильщики	24,15	4,82
Шлихтовальщики	41,30	11,80			

	Максимум	Минимум		Максимум	Минимум
Катушечницы	19,8	4,15	Красильщики	22,5	13,5
Сновальщики	23,90	7,5	Машинисты	55	16
Проборщики	24	4,5	<i>VII. Тюлевое производство</i>		
Шлихтовальщики	41,30	12	Ткачи	65	30
Ремизники	27	7,50	Штопальщицы	22	6,5
Бердовщики	36	8	Отделочницы	17,30	10,2
Браковщики	35	9	Шпильницы	17,30	6,5
Паковщики	24	8	<i>VIII. Шерстопрядильное и шерсточесальное производство</i>		
Слесаря	42	6	Трепальщики	24	10
Кузнецы	37	8	Чесальщики и кардов-		
Молотобойцы	21,6	8	щики	20,20	10
Наровщики	75	12	Чистильщики	26,40	10
Газовщики	27	10	Прядильщики	39	24
Чернорабочие	20	6	Присучальщики	13,2	7,20
<i>IV. Красильное, отбельное, аппретурное и набивное производства</i>			Мотальщики	21,6	10
Белильщики	16,8	13	Помощн. прядильщ.	15,6	12
Красильщики	20,4	12	Упаковщики	25	9,20
Набивщики	24	14	Кузнецы и слесаря	60	32
Ворсвальщики	20,60	20	<i>IX. Прядильное производство вишневого шерсти</i>		
Чернорабочие	12	6,5	Сортировщики	27	7,6
<i>V. Ситцевое, платочное-набивное и бумагокрасильное производства</i>			Кардовщики	20,60	12
Набойщики	33	6,10	Чистильщики	24	16
Рисовальщики	120	4	Прядильщики	29	11
Граверы	80	10,5	Присучальщики	12,5	8
Белильщики	36,5	5,36	Крутильщики	18,70	8
Красильщики	31	5	Мотальщицы	14,50	8,40
Кубовщики	18,5	5	Красильщики	20,60	11
Галандрщики	25	6	Упаковщики	17	9,80
Запарщики	29,3	6	Подручные	5,5	4
Паковщики	22	6,30	<i>X. Прядильное производство камвольной шерсти</i>		
Раклисты	105	12	Сортировщики	35,20	14,40
Крахмальщики	14	6,5	Прядильщики	38,40	28,80
Прессовщики	42	7	Кардовщики	20,20	13,20
Накатчики	35	19,5	Присучальщики	13,20	7,30
Механическое отделение	70	4	Крутильщики	18,20	10,80
Столяры и плотники	40	15	Мотальщики	18	7,20
Лаборантчики	35	6	Подготовщики	19	10,80
<i>VI. Тесемочное, басонное, кружевное и выш. бум. изд. производства</i>			Мойщики	20,40	12
Ткачи	65	13	Ремонтировщики	21,60	16,80
Сновальщики	25	17	Красильщики	20,40	16
Катушечницы	12	6	Упаковщики	21	7,20
Шпильницы	16,5	5	<i>XI. Прядильное производство искусственной шерсти</i>		
Моталки	21	6,5	Сортировщики	11	7
Аппретурщики	18,5	8,70	Чесальщики	19,2	12
Пломбировщицы	6,25	3,75			

	Макси- мум	Мини- мум		Макси- мум	Мини- мум
Мойщики	17,50	9,6	Сновальщики механи- ческие	25	4
Красильщики	19,20	12,5	Сновальщики ручные	39	14
Прядильщики	25	11	Шпуньники	16	2
Кочегары	25	20	Чистильщики	16,8	7
<i>XII. Шерстоткацкое механическое и ручное производства</i>			Размотчики шерсти . . .	12	4,5
Сновальщики	37	10	Присучальщики . . .	16	4
Шпуньники	18	3,65	Аппрет. декатировщи- ки	25	6
Рейгеры	26,4	18	Чистильщики аппара- тов	20	8
Помощи. рейгеров . . .	12	9,60	Трепальщики	20,5	3,60
Сучильщики	36,3	13,2	Настилальщики	16,5	4
Мотальщики	18	5,35	Мюльщики	43	12,5
Щипальщики	16,8	10,4	Сукновалы	26	6,80
Штопальщицы	38,4	11,3	Рамочники	17,5	6,40
Ткачи	35	8,3	Суконщицы	12	4
Шлихтовальщики . . .	21,6	8	Ватерщики	34	5,10
Заправщики основы . .	50	25	Сортировщики	32	12
Упаковщики	21,6	8	Гарусное отделение . .	35	13
Паровщики	66	25	Паровщики	50	16
Столяры и плотники . .	29	15	Кузнецы и слесаря . .	50	10
Кузнецы и молотобой- цы	26	5	<i>XV. Сукноотделоч- ное производство</i>		
<i>XIII. Шерстопрядиль- ное, шерстоткацкое и аппретурное производ- ства</i>			Мытьельщики	13	12
Ткачи механические . .	37	7	Сушильщики	13,5	12,5
Ткачи ручные	32	16	Прессовщики	15	12
Сновальщики	27,90	10	Стригальщики	11	7
Шпуньники	14	5	Начесывальщики . . .	12	10
Чистильщики товара	12	5	Красильщики	15	13,5
Штопальщицы	12	5	Аппретурные декати- ровщики	13,5	12
Размотчики шерсти . . .	7	6	Сукновалы	12,5	11,5
Присучальщики	8	6	Паровщики	25	18
Аппаратчики	32	25	<i>XVI. Шерстоткацкое, нубиное и красильное производства</i>		
Трепальщики	11	8	Ткачи механические . .	37	9
Настилальщики	10	6,5	Ткачи ручные	34	11,8
Мюльщики	48	16	Запарщики	15	11
Сукновалы и суконщ.	20	5	Лабораторщики	15	10
Ватерщики	10	7	Отбельщики	15	10
Паровщики и кочегар- ы	20	14	Мытьельщики	20	10
Слесаря и кузнецы . . .	32	16	Сушильщики	16	8,75
<i>XIV. Суконное произ- водство</i>			Прессовщики	12,5	11,5
Ткачи механические . .	45	13	Стригальщики и на- чесывальщики	30	9
Ткачи ручные	22	10	Красильщики	15,5	10
Мытьельщики	26	9,30	Шлихтовальщики . . .	21	10
Сушильщики	25	5,5	Заправщики основы . .	35	14,13
Прессовщики	40	9,70	Сновальщ. механич. и ручные	30	16,5
Стригальщики	45	4,25	Проборщики и чистиль- щики	24	6,5
Начесывальщики	25	6	Размотчики шерсти . . .	12	7,5
Красильщики	28	10			

	Макси- мум	Мини- мум		Макси- мум	Мини- мум
Навивальщики осно- вы	27,5	8	<i>XX. Шелкокружевное производство</i>		
Присучальщики . . .	27	8	Мастера	85	10
Набойщики платков .	27	19,5	Тюлисты	12,3	108,8
Аппрет. декарировщи- ки	20	11	Красильщики	60	32
Картовязы	16	12	Работники	25	13,4
Паровщики	45	27	Работницы	12,5	9,6
Кочегары	25	10	<i>XXI. Бархатное про- изводство</i>		
Слесаря	36	21	Ткачи ручные	32	12
Кузнецы	35	20	Ткачи механические	24	12
Молотобойцы	15	12	Сновальщицы	16	8
<i>XVII. Производство красильное и аппре- турное шерстяных изделий, сукна и трико</i>			Шпунельницы	12	6
Валяльщики	20,2	13,2	Моталки	12	6
Ворсовальщики	21,4	12	Проборщицы	12	6
Стригальщики	16,8	9,2	Чистильщицы	12	6
Сушилщики	25,2	10,5	<i>XXII. Льнопрядильное и льночесальное произ- водства</i>		
Щипальщики	17,30	9,10	Прядильщики	22,25	7,5
Прессовщики	22,8	12,5	Кардовщики	12	4,5
Красильщики	21,6	11,5	Ленточницы	10,25	4,5
Вальцовщики	10,8	9	Банкаброшницы	10,25	3,5
Мойщики	21,3	12,6	Ватерщицы	12,50	3,5
Унаковщики	17,5	10,8	Присучальщики	12	5
<i>XVIII. Шляпное про- изводство</i>			Крутильщики	15	9,25
Валяльщики	32	20	<i>XXIII. Льнопрядиль- ное и льноткацкое производство</i>		
Гарнировщики	20	12	Шнуровщики	13,7	10,5
Утюжники	20	20	Ватерщики	17,7	7,14
Фасонщики	51,5	17,5	Съемщики	7,2	3,60
Красильщики	21,5	17,5	Крутильщики	12	7,90
<i>XIX. Шелкоткацкое производство</i>			Кардовщики	9,8	6,30
Ткачи механические .	42	10,89	Раскладчицы	13,2	7,20
Ткачи ручные	31,7	16,5	Банкаброшницы	11	9
Шпунельники	10,5	4	Ленточницы	9,12	6,3
Моталки	22,3	5,66	Сушилщики	17,4	14,30
Чистильщики ворса .	14	4,74	Пачечники	20,4	4,90
Сновальщики ручные	18,37	14,34	Мотальщицы	20,7	4,90
Сновальщики механи- ческие	28,7	7,5	Чесальщики	28,7	9,60
Проборщицы	16	5	Ткачи и ткачихи	20,60	7,90
Прессовщики	23	10,2	Шлихтовальщики	27,8	14
Красильщики	19	10,2	Сновальщики	25	20
Присучальщики	34	23	Проборщицы и цевоч- ники	17	4,5
Складовальщики	26	14	<i>XXIV. Льнопрядиль- ное, льноткацкое и полотнянобелильное производство</i>		
Заправщики основы .	26	20	Ватерщики	16,8	7,90
Слесаря	46	18	Крутильщики	11,2	7,90
Паровщики	24	14			

	Максимум	Минимум
Съемщики	8,4	3,6
Катушечники	12	6
Сушильщики	15	11
Кардовщики	13	6,7
На геклях	10,3	8,4
Ленточницы	12	3,6
Банкаброшницы	10,3	7,44
Мотальщики	21	8
Чесальщики	27	6
Ткачи	26	8
Сновальщики	25	12
Разматовальщики	15	6
Цевочники	9	3,5
Белильщики	24	5,5

XXV. Льготкацкое производство

Ткачи	21,16	9,8
Шпульники машин.	16,9	11,80
Шпульники ручные	6,85	3,08
Початочники	7,75	3,25

XXVI. Полотнянобельное производство

Варка спир. сушка пряжи	19,03	14,51
Варка полотна	18,4	15,5
Промывальщ. полотна	21,8	12
При бучении	12,13	10,55
Выстилальщики	19,24	16,10
Сушильщ. и крахм.	22	15,50
Голандровщики	17	8,90
Бительщики (колотильщики)	15,95	6,3
Уборщики	22,2	7,5

XXVII. Производство мешочного полотна

Прядильщики	19,2	8
Шлихтовальщики	22	20
Размотчики	10	8
Отделочники	15,8	13,2
Нвейки	12	10
Слесаря	33	12

XXVIII. Производство джутовых изделий

Прядильщики	21,6	9,60
Присучальщики	19,20	8,80
Сновальщики	13,6	12
Ткачи	26,4	12,5
Ровняльщицы	19,2	12
Катушечницы	15	9,60
Мяльщики	28,8	12
Аппретурщики	16,3	15

	Максимум	Минимум
Машинисты	40	24
Упаковщики	36	7,70

XXIX. Производство резиновых изделий

Ткачи	58	13
Аппретурщики	32	—
Сновальщики	32	17
Мотальщики	17	10,5
Трубочная мастерская	38,4	15,6
Подушечн. и туфельн.	20,4	12
Сушильщики	28,8	15,6
Мазильная мастерск.	19,2	9,80
Отделение ремней	42	18
Хирургич. мастерская	31	9,60
Обшивка калош	12	9,60
Закройная мастерская	38,4	16,8
Лакировщики	40	19,20
Колодчики	26,4	9,60
Мастерск. крепк. рез.	36	9,60
При печях	40	18

XXX. Писчебумажное производство

Сортировщицы тряпья	20	6
» бумаги	13	6
На чистых ролях	30	17
» грязных ролях	20	16
» бумагорезат. машинах	13	9,60
На голандрах	40	12
» белильных ролях	25	12
» бумажн. машинах	40	11,5
Тряпковары	20	13,20
Старшие мастера	75	25
Машинисты	50	18
Кочегары	25	15
Упаковщики	20	8,40

XXXI. Производство картонных и кровельного толя

Сортировщики	12	8
Ролящики	25	16
Тольщики	35	20
Машинисты	35	12
Кочегары	25	20

XXXII. Обойное производство

Набойщики	35	14
Грунтовальщики	25	13
Краскотеры	15,5	10
Катальщики	20	8,5
Лоцильщики	22	12
Съемщики	11	8,5

	Максимум	Минимум		Максимум	Минимум
Машинисты	35	20	Котельщики	67,2	18
Кочегары	20	11	Вагранщики	45,5	25
<i>ХХХIII. Лесопильное производство</i>			Формовщики	86	36
Пилоставы	68	10	Прокатчики	90	17
Подручные	20	7,2	Вальцовщики	112	36
Пилоправы	30	20	Отжигалы	84	24
Навальщики	25	10	Слесаря и токари	84	24
Уборщики досок	22	9,60	Газовщики	38,5	24
Браковщики	30	12	Сортировщики	39,6	25
Машинисты	27	25	Кочегары у печей	38	15,5
Кочегары	20	15	Кузнецы	51	21,5
Смазчики	15	10	Молотобойцы	33	19,20
<i>ХХХIV. Производствогнутой венской мебели</i>			Машинисты	96	26,8
Токари	34	14,4	Подручные	24	16
Выгибальщики	30	16,8	<i>ХХХVII. Машиностроительное и вагонное производство</i>		
Полировщики	18,4	7	Слесаря и токари	43,6	15
Политурщики	16	8,4	Кузнецы	52	20
Глянцовщики	15	9,6	Молотобойцы	32	16
Столяры	41,5	18	Литейщики	60	34
Флеговальщики	12	9,60	Формовщики	60	34
Распилищики	9,60	—	Вагранщики	40	29
Ремонтировщики	17	15,6	Модельщики	38,2	19,5
Сборщики	45	19,2	Сголяры и плотники	45,6	20,4
Слесаря	20,4	16,8	Котельщики и клепальщики	49	19,5
Упаковщики	21	9,5	Строгальщики и сверлильщики	39,5	14,7
<i>ХХХV. Чугунолитейное и механическое производство</i>			Плавильщики	40,90	27,8
Модельщики	96	14,5	Маляры	43	17,6
Формовщики и литейщики	156	14	Обойщики	26	24
Котельщики	96	16	Машинисты	40	—
Слесаря	120	11,5	Кочегары	20	—
Токари и строгали	98	16	Ученики	12,4	7
Обрубщики	55	14	<i>ХХХVIII. Машиностроительное; судостроительное и железопрокатное производство</i>		
Вагранщики	46	14,5	Модельщики	79	35
Сборщики и клепальщики	96	17	Литейщики и формовщики	96	14,8
Лудильщики и жестянники	96	25	Плавильщики	47	26
Шлифовальщики	28	10,8	Строгальщики и сверлильщики	93	22
Молотобойцы	36	11,5	Котельщики и клепальщики	101	24
Ученики разных категорий	24	3,80	Корабельщики	59	14
Кузнецы	100	14,4	Вагранщики	38	25
Механики	120	25	Вальцовщики и сварщики	96	30
Машинисты	140	17	Пудлинговщики	88	35
Кочегары	29	15	Правильщики и крючники	30	17
<i>ХХХVI. Сталелитейное производство</i>			Колесники	68	26
Плавильщики	86,5	28,8			
Литейщики	76,5	24			

	Макси- мум	Мини- мум
Медники	75	15
Кузнецы	98	19
Молотобойцы	50	18
Машинисты	60	24
Кочегары	36	12

XXXIX. Трубо-и меднопрокатное и литейное производство

Вальцовщики	80	14,4
Резальщики	48	16,5
Подборщики	50,5	26,5
Горновщики	77	15,5
Медники	48	35
Катальщики	41	24
Шабровщики	32	—
Обрубщики	19	14,5
Модельщики	55	40
Литейщики	52	29

XL. Телеграфостроительное производство (изготовление приборов по электротехнике)

Слесаря и токари	112	25
Сверлильщики и строгальщики	32	21
Кузнецы	60	36
Молотобойцы	24	17,5
Котельщики и клепальщики	60	30
Модельщики	80	24
Сборщики и ремонтниковщики	60	38
Лудильщики и водопроводчики	65	34
Жестянщики	65	34
Шлифовальщики и полировщики	31	24
Лакировщики	50	40
Установщики	97	36
Мотальщики и правильщики	33	19
Машинисты	32,5	27
Механики	150	36

XLI. Производство проволоочное и подковных гвоздей

Гвоздильщики	81,6	24
Слесаря и токари	42	16
Кузнецы	40	16
Проволочники	75	19,2
Гаечники	40	16
Сортировщики и упаковщики	15	10,6

XLII. Производство винтоделательное и металлических изделий

Слесаря	100	16
Токари	54	13
Штамповщики	35	21
Тянульщики	40	21
На станках	50	12
Модельщики	54	27
Коробочники	36	26
Упаковщики	14,5	7,5

XLIII. Производство художественно-слесарное, бронзовых и медных изделий

Литейщики	36	16
Чеканщики	36	16
Жестянщики	45	20
Слесаря	72	17
Токари	48	24
Монтировщики	48	24
Лакировщики	45	20
Кузнецы	60	35
Давильщики	48	24
Полировщики	51	17

XLIV. Производство мельхиоровых изделий

Токари	65,2	32
Шлифовальщики	56,5	30
Полировщики	50	16,6
Бронзовщики	74,5	32
Лощкари	60	30
Гальванизовщики	45	—

XLV. Производство физических инструментов

Механики	83,3	26
Слесаря	41,5	16,6
Токари	33,5	21
Литейщики	25	—
Столяры	64	16,6
Стекловыдувальщики	37,5	16,6
Живописцы	37,5	16,6

XLVI. Производство десятичных весов

Мастера	60	20
Кузнецы	75	21,6
Столяры	62	22,5
Слесаря	75	15
Подручные	22	15

	Максимум	Минимум		Максимум	Минимум
<i>XLVII. Производство литографских и скоропечатных машин</i>					
Кузнецы	51,5	32	Рисовальщики	72	16
Слесаря	52,5	26,5	Формовщики	30	5
Токари	55	34,5	Горшечники	30	17
Столяры	46,5	41	Стекловары	75	13
Подручные	33	27	Штирлящики	20	15
Ученики	21	4,8	Резальщики	20	16
			Баночники	15	3
			Относчики или хлопцы	7	3
<i>XLVIII. Ламповое производство</i>			<i>LIII. Цементное производство</i>		
Литейщики	65	4,5	Мельники	40	11,5
Бронзовщики	40	15	Камнетесы	35	30
Жестянники	58,5	6,5	Дробильщики	25	16
Токари	75	4,5	Весовщики	18	14,5
Лакировщики	40	10,8	Сушильщики	25	12
Слесаря	30	—	Обжигалы	23	12
			При болтушке	18	12
			Съемщики	25	12
			Машинисты	45	30
			У элеватора	22	16
			При Гертелевской машине	25	16
<i>XLIX. Химическое производство</i>			<i>LIV. Производство церезина и парафина</i>		
Реторщики	30	20	Работники	12	9
Угольщики	29	16	Упаковщики	8	6,5
В химическом отделении	25	20	Слесаря	28	26
В отделении выделения кислот	16	12	На выделке свечей	21,5	17
Лаковщики	12	—			
Слесаря и кузнецы	90	30			
			<i>LV. Фаянсовое производство</i>		
			Формовщики подмастерья	31	17
			Формовщики ученики	17	8,5
			Рисовальщики	36	9
			Гарнировщики	14,5	9
			Рабочие	12,5	6
			<i>LVI. Кирпичное производство</i>		
			Обжигалы	40	12
			Формовщики	35	12
			Нагрузчики и разгрузчики	20	8
			Мялочники	21	11
			Тачечники	17	10
			<i>LVII. Камнетесное производство</i>		
			Резчики	48	36
			Камнетесы	45	31
			Полировщики	66	21
			Подручные	16	14,5
<i>LI. Красочное производство</i>					
Мельники	35,10	—			
Работники	16,6	15,2			
Работницы	12,5	6,4			
Машинисты	36,5	—0			
Столяры	34,4	—			
<i>LII. Стеклоанное производство</i>					
Гутейщики (выдувальщики)	140	19,20			
Шлифовальщики	50	7,2			

	Максимум	Минимум		Максимум	Минимум
LVIII. Мукомольное производство			Кочегары	45	18
Мельники	55	21,6	Газовщики	18	14
Шеритовщики	28,8	24	Кузнецы	45	30
Вальвейттеры	24	16,3	Плотники	35	12
Пуцеры	36	16,8	Мастера	86	45
Насекальщики	38,4	28,8	LXIV. Свеклосахарное и сахарсрафинадное производство		
Смазчики	31	24	Машинисты	60	20
Чернорабочие	27	9	Аппаратчики	36	11
Машинисты	36	28	На кагатах	24	11
LIX. Шоколадное производство			Бураковая	11	7
Мастера	85	25	При диффузорах	9,5	6
Карамельщики	30	9	В фильтрационных и сатурационных отделениях	16	8
Шоколадники	25	9	В пробельной	19	13
Укладчики	20	9	В паровичной	9	6
Поденщики	9,5	7,2	Мастеровые	30	7
LX. Водочное производство			Полурабочие ¹	11	3,5
Дистиллятор	83	70	LXV. Табачное производство		
Разливальщики	24	11	Крошильщики машинные	40	17,2
Полоскательщики	17	5,5	Крошильщики ручные	58	12
Бандерольщики	22	16	Сигарочники	40	10
Укупорщики	17	11	Напиросницы	30	7,2
Угольщики	16	14	Сортировщики	48	4
Машинисты	25	24	Набойщики	50	10
Кочегары	15	13	Клейщики	27	8
LXI. Цикорное производство			Сушильщики	34	8
Мастера	55	—	Резальщики бумаги	36	10
Механики	35	—	На гильзовых машинах	21	9,6
Укупорщики	39	31	Бандерольщики	21	8
Упаковщики	31	21	Упаковщики	33	9,6
Коробочницы	15	7,5	Машинисты	70	20
LXII. Макаронное производство			Мастера	70	40
Месильщики	35	30	LXVI. Кожевенное производство		
Прессовщики	23	18	Дубильщики	50	12
Сушильщики	30	8	Чистильщики	40	16
Упаковщики	30	8	Фальцовщики	86	20
Мастера	38	—	Выкройщики	48	24
LXIII. Пивоваренное и медосаженное производство			Шагреники	28	16
Солодовщики	56	14	Подручные	20	9
Заторщики	23	13	Машинисты	45	30
Бродильщики	56	13			
Разливальщики	30	14			
Полоскательщики	28	9			
Бондари	48	20			
Бочкопары	25	13			

¹ Так называются на сахарных заводах Южной России взрослые женщины и малолетки обоего пола.

	Макси- мум	Мини- мум		Макси- мум	Мини- мум
<i>LXVII. Производство изделий из кожи</i>			Работники	17	—
			Кочегары	30	—
Мастера	50	15,5	Слесаря	30	—
<i>LXVIII. Механическое производство обуви</i>			<i>LXXII. Щеточное и гребеночное производства</i>		
В закрытом отд.	58,76	38,8	Работник	60	7,50
» швейном »	41,7	21,7	Работницы	14	3,60
» затяжном »	77	39,5			
» каблучном »	64,2	43,9	<i>LXXIII. Костеобъем- гательное производ- ство</i>		
» отделочном »	51,3	36,4	Работники	50	13
» заготовочн. »	57,3	28	Работницы	15	10
» войлочном »	56,1	26,9	Кочегары	60	45
» чемоданном »	49,9	24,5			
<i>LXIX. Стелариновое производство</i>			<i>LXXIV. Типографское производство</i>		
Мастера	45	35	Метранпажи	70	50
Работники	21	12,50	Граверы	120	25
Работницы	11	6	Наборщики	75	10
<i>LXX. Мыловаренное производство</i>			Литографщики	55	20
Мастера-мыловары	81,50	—	Переплетчики	40	10
Химки	60	—	Словолитчики	35	12
Аппаратчики	43	—	Накладчики	20	14
Рабочие	30	6	Батырчики	18	14
<i>LXXI. Альбуминное производство</i>			В отделении фототип- нии		
Кровяники	22	—		90	20
Сушильщики	23	—	Ученики	12	4
			Машинисты	96	24

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ ТЕОРИИ «НАРОДНОГО ПРОИЗВОДСТВА»

I

Многие наивные люди, как из среды самих народников, так из среды, что особенно странно, их противников, простодушно верят и до сих еще пор, что народничество нашего времени продолжает оставаться движением вполне, что называется, прогрессивным, т. е. движением, группирующим вокруг себя исключительно идеологов трудящегося класса, все теоретические воззрения и все практические требования которых определяются идеей всеобщего общественного благополучия, исключаящей всякое классовое господство, всякую эксплуатацию человека человеком. Так думают наивные люди, перенося по традиции представления о *прошлом* на *настоящее*. И в самом деле, прежде, лет примерно 20 назад, такое воззрение на народничество до известной степени еще соответствовало действительности; но оно является вопиющим анахронизмом в наши дни. Доказательству этой простой истины и посвящается наша заметка. Но сперва нам придется бросить взгляд, по необходимости, самый беглый, на основные черты народнического мирозерцания и на эволюцию народничества.

Народническое движение зародилось и развилось в переходную эпоху, когда, после падения крепостных отношений, «свободная Россия» еще не распалась на новые, резко обособленные общественные классы. Правда, «цепь великая», разорвавшаяся в 1861 г., оставила после себя неизгладимые следы своего исторического существования; правда также, что «на место цепей крепостных людей придумали много иных», и «придумали» гораздо раньше, чем «разорвалась цепь великая»; но звон от старых цепей, казалось, замирал окончательно, а звон цепей новых раздавался еще не так явственно, чтобы его мог слышать русский идеолог, привыкший внимать «звукам небес». Эта переходная эпоха наложила неизгладимую печать на народничество. Все народническое мирозерцание построено на идее однородности общества, отсутствия всяких классовых разделений, антагонизма, борьбы. Антиклассовая точка зрения—естественный результат неустановившейся эпохи—

отрезывала народникам единственный верный путь к научному пониманию природы общества, проникнутого классовыми различиями, и его развития, пружиною которого служит классовый антагонизм. Общество представлялось народнику состоящим не из классов, возникающих и существующих на почве производственных отношений, а просто из индивидуумов, из личностей, которых он рассматривал абстрактно, изолированно, как выражение «человеческой природы вообще». В этом случае народник походит на ученого, который бы вздумал утверждать, что дом например состоит из атомов... Ставить во главу угла своих социологических построений изолированную, внесоциальную личность—значит заранее обрекать себя на непонимание природы общества, на блуждание в области пустейших абстракций, на усилия воздвигнуть громадное здание—из атомов. В не дифференцировавшейся еще вполне общественной массе народник мог различать, да и то очень смутно, лишь «государство», «общество» (т. е. культурные слои), «интеллигенцию», «народ»; но даже и между этими лишенными всякой определенной физиономии общественными группами для него не существовало резкой разграничительной черты: «государство» постоянно сливалось в глазах народника с «обществом», «интеллигенция» с «народом», «народ» с «государством», а все вместе—в одно безобразное, хаотическое целое, окутанное непроницаемым туманом. Беспомощно стоял народник перед этим хаосом общественной жизни, подобно дикарю перед лицом физической природы. Как первый, так и второй не в силах проникнуть в тайну—одни общественных отношений людей, другой—физических явлений. Как дикарь, не понимая явлений природы, их взаимных отношений, причинной связи между ними, приписывал им свой собственный субъективный смысл, одухотворял внешний мир, населял его фантастическими существами, так народник, не понимая явлений общественной жизни, связи между ними, порядка их возникновения и исчезновения, переносил на общество свое собственное субъективное настроение, населял его произведениями своей фантазии, окутывал его туманом своих собственных грез, под действительное подставлял желательное, вместо закономерности искал целесообразности. И тот, и другой, первый в своих отношениях к физической природе, второй в своих отношениях к обществу, одинаково опутаны были паутиной *субъективизма*, который является выражением первобытной дикости, совершенной неразвитости пробуждающейся человеческой мысли, полного ее бессилия постигнуть смысл окружающей человека обстановки во всей ее реальной наготе¹. И как субъективная завеса, скрывающая от дикаря внешний мир, разрывается только тогда, когда борьба человека с природой достигнет известной, очень высокой степени развития, так и субъективная завеса, скрывающая от народника общественную жизнь, спадает с его глаз только тогда,

¹ Примечания, отмеченные цифрами, см. в конце статьи.

когда классовые антагонизмы, коренящиеся в недрах всякого общества, разовьются настолько, что вызовут регулярную, открытую, систематическую классовую борьбу человека с человеком.

Только тогда наступает эпоха трезвого, сознательного отношения к окружающему, рационального, научного объяснения явлений природы и общественной жизни, и их эволюции,— эпоха радикального очищения авгиевых конюшен субъективизма...

Народник не только блуждал в тумане субъективных фантазий, не только не знал действительности, не только не изучал реальных общественных явлений, но даже и не хотел знать действительности, не чувствовал потребности изучать общественные явления во всей их реальной наготе. Он не задавался вопросом, что такое общество (в том виде, как оно существует), каким образом совершается его развитие и почему оно развивается так, а не иначе,—ему хотелось только «исследовать», чем общество *должно быть* (по его личным представлениям), как оно *должно развиваться* (для того, чтобы удовлетворить идеальным требованиям народника). Народник не изучал действительность, а только обличал ее и силился на развалинах осужденной действительности конструировать действительность «нормальную»; он занимался исследованием не того, что существует, а того, что казалось ему *желательным*, т. е. того, чего не существует. Сообразно этому, он не стремился открыть *существующее в действительности* соотношение между реальными общественными явлениями, т. е. формулировать закон их существования и развития, а старался из своей головы придумать новую *желательную*, т. е. несуществующую комбинацию этих явлений, мечтал *предписывать обществу «закон развития»* собственного своего изобретения. К этому сводится вся суть пресловутого «субъективного метода исследования» в общественной науке.

Такова основная точка зрения народников. Посмотрим, как она прилагалась к изучению истории, к исследованию современности и к практическим задачам эпохи.

Действительность закрыта была для народника субъективной завесой. Он не знал, и не хотел, да и не мог знать, что есть, что, как и почему существует, развивается, погибает в действительности; исходным пунктом для наследования ему служила идея, а не факт; он ко всему прилагал свою субъективную мерку, все оценивал исключительно с точки зрения «разумного» и «неразумного», «нравственного» и «безнравственного», «желательного» и «нежелательного» и т. д. С этой точки зрения *прошлое* представлялось не процессом *развития* общественных отношений, а нескончаемым рядом «ошибок», сплошной массой «бессмысленного и безнравственного», которую нельзя *изучать*, а можно только *обличать*. Что это за масса, которая кажется ему «бессмысленной и безнравственной», из каких элементов она складывается, как и почему существует, народник не знал; но он не мог не видеть, что она

живет, движется, развивается, несмотря на все обличения, осуждения, бичевания; он старался понять ее—и не мог; масса того, что казалось ему бессмысленным и безнравственным, не поддавалась его усилиям, потому что он подходил к ней с своей субъективной, т. е. чуждой ей меркой. И вот исторический процесс раздвоился в глазах народника, распался на две несовместимые части: с одной стороны, история представлялась ему результатом неразумной, «бессмысленной и безнравственной» игры каких-то мистических сил, действующих независимо от людей; это—«естественный ход вещей», управляемый слепыми, непреодолимыми, железными законами; с другой стороны, история представлялась ему результатом действий живых личностей, действий, в которых проявляется «человеческая природа». Народник рассматривал человека изолированно, вне общественных связей, отдельно от общества, как и общество—отдельно от человека; «естественный ход вещей» в его уме отделялся от людей, исторический процесс обособлялся от действий, поступков, страстей, желаний, стремлений человека, результатом действия которых является история; исторический закон превращался в какую-то мистическую силу, действующую по своим собственным побуждениям, совершенно независимо от человеческих поступков, из которых слагаются общественные явления, т. е. он существовал и проявлялся, в глазах субъективиста, независимо от явлений общественной жизни. Следовательно, перед «естественным ходом вещей» и управляющими им «непреклонными» законами можно преклоняться, можно обращаться к ним «с просьбами, мольбами и заклинаниями», как к мистическим силам, но в то же самое время можно и бить идола, можно «социальные законы» *вводить, отменять, изменять*, где угодно, когда угодно и как угодно. Отсюда—народнический фатализм (социальный фетишизм), идущий рука об руку с отрицанием всякой закономерности в общественной жизни, всякой социальной эволюции, всяких законов в истории.

Точно таким же образом относится народник и к современности: он не изучал ее, а только творил над ней нравственный суд и расправу. Народник не исследовал, что представляет собою современное общество, на какие элементы оно разлагается, как группируются эти элементы, как они развиваются, какие из них обнаруживают задатки дальнейшего существования и развития, какие—задатки разложения и смерти и т. д., как современность вышла из недр прошедшего и какие развиваются в нем зародыши будущего. Народник ко всему прилагал свою субъективную мерку, все оценивал *исключительно* с точки зрения своего субъективного настроения, и то, что подходило под эту мерку, что удовлетворяло его нравственным требованиям, то он и называл безусловно «прогрессивным», «нормальным», «естественным», «способным к дальнейшему развитию», «имеющим будущность» и т. д., совершенно не справляясь с тем, насколько реальная действительность соотносится с его субъективными

ощущениями, какое положение в действительной жизни занимает облюбованное им явление, развивается ли оно, или же погибает и т. д. Само собой разумеется, что при таком отношении к делу народник не мог понять современность и правильно формулировать ее задачи, не мог связать свое стремление к идеалу с движением самой жизни. Благодаря всему этому, народничество не имело твердой почвы под ногами, висело в воздухе; его теория основывалась не на фактах, а на отвлеченных принципах, его практические стремления опирались не на жизнь, а на идеалы, не на «историю, как она совершается», а на «историю, как мы (субъективисты) ее хотим», не на реальные общественные силы, а на отвлеченные нравственные требования. Когда народник говорил об общине, о формах крестьянской жизни, как представляющих собою высший тип развития, как заключающих в себе зачатки идеала общественного устройства, он разумел не реальную русскую общину, не реальные формы крестьянской жизни в том самом виде, как они существуют в действительности, среди реальной обстановки, сложившейся исторически, сросшейся с ними, не отделимой от них. Когда народник толковал о переходе с низших ступеней высокого типа развития прямо на высшие ступени того же высокого типа развития, он разумел лишь абстрактную, логическую возможность такого скачка и субъективную желательность, а не то, чтобы конкретная «историческая Россия», при всей совокупности данных экономических, социальных и политических условий, при данном, исторически сложившемся соотношении между реальными общественными силами, имела тенденцию сделать этот скачок. Когда народник мечтал о воплощении идеала в жизнь, он возлагал все свои упования на отвлеченную святость этого идеала, на его чудодейственную власть над людьми (рассматриваемыми абстрактно, как воплощение «человеческой природы вообще»), а не на соответствие этого идеала с реальными жизненными интересами класса, представляющего собою крупную общественную силу; в борьбе за идеал он не умел опереться на самую жизнь, ибо не знал этой жизни. Выставляя какое-нибудь практическое требование, народник просто заявил, что его *должны, обязаны* осуществить «мы», «государство», «общество», «интеллигенция», разумея под этим лишенными всякого конкретного, социального, т. е. классового содержания терминами не реальные общественные, а какие-то надсоциальные, сверхисторические силы. Само собой понятно, что жизнь, от которой отворачивался народник, безжалостно на каждом шагу разбивала все народнические мечты...

В первый период своего существования, когда классовые различия еще не выступили резко, народничество лишено было однообразной классовой физиономии, не имело однородного социально-экономического содержания. Под его знаменем, на котором красовались туманные, «всеобъемлющие» девизы, группировались люди в сущности различных, даже прямо враждебных направлений, принадлежавшие по своим социальным симпатиям

к различным общественным классам. Среди народников были люди, у которых защитой интересов «народа» прикрывалась сознательная или бессознательная защита интересов определенных господствующих социальных групп, были сторонники мелкого, раздробленного самостоятельного крестьянского хозяйства, были приверженцы утопического мужицкого социализма. Пока не обнаруживалась ярко социальная рознь, пока не выдвигались на сцену конкретные жизненные вопросы, более чувствительным образом затрагивавшие противоположные интересы различных общественных классов, пока все народнические рассуждения вращались в области абстрактных принципов и идеалов, никому не мешавших, до тех пор эти разнохарактерные элементы мирно уживались друг с другом, перемешивались между собой, образуя одну пеструю кучу. Но по мере того как процесс социальной дифференциации разбивал казавшуюся раньше однородной общественную массу на противоположные классы, распадалась на части и эта пестрая народническая куча: представители первой группы вырождались в завзятых реакционеров и прислужников капитала, представители третьей—превращались в скептиков, утративших веру в социалистические инстинкты крестьянства (из среды этих последних вышли, через несколько промежуточных форм, и новейшие антагонисты народнического староверия). Оставляя в стороне первую и третью народническую группу, рассмотрим лишь судьбу второй. В состав ее входили защитники мелкого крестьянского хозяйства; правда, пока пестрая «всеобъемлющая» народническая куча не распалась, их стремления носили отчасти социалистическую окраску; но это лишь оттого, что различные группы народников еще не отмежевались строго друг от друга, еще не сознавали своего различия, разнородности своих воззрений и целей; все симпатии представителей второй группы лежали в сущности не на стороне обмирщенного производства, а напротив, на стороне мелких, изолированных самостоятельных крестьян, ведущих свое хозяйство каждый отдельно, хотя и при общинном владении землею. Отсутствие резкой границы, которая отделяла бы мелкокрестьянское народничество от двух других народнических направлений, сообщало ему оттенок утопически-социалистического движения, но в то же время позволяло ему идти рука об руку с реакционным народничеством, т. е. фактически служить и нашим и вашим—и нетруждающимся и обремененным. Тем не менее, *по своему идейному содержанию* мелкокрестьянское народничество являлось движением, отстаивавшим интересы самостоятельного крестьянства, которое казалось народнику все сплошь состоящим из трудящихся (исключая единичных личностей—кулаков). Народник смотрел на мир с точки зрения «самостоятельного крестьянина»; его мировоззрение сильно отзывалось мужицкими понятиями; в нем отражались вся социально-экономическая беспомощность и политическое бесправие русского крестьянства, все мужицкие иллюзии... Пока крестьянство оставалось более или менее однородной массой,

пока из его среды не выделились более или менее рельефно различные социально-экономические группы—зародыши классов,— пока понятие «крестьянство» совпадало более или менее с понятием «рабочее население»,—до тех пор народники являлись в значительной степени идеологами трудящегося люда. Но сравнительно однородная крестьянская масса мало-помалу распадалась на более или менее резко обособленные группы; вместе с тем изменялся и характер народничества; прежние девизы и формулы во многих случаях, правда, сохранялись; но они начали пополняться уже новым социально-экономическим содержанием. Если и прежде понятие «самостоятельный хозяин» далеко не вполне совпадало с понятием «крестьянин» (ибо среди крестьянства с самого начала было множество полухозяев-полупролетариев), то теперь между ними образовалась еще большая пропасть (ибо среди крестьянства появились мелкие капиталисты и пролетарии); если прежде название «самостоятельный хозяин» прилагалось народником, привыкшим идеализировать действительность, одинаково как к «чистому» крестьянину, так и к полупролетарию, то теперь оно стало им прилагаться еще кроме того к крестьянину-капиталисту и к пролетарию. Круг «симпатий» народника таким образом сильно расширился: он, народник, сделался, кроме идеолога трудящегося люда, еще и идеологом крестьянской буржуазии, носительницы «самостоятельного» крестьянского хозяйства. Положение в высшей степени неудобное, неустойчивое: совмещать ту и другую идеологию дело совсем не легкое. По мере того как обособляются интересы различных крестьянских групп, народнику становилось все труднее и труднее сохранять равновесие. Приходилось делать выбор и решительно стать либо на ту, либо на другую сторону. И вот народничество все более и более начало склоняться на сторону крестьянской буржуазии, да иначе оно и быть не могло: центральной идеей народнического мировоззрения является идея *самостоятельного* крестьянского хозяйства; положение пролетариата и близких к нему слоев сельского населения народник *органически не способен* понять, для этого ему надо было бы родиться в новейшую эпоху; и действительно, народник отвернулся от чуждого и «несимпатичного» ему пролетария, новорожденного детища истории, неизвестного в старые годы, и *тем самым* решительно стал на сторону «самостоятельного хозяина», в качестве которого в наше время, по мере того как капитализируется крестьянское хозяйство, все более и более начинает фигурировать мелкий капиталист, хозяйственный мужичок, крестьянин-буржуа. *Alea jacta est!*.. Процесс превращения народника в идеолога мелкой буржуазии теперь можно считать вполне завершившимся: в последние годы его мелкобуржуазные «симпатии» обнаружались слишком уж ярко. Идеологами трудящегося люда выступили «новые люди», те самые, которых ожесточенный народник обливал ныне грязью, как самого народника некогда, во дни его юности, обливали грязью приверженцы *тогдашней* старшины... *Tempora mutantur!*..

В этой заметке мы хотим рассеять немного тот туман народолюбия, которым окутывается современное народничество, и дать несколько указаний насчет истинного, незатуманенного характера социальных симпатий нынешних народников, завершивших цикл своего развития. Сделать это очень нетрудно: стоит только внимательнее проанализировать то, что говорят и пишут наши народолюбцы, и наполнить их туманные, «всеобъемлющие» фразы конкретным социально-экономическим содержанием. Мы возьмем пресловутую теорию «народного производства», занимающую центральное место в народнической системе и дающую, следовательно, возможность ознакомиться с некоторыми основными экономическими идеями современного народничества. В виде примера мы представим разбор взглядов С. Н. Южакова—писателя, правда, не выдающегося, но зато последовательного до конца. О «народном производстве» он говорит в своей старой статье «Формы земледельческого производства в России» («Отечественные Записки», 1882 г., № 7, отд. II, стр. 1—56), ее мы и будем иметь в виду главным образом, но за разъяснением некоторых пунктов нам придется обращаться к другим, позднейшим статьям его. На эти свои произведения г. Южаков ссылается и до сих пор («Вопросы экономического развития в России»—«Русское Богатство», 1893 г., № 12, стр. 188, примеч.); стало быть они несколько не устарели: на них нужно смотреть как на изложение теперешних воззрений г. Южакова.

Итак, что такое «народное производство», а следовательно и что такое «народ», интересы которого отстаивают нынешние народники? Пусть нам объяснит это г. Южаков: мы будем слушать его речи и переводить их на конкретный социально-экономический, т. е. классовый язык. В названной статье г. Южаков старается определить земельную площадь, занимаемую «двумя главными типами земледельческого производства в России», т. е. капиталистическим и «народным», противоположным капиталистическому. При этом у него оказывается прежде всего, что крестьянская земля *вся* находится под «народной» культурой: «Народное производство занимает собою площадь народного землевладения *всегда и повсеместно*, а потому оно *не может* занимать в общем пространстве страны места *меньше*, нежели в общем итоге землевладения занимает *все* народное землевладение» («Формы» etc., стр. 9); в данном случае «форма производства» вполне определяется «формой землевладения»: земля принадлежит «народу», стало быть, и «земледельческое производство» на ней «народное».

Такова первая «теорема» г. Южакова. Постараемся вникнуть в ее смысл. «Народное производство занимает собою площадь народного землевладения *всегда и повсеместно*»,— что это значит? Это значит вот что: *на каждой пяди* земли, принадлежащей «народу», «крестьянству», «всегда и повсеместно», существует «на-

родное производство»; *каждый* крестьянин, владеющий землею, ведет на ней хозяйство, основывающееся на «народных» началах. Вот «развернутая форма» первой «теоремы» г. Южакова. В ней для нас многое остается пока неясным; попробуем «развернуть» ее еще больше. Спрашивается, что же это за «народное землевладение», на *всей* площади которого *безраздельно* господствует «народная» культура?

Обратимся за разъяснением сперва к позднейшим статьям г. Южакова. Различие между землевладениями «народным» и «ненародным», «частным», он определяет следующим образом: «Искони два главных исторических течения волнуют своим столкновением жизнь человечества: течение, расчленяющее человечество на классы, дифференцирующее его, создающее всяческое неравенство и монополию, но вместе с тем преимущественно вырабатывающее высшие формы культуры, развивающее просвещение, вкус; и другое течение, обратное первому, стремящееся *уравнять* людей, соединить их в *братстве* и *солидарности*, ведущее не к дифференцированию, а к *ассимиляции*, вырабатывающее содержание культуры, мораль, справедливость, обширные симпатии... Оба течения эти, искони враждебные и искони борющиеся, создают, при последовательной очереди своих торжеств и поражений, формы жизни, диаметрально противоположные, исполненные глубоких контрастов. В формах землевладения... они... отражаются особенно рельефно, породив два типа землевладения—народное и частное» (С. Южаков, Статистический закон землевладения в России, «Северный Вестник», 1886 г., № 7, стр. 170). В основе «народного землевладения» лежит такой принцип: «доступ к земле для всякого и действительное пользование землею лишь лицами, которые сами возделывают землю и в размере, соответствующем их силам» (стр. 171). В чистом своем виде «народное землевладение» («земледельческое эльдорадо», как выражается г. Южаков) существует теперь будто бы в Сибири, на Дону, Кубани, Терек и Урале: «кроме России нигде в Европе его нет вовсе» (стр. 171). В остальной России современное крестьянское землевладение отклоняется от этого чистого, «эльдорадного», так сказать, типа, но *очень немного* «эти отклонения выразились в разложении больших общин на более мелкие, в ограничении доступа к земле рамками крестьянского сословия, в неравномерности наделения, в отступлении от общинной формы, в размере наделения» (стр. 172) Как видим, все эти «отклонения» не имеют существенного значения, не нарушают основного принципа, проникающего «народное землевладение», не изменяют самых «устоев» народной жизни, не извращают характера и внутреннего быта крестьянской общины: внутри общины всецело господствуют принципы «доступа к земле для всякого» крестьянина и «действительного пользования землею лишь лицами, которые сами возделывают землю»; недостаточность земельного наделения отрезывает, правда, возможность всякому крестьянину пользоваться землею «в размере, соответствующем его силам», так что многие имеют земли *меньше* трудовой нормы; но зато при недостаточности наделения *никто* из крестьян не может пользоваться землей в размере, *превышающем* его собственные силы и требующем эксплуатации чужого труда. Так именно и смотрит на дело г. Южаков. Наша крестьянская община кажется ему явлением *внеисторическим*: это, по его мнению, форма быта, *совершенно не затронутая* всяческими мерзостями истории, всецело основанная на началах «высшей справедливости», внеисторического «естественного права»: «*Община игнорирует историю*; она не знает и не справляется с внешним законным правом и *руководствуется исключительно идеею высшей справедливости*... Несправедливость принадлежит внешнему праву, справедливость—миру, общине, громаде... *Основною особенностью общинного быта является игнорирование* внутри общины исторического права и *господства права естественного, справедливости*. La justice prime le droit—девиз нашей общины. Эта особенность при полном ее выражении ведет к *наисправедливейшему распределению между* членами общины несчастий, бедствий, тягостей, *выгод, преимуществ* и пр., *в том числе и земли*. *Справедливое распределение земли* составляет только одну из сторон этого быта, который стремится также (*быт стремится?*) справед-

ливо распределить платежи, убытки, *заработки, промыслы*... Неси тяготы сообразно своим средствам, *получай пропитание сообразно своим потребностям*.—такова та формула высшей *справедливости*, которая *практикуется* нашей общиной и посредством которой она стремится исправить историческое право («Вопросы общинного быта», «Отеч. Записки», 1883 г., № 11, стр. 96, 97, 100, 98). «Только крестьянство *всегда и всюду* являлось *носителем чистой идеи труда*... Трудовой, от отцов и дедов завещанный очаг, *труд, проникающий* своими интересами *всю жизнь и строящий ее мораль*, любовь к политике потом многих поколений ниве,—все это, составляющее *неотъемлемую* отличительную черту крестьянского быта, совершенно незнакомо рабочему пролетариату... В основе *крестьянской морали* лежит именно *труд, его логика и его требование*. Истинно крестьянский труд есть прежде всего *труд на себя*... Простое правило земледельческой жизни *«коемуждо по трудам его»* невольно вырастает в правило морали, строящее уже *всю обстановку и уклад жизни*» («Вопросы гегемонии в конце XIX века», «Рус. Мысль», 1885 г., № 4, стр. 50, 51).

Правда, рисуя эту умилительно идиллическую картину «внеисторического мира русской мужицкой жизни» («Вопр. общин. быта», стр. 95), г. Южаков проговаривается иногда, что господствующее в нашей общине «великое чувство справедливости и солидарности... *почти исключительно* и может проявляться в разверстании несчастий, тягот, бедствий», что община «заботится только о *равном и справедливом распределении бедствий и несчастий*», что «общинная солидарность является не больше, не меньше как *солидарностью* *одних несчастий и никогда—выгод*» («Вопр. общин. быта», стр. 99, 101); что, следовательно, член общины всегда *только отдает, никогда ничего не получает*; но, вместо того чтобы поискать в этом вполне «историческом» факте самой сути нашей крестьянской общины, ее исторического, т. е. реального *raison d'être*, г. Южаков спешит как можно тщательнее замазать его «внеисторическими» фразами на счет «естественного» и «наисправедливейшего распределения» «*выгод, преимуществ*», и т. п. «сообразно потребностям» каждого и пр.; это—обычный прием «исследования» у наших субъективистов: отворачиваться от неприятных фактов и ставить на их место фикции.

Отличительным признаком народного производства, в противоположность капиталистическому, г. Южаков называет *труд работника на себя*, в противоположность труду рабочего на капиталиста. Отсюда он делает следующие выводы: «Работа на собственное хозяйство *всегда* будет усерднее, тщательнее и успешнее, нежели на чужое хозяйство, а равно и сбережение собственного хозяйства *всегда* будет рачительнее и лучше, нежели хозяйства чужого... Рядом с этим чисто экономическим преимуществом формы народного производства она имеет еще более важное общественно-экономическое значение, *обеспечивая* страну от развития пролетариата, а сельскому населению *гарантируя* экономическую, а следовательно и моральную независимость. Таким образом, и с точки зрения культурно-экономической, и тем более с общественно-экономической, народное производство предпочтительнее капиталистического... Форма хозяйничанья на собственной земле предпочтительнее и выгоднее во всех отношениях» («Формы», etc., стр. 3). Последние из этих отвлеченных выводов г. Южаков целиком применяет и к русской общине: по его мнению, как увидим ниже, русская община служит «противоядием возникновению пролетариата». Это обычный прием субъективистов: решать все конкретные жизненные вопросы при помощи абстрактной формулы, не справляясь с условиями времени и места, не изучая действительности.

Подведем теперь итог всему сказанному г. Южаковым в приведенных выдержках. По его мнению, наше крестьянство—не фикция, не пустое слово, лишенное всякого определенного социально-экономического содержания, а некоторое реальное целое, класс единый, однородный, внутри которого нет никаких подразделений, никаких перегородок; здесь господствует не неравенство экономических положений, не антагонизм интересов, не классовая борьба, а, напротив, равенство, братство, солидарность, «ассими-

ляция», «общинные симпатии»; все отношения между членами «братства» регулируются началами «естественного права», внеисторической «вышей справедливости», абсолютного равенства; каждый имеет доступ к земле и *действительно* пользуется ею в размере, во всяком случае *не* превышающем его личные силы; все «выгоды», а также и «тягости» распределяются между членами «наисправедливейшим» образом; всякий получает по заслугам и несет «святую обязанность труда», он работает только на себя, не отдавая части продукта своих трудов не трудящемуся участнику производства (собственнику земли, капиталисту), ибо у всех есть собственные орудия производства; с другой стороны, ни один из членов внеисторического мужицкого братства не эксплуатирует рабочей силы своего «единомысленного» собрата; весь «уклад жизни» покоится на принципе «коемуждо по делам его»; все придерживаются одного и того же «трудового» нравственного кодекса, имеют совершенно одинаковые понятия об истине и справедливости, одушевлены одними и теми же стремлениями. Само собой разумеется, что при полной одинаковости жизненных положений, при полном отсутствии антагонизма интересов, при господстве самых «обширных симпатий» развитие таких «внеисторических» социальных групп, крестьянских общин, выражаясь преувеличенно-елейным стилем Киреевского, «может совершаться только гармонически, по закону естественного возрастания в единомысленном пребывании»¹... Одним словом, в этом неисторическом мужицком раю просто «не житье, а масляница!»...

Но, да не подумает читатель, будто по молитвам наших народников осуществилось царство христово на земле. Мы имеем перед собой просто-напросто самую «развернутую» форму «теоремы» г. Южакова; она, эта «теорема», *развернулась* настолько широко, что зашла далеко-далеко за пределы исторического, т. е. реального, мира и охватила мир внеисторический, т. е. нереальный, фантастический. Мы уже знаем, что субъективисты занимаются исследованием не существующего, а желательного, познаванием не действительности, а своих собственных грез, изучением не того, что есть, а того, что *должно* быть, т. е. того, чего нет. Точно так же поступает и г. Южаков, верный всем заветам субъективизма. Не желая изучать крестьянскую общину в том виде, как она существует, среди реальной исторической обстановки, вне которой она может быть только фикцией, абстракцией, наш автор *отвлекает* от действительности одно явление—равномерное, справедливое распределение тягот между крестьянами, совлекает с него всю его историческую плоть и кровь, превращает его таким образом в пустую абстракцию, в отвлеченную идею «вышей справедливости» и на этом фантастическом фундаменте конструирует из элементов «желательного» целый «внеисторический мир русской мужицкой жизни». Г. Южаков обнаружил редкое беспристрастие, окрестивши этот мир именов «внеисторический»; он, точно, существует *вне истории*,

¹ «Сочинения И. В. Киреевского», т. II, стр. 266 (М. 1861).

не в «истории, как она совершается», а в «истории, как мы ее хотим», не в действительности, а в фантазии г. Южакова... Г. Южаков утверждает, будто наша община «игнорирует историю»; на самом же деле, как мы видим, историю игнорирует не община, а сам г. Южаков: в качестве субъективиста он просто переносит на социальные явления свои собственные качества...

Однако же г. Южаков живет не в внеисторическом раю, а на грешной земле; он—продукт известной исторической эпохи, представитель известного общественного движения; его воззрения носят неизгладимую печать исторических влияний, социальной среды. Неисторическая картина русской мужицкой жизни имеет известный исторический смысл, пропитана насквозь классовым духом: в ней отражаются социальные симпатии и стремления современных народников. С этой стороны она представляет некоторые очень любопытные черты; всматриваясь в нее, мы узнаем, кому в сущности сочувствуют люди, кичащиеся своим народолюбием, постоянно выставляющие напоказ свой «демократизм», чьи интересы они защищают, какому богу молятся. На площади так называемого «народного землевладения» мы видим не одну «сплошную» форму, а несколько более или менее резко отличающихся друг от друга «форм земледельческого производства». Дело в том, что нынешнее так называемое «крестьянство» вовсе не представляет из себя однородной массы, единого класса, все члены которого находятся в одинаковом хозяйственном положении, исполняют одинаковые экономические функции, имеют одинаковые интересы, воззрения, стремления; нет, оно распадается на множество социально-экономических групп, более или менее резко отделяющихся одна от другой, начиная с крестьянина-капиталиста и кончая крестьянином-пролетарием; между двумя крайними членами—крестьянином, эксплуатирующим в своем хозяйстве наемную рабочую силу, и крестьянином, живущим исключительно наемным трудом,—мы видим целый ряд переходных групп, более или менее приближающихся к той и другой крайности: крестьянина, не занимающегося наемной работой и не эксплуатирующего чужого труда, крестьянина, для которого наемный труд является необходимым, подсобным занятием, безлошадного, ухитряющегося пока вести свое хозяйство, и пр. Хозяйство одной группы как по своим размерам, так и по своей социальной структуре, а отчасти и по техническим условиям не похоже на хозяйство другой. Крестьянин-капиталист играет в общественном производстве роль, совершенно отличную от роли «чистого» крестьянина, полупролетария и чистого пролетария. Само собой понятно, что при имущественном неравенстве между различными группами крестьянского населения, при неодинаковости их хозяйственного положения, при разнородности всех их жизненных условий не может быть и речи о господстве духа солидарности, «обширных симпатий», братства и высшей справедливости в нашей деревне: все эти идиллические вещи мыслимы только при *полной однородности* крестьянства, как единого экономического класса. В действительности, весь «уклад жизни»,

а следовательно и интересы, взгляды, стремления, нравственный кодекс различных групп крестьянского населения совершенно неодинаковы, зачастую прямо противоположны. При таких обстоятельствах крестьянская община является не пребывающим в единомыслии союзом братьев, а ареной самой суровой, самой беспощадной экономической борьбы со всеми ее последствиями. Эта борьба губит вконец слабых, приносит победу и одоление сильным, откалывает целые слои от средних, «индифферентных» групп, отбрасывая их к двум противоположным полюсам, толкая одних в ряды полупролетариев, сближая других с мужицкой буржуазией; в руках высших групп сосредоточивается все большая и большая масса средств производства, их «хозяйственная самостоятельность» все возрастает; из рук низших групп средства производства все более и более ускользают, их «хозяйственная самостоятельность» все более и более падает; пропасть между теми и другими все расширяется. Таков фон картины *исторического*, т. е. реального «мира русской мужицкой жизни», составляющего полную противоположность миру вневенсторическому, «изучением» которого занимаются наши народники. Кто игнорирует классовые разделения, тот не может понять и социально-экономических отношений современной деревни. Г. Южаков игнорирует эти различия, как и все историческое, и потому обнаруживает колоссальное непонимание действительности. Нам нужно выяснить общественное, т. е. классовое значение этого непонимания, этого стремления затушевывать классовые различия в крестьянской среде. Ни в одной из статей г. Южакова мы не находим ни одного намека на выделение из крестьянской массы различных социально-экономических групп; напротив, он везде и всегда твердит только об однородном крестьянстве, только о недифференцировавшейся общине, только о равенстве, солидарности, трудовых началах и пр., якобы господствующих в современной деревне. Под крестьянством он разумеет совокупность самостоятельных хозяев. Но ведь далеко не все крестьяне являются самостоятельными хозяевами: бездомовые, бесхозяйные, безземельные, безлошадные, однолошадные и т. д., число которых достигает прямо ужасающих размеров*, никоим образом не могут быть подведены под эту категорию; из более или менее самостоятельных хозяев значительная часть работает не только «на себя»; из вполне самостоятельных многие получают не «по трудам своим». Таким образом, под понятие «народ», «крестьянство», в смысле г. Южакова, подходит лишь меньшинство крестьянского населения, всю остальную массу, т. е. громадное большинство крестьянства, г. Южаков молча выкидывает за борт, отказываясь защищать ее интересы и даже не признавая ее существования. На картине мужицкой жизни, нарисованной им, в качестве «народа» фигурируют только более состоятельные слои крестьянского населения, хозяйствен-

* Это признают и народники; некоторые из них, более откровенные, начинают говорить уже о «восстановлении хозяйственной самостоятельности крестьян», как чего-то окончательно вымершего. См. напр. В. Бирюкович, Землевладельцы и земледельцы, «Русская Мысль», 1891 г., № 5.

ные мужички и кандидаты в оные—все более сильные по сравнению с массой, все могущие выдерживать экономическую борьбу, все имеющие обеспеченное будущее, остальная часть крестьянства, состоящая из трудящегося, хотя и не на себя, люда,—все слабые, погибающие в экономической борьбе, все пролетарии и кандидаты в них,—*совершенно отсутствуют*; это ведь не «народ», это чужие, «несимпатичные»... Экономически высшие группы крестьянства величаются «народом», их интересы выдаются за интересы всего народа, их «уклад жизни» возводится в идеал, их воззрения и стремления выставляются выражением абсолютной истины и справедливости и т. д.; на их стороне все симпатии г. Южакова: он—их идеолог. Экономически низшие группы крестьянства замалчиваются; этим самым отожделяются с высшими, выставляются сильными, имеющими обеспеченную будущность, пользующимися всеми благами общинного быта; до них г. Южакову нет ни малейшего дела... Правда, г. Южаков вовсе не отрицает факта «упадка крестьянского благосостояния»; напротив, в его статьях мы находим много прочувствованных слов насчет обеднения крестьянского населения, подрыва «состоятельности народных хозяйств», «шатания еще недавно крепких основ нашей деревенской общины», «опасности обращения массы в пролетариев», развития кулачества и тому подобных печальных явлений. Но значит ли это, что г. Южаков *не* отрицает факта распада крестьянства на классы, значит ли это, что он *не* рассматривает крестьянство как единый класс, как вполне однородную массу? Совсем не значит. Г. Южаков обладает драгоценным качеством: он никогда себе не изменяет—«во дни, в ночи сияньем равен»... На темные стороны деревенской жизни г. Южаков смотрит точно такими же глазами, как и на светлые,—глазами безусловного субъективиста, не способного возвыситься до классовой точки зрения, которая одна только дает возможность проникнуть в тайну общественных отношений, и потому как в том, так и в другом случае у него получается одинаково не соответствующая действительности картина. В самом деле, он говорит о «народном обеднении» *вообще*, о «падении крестьянских хозяйств» *вообще*, т. е. имеет в виду *однородную* крестьянскую массу. Выходит, таким образом, что в крестьянской среде беднеют *все до единого*, падают хозяйства *всех* крестьян *без исключения*. Какая же судьба постигает средства производства, которых лишаются разоряющиеся самостоятельные хозяева? Разоряются все хозяева, следовательно «освобождаются» средства производства *всех* хозяев; *каждый* теряет то, что имел, *никто* не приобретает ничего нового. Что же это такое? Как же это так? Разве средства производства, ускользающие из рук беднеющих хозяев, перестают существовать? Разве они не переходят в другие руки, в руки хозяев богатейших? Г. Южаков полагает, что они действительно перестают существовать, испаряются наподобие воды, а не переходят из рук разоряющихся в руки процветающих, ибо, по его мнению, все разоряются, никто не обогащается (исключая разве единичных личностей—кулаков). Средства производства крестьянина пред-

ставляются г. Южакову какими-то разумными существами, пропитанными духом «внеисторического мира мужицкой жизни»; в качестве носителей идей высшей справедливости, трудовой морали и пр. они не могут и не хотят пережить своих владельцев, самостоятельных крестьян, и при падении «народных хозяйств» гибнут на их развалинах, гибнут славною смертью борцов за идею. Очень трогательная история, жаль только, что она взята не из области действительного, а из области фантастического. В действительности, как известно, средства производства не живут, но зато и не умирают, тем более добровольною смертью; они не отличаются рыцарской «непреоборимой верностью» своим прежним владельцам, самостоятельным крестьянам, и при разорении этих последних беспоконно переходят в руки других хозяев, еще более «самостоятельных». Словом, «народное обеднение» идет рука об руку с концентрацией средств производства в руках «хозяйственных мужичков».

Таким образом, благодаря своей субъективной точке зрения, игнорирующей классовые разделения, г. Южаков за обеднением крестьянской массы не видит обогащения крестьянской буржуазии, питающейся этим обеднением, за «шатанием» старых устоев деревенской жизни не замечает зарождения устоев новых. При описании положительных сторон «мужицкой жизни» он забывает об отрицательных, а при описании отрицательных забывает о положительных. Однородное крестьянство оказывается или все сплошь процветающим или все сплошь разоряющимся: процветания немногих, основывающегося на разорении многих, субъективист не может переварить. И в том и в другом случае одинаково игнорируются интересы трудящихся: в первом—бесхозные выставляются самостоятельными хозяевами, пользующимися всеми «выгодами» общинных порядков, во втором—крестьянская буржуазия, наживающаяся насчет разоряющейся массы, изображается «труждающейся и обремененной», утрачивающей свою хозяйственную самостоятельность, беднеющей. Г. Южаков не только замалчивает, но и прямо отрицает факт распада крестьянства на классы. На этот счет есть самые недвусмысленные указания в его статьях. Так, он говорит:

«Имея ничтожное настоящее, капиталистическое хозяйство (в России) не имеет в ближайшем будущем сколько-нибудь вероятных шансов на развитие; для его развития необходимы капиталы, коих нет и не предвидится; нужны опытные и умелые хозяева-руководители, коих нет и не предвидится; нужны постоянные и готовые *работники-батраки*, которые еще *только нарождаются* и которых *нет покуда в достаточном числе*; словом, нет покуда никаких условий для развития этой (капиталистической) формы, хотя эти условия постепенно и создаются» («Задачи земледельческой политики», «Вестник Европы», 1884, № 7, стр. 382).

Класс постоянных рабочих «еще только нарождается»—это на языке г. Южакова значит, что класс постоянных рабочих имеет микроскопические размеры: в России, заявляет он, «*нет... батраков и покамест неоткуда им взяться*» (ib., 395; ср. «Формы землед. произв. России», стр. 48—49). Итак, сельского пролетариата у нас можно сказать совсем нет, потому что община

составляет надежный оплот против этого зла; точно так же нет и крестьянской буржуазии: о ней г. Южаков говорит не иначе как «в будущем времени»:

«Если бы мы* непременно предпочли сидеть сложа руки перед лицом всей этой экономической сумятицы, нами переживаемой, и *ждать терпеливо* рождения и у нас сословия (?) руководителей капиталистическими хозяйствами, то, конечно, только из среды крестьянства мы и вправе были бы ожидать этих спасителей, но, *разумеется, не сегодня и не завтра*. Необходимо дать время резко выделиться и обособиться из неимущего крестьянского большинства новому наслоению крестьян имущих; необходимо дать время этой *новой сельской буржуазии* просветиться и к практической опытности присоединить теоретическое образование. Больше нам неоткуда ожидать появления образованных сельских хозяев для капиталистического хозяйства» («Формы» etc., 46—7).

Г. Южаков представляет себе процесс капитализации вполне по-субъективистски. Сперва, видите ли, должны собраться батраки «в достаточном числе» и ожидать пришествия капиталистов; затем должны явиться крестьяне-капиталисты, тоже «в достаточном числе»; это—первое условие для «насаждения» у нас капитализма, но условие очень жестокое: если батраков соберется меньше, хотя бы одним человеком, «достаточного числа», определенного «законами капиталистического развития», изданными г. Южаковым,—капитализм никоим образом не может возникнуть; точно так же он не возникнет и в том случае, если батраков наберется полный комплект, какой полагается по «закону», а капиталистов явится меньше «достаточного числа», хотя бы одним; в обоих случаях нельзя будет тронуться по капиталистическому пути, придется и собравшимся батракам, и явившимся капиталистам сидеть сложа руки и терпеливо поджидать прибытия еще одного человека, из-за которого стало все дело. Но г. Южаков неумолим; ему мало одного этого «условия»; и вот, чтобы еще более посрамить капитализм, он выставляет другое «условие», не менее тяжелое: новая сельская буржуазия, прежде чем приступить к делу, должна предварительно «просветиться и к практической опытности присоединить теоретическое образование»; без этого никакого «капиталистического развития» не выйдет, если бы даже «условие» насчет «достаточного числа» и было выполнено в строжайшей точности... Вот какие шейлоковские «условия» *предписывает* суровый г. Южаков бедному капитализму. Само собой понятно, что «ждать» придется терпеливо и долго, очень долго: во-первых, «батраков у нас нет и покамест быть *не может*», благодаря общине, и когда они явятся—неизвестно; во-вторых, и капиталистов-крестьян не имеется, и бог знает, когда еще они народятся и просветятся; но «конечно, не одно поколение совершит еще свой цикл прежде, чем *окончательно* окрепнут и оперятся эти благодетели, эти носители *будущего* российского капитализма» («Формы», etc., 48). Ввиду такого совершенно безнадежного пока для капитализма положения дел г. Южаков чувствует себя

* Кто такой этот таинственный незнакомец, праздношатающийся по страницам всех субъективистских произведений, мы старались объяснить в прим. 2.

точно за каменной стеной и победоносно заявляет, что только из среды крестьян и можно «ожидать» появления капиталистов и руководителей-хозяев, вполне уверенный, что пропитанное общинным духом крестьянство является теперь почвой совсем неблагоприятной для развития капиталистического производства: «крестьяне... покада составляют в массе скорее противовес *всякому капитализму*» (Ib. 46). А тем временем (ведь пройдет еще не одно поколение!) явится на сцену всемогущий «*мы*»—этот народнический «идол напрасных молитв»—и в одно мгновение ухитрится «свести наше экономическое развитие с опасного пути...» и направить его «на путь гармонического прогресса...». Словом, заключает свой «анализ» г. Южаков, у нас «для его (капиталистического хозяйства) ведения и процветания *нет ни капитала, ни хозяев, ни рабочих*» (Ib. 49),—нет, и в «ближайшем», т. е. неопределенно далеком, будущем быть не может: «Подождите... вышеупомянутого процесса *разделения крестьянства на имущих и неимущих*... Капиталистическое хозяйство может основаться только на развалинах народных хозяйств, путем обособления из среды народа более имущего слоя и *обеднения большинства*... Все эти процессы хотя и *возможны и вероятны* при наличных условиях, но все они лишь медленно и постепенно расчищают почву для капитализма, властного появления которого в сфере земледельческого производства вправе ждать *мы не вскоре*» («Формы», etc., 49). Итак, процесс разделения крестьянства на имущих и неимущих, следовательно, процесс разорения массы, представляется г. Южакову лишь *возможным и вероятным*—его надо еще «подождать»; а пока что—все обстоит благополучно в нашей деревне!..

Благополучно!.. Вот ведь до чего можно договориться в порыве приторно слащавого оптимизма. Мы видим, что г. Южаков не только безусловно не признает существования противоположных экономических групп в крестьянской среде, но доходит и до отрицания факта выделения из массы крестьянства слоя неимущих, т. е. факта «народного обеднения», по поводу которого он же сам льет горькие слезы. И это вовсе не случайно сорвавшаяся с пера фраза; нет, г. Южаков никогда не говорит, что масса крестьянства *теперь* превращается в пролетариев,—он всегда указывает только на *опасность* такого превращения в будущем; очевидно и «народное обеднение» вообще представляется ему лишь в виде опасности, а отнюдь не в виде совершающегося факта.

Ясно, как день, чьи интересы защищает «друг русского народа»* г. Южаков. Рисует ли он идиллическую картину «русской мужицкой жизни», плачется ли по поводу «народного обеднения», он постоянно имеет в виду «самостоятельного крестьянина», «хозяйственного мужичка». С точки зрения этого «хозяйственного мужичка» совсем не годится отмечать факт распада крестьянства на противоположные экономические группы, образова-

---

* Так величает себя и себе подобных сам г. Южаков; см. его «Нормы народного землевладения», «Рус. Мысль», 1885, № 9, отд., стр. 1.

ние пропасти между имущими и неимущими в деревне; но хозяйственному мужичку весьма выгодно и приятно попользоваться благодеяниями «мелкого земельного кредита», услугами «крестьянского поземельного банка» и пр., в видах сосредоточения в своих руках возможно большего количества земли; но чтобы добиться этих благ, надо поэксплуатировать факт «народного обеднения» в своих видах, т. е. пролить «достаточное число» крокодиловых слез по поводу падения «народных хозяйств» вообще. И вот идеолог «хозяйственного мужичка» докладывает по начальству о «народных нуждах»: «беднеют и разоряются, ваше благородие,—опасность превращения *массы* в пролетариев *нам* угрожает», и тут же предлагает «программу борьбы со злом». До признания факта «народного обеднения» отсюда, как до звезды небесной, далеко. Попробуйте вы объяснить «другу русского народа», что «народное обеднение», а следовательно и обогащение «хозяйственных мужичков»,—не опасность, угрожающая *нам* в будущем, а явление, совершающееся на наших глазах, что пролетариат народился и растет с каждым днем, что кредитами и банками можно лишь ускорить процесс распада крестьянства на имущих и неимущих, что нужен тут другой способ действия,—«друг русского народа» горячо запротестует и начнет доказывать, что «народ» (т. е. хозяйственные мужички) вовсе не разоряется, что никакого пролетариата и капитализма «нет и покамест быть не может», что в сущности—«все обстоит благополучно»...

Мы очень долго останавливались на первой «теореме» г. Южакова, желая выяснить хоть отчасти основную точку зрения современных народников. Мы не нашли ничего, кроме самых «плоских» противоречий и замазывания, в угоду «самостоятельного крестьянского хозяйства», вопиющего факта распада крестьянства на «имущих» и «неимущих». Источник этих противоречий для нас ясен. О второй «теореме» г. Южакова нам не придется долго распространяться. Причислив всех сельских буржуа и пролетариев, всех более или менее приближающихся к этим двум крайностям земледельцев, «самостоятельных» и несамостоятельных, к лику «крестьян», живущих «трудами рук своих» и пользующихся плодами своих «трудов невинных» безраздельно, г. Южаков делает затем шаг дальше по пути идеализации деревенских отношений, по пути затемнения их сущности; он без малейших колебаний утверждает, что, кроме собственно крестьянских земель, «народное производство» охватывает еще значительную часть земель частновладельческих, что кроме «народного производства на собственной земле» есть еще «народное производство на арендованной земле».

«Народная культура составляет $\frac{9}{10}$ всей культуры страны, между тем как народное земледелие занимает всего $\frac{8}{10}$ площади страны (без государственных земель); с другой стороны, поместное владение, занимающая $\frac{4}{10}$ площади страны, успело занять капиталистическую культуру лишь около $\frac{1}{10}$ всего земледельческого производства. Народное производство не помещается на своих землях и принуждено занимать под свою культуру значительные пространства земель частного владения, тогда как производство капиталистическое обременя-

нено многоземельем и только с небольшою сравнительно площадью может справиться собственными силами, уступая остальное под народное производство или оставляя вовсе невозделанным» («Формы», стр. 38).

«Народное производство на арендованной земле» — что это такое? Народное производство, как определяет его сам г. Южаков, предполагает прежде всего принадлежность «капитала» (земли и орудия производства) тому самому лицу, которое обрабатывает землю своими руками, и работу хозяина *на себя**. Между тем при арендном хозяйстве часть «капитала», именно земля, обособилась от «труда», хозяин возделывает «ниву» на чужой земле, землевладелец не обрабатывает своей земли *сам*, земледелец отдает землевладельцу долю продукта, т. е. работает не только на себя. Каким же образом в представлении г. Южакова мирно уживаются две далеко не одинаковые «формы земледельческого производства», которым соответствуют и две различные формы распределения продукта? Не знаем... Впрочем, ведь, как известно, нет правила без исключений; вполне естественно, что допускает исключение и правило г. Южакова: что же тут особенного? Итак, производство остается «народным» и в тех случаях, когда земля не принадлежит работнику и обрабатывается не собственником ее, т. е. когда часть «капитала» обособилась от «труда», когда продукт делится между двумя различными участниками производства. Примем же эту «поправку» к первой «теореме»: ведь у субъективистов дело никогда не обходится без «поправок», находящихся в вопиющем противоречии с основным положением; так отчего же не допустить подобную же «поправку» и в данном случае?.. «Народное производство» наших народолюбцев *вполне уживается с большим или меньшим отлучением производителя от средств производства*. Такова вторая «теорема» г. Южакова в «развернутом» виде, очищенная от слащаво-приторных елейностей. Спрашивается, до какой же степени может простираться это отлучение производителя от средств производства, а следовательно, и подчинение работника власти землевладельца или капиталиста, — не изменяя самой сущности «народного производства»? Поищем ответа на этот вопрос.

Говорить о крестьянской аренде *вообще*, как о чем-то «гармоническом», ведущем «не к дифференциации, а к ассимиляции», может только тот, кто стоит на мелкобуржуазной точке зрения, кто игнорирует «расслоение» крестьянства, кому дороги лишь интересы «хозяйственных мужичков», кто отворачивается от слабосильного и бесхозяйного. Крестьянскую аренду, подобно всякому другому явлению экономической жизни современной деревни, нельзя изучать иначе, как принимая в соображение распадение крестьянства на экономические группы. С этой именно

* «В русском земледельческом производстве, — говорит г. Южаков, — господствует форма крестьянского производства, т. е. та форма, в которой *труд и капитал не обособились*, работник еще остался хозяином, а хозяин *сам* возделывает *свою* ниву» («Задачи земледельческой политики», «Вест. Евр.», 1884, № 7, стр. 382).

точки зрения и начали ее рассматривать некоторые из народнических исследователей. Результаты получились вот какие. Для различных крестьянских групп земельная аренда имеет совершенно неодинаковое экономическое значение. Можно принять за общее правило, что степень участия крестьян в арендовании частновладельческих и казенных земель прямо пропорциональна степени их хозяйственной самостоятельности, их «благосостояния»: те, которые имеют большой надел и держат большое количество скота, те арендуют и большую площадь внеадельной земли; те, надел которых мал и у которых мало скота, и арендуют незначительное количество земли; словом, чем сильнее крестьянин нуждается в земле, тем меньше она ему доступна*. Таким образом, благодаря внеадельным арендам сила самостоятельной части крестьянства «сливок земледельческой массы» (выражение г. Карышева) растет, относительная же слабость экономически низших крестьянских групп увеличивается; другими словами, внеадельные аренды ведут к расширению пропасти между многоимущими и малоимущими в крестьянской среде, ускоряют и усиливают дифференциацию крестьянства, облегчают хозяйственное торжество одних, хозяйственное поражение других. Следовательно, они оказываются, в конце концов, одними из факторов, подготовляющих крушение «народных хозяйств» менее самостоятельных крестьян³. Для «сливок земледельческой массы», т. е. для народнического «народа», арендование внеадельных земель является средством для поддержания «самостоятельного хозяйства», но только отнюдь не на тех народных началах, которые воспеваются в первой «теореме» г. Южакова. Что же касается низших слоев крестьянского населения, «черни, не посвященной» в таинства «внеисторического мира мужицкой жизни», то для них земельная аренда оказывается не больше как замаскированной, затемняющей «классовое отношение» (*Klassenverhältniss*), а следовательно, и самой вредной (в социальном, экономическом и политическом отношении) формой найма крестьян на работу к крупным землевладельцам; во многих местностях слабосильные крестьяне, снимающие землю исполу и за отработки, по своему социально-экономическому положению приближаются к некоторым рядам немецких земледельческих рабочих и ирландских коттеров^{**}: они сохраняют лишь тень «хозяйственной самостоятельности»⁴.

Но этим не исчерпывается роль аренды в крестьянском хозяйстве. Кроме арендования частновладельческих и казенных земель, среди нашего «единомысленного» крестьянства получает все больше и больше распространение еще другой вид земельной аренды, чисто классовый характер которого бросается в глаза

---

* См. *Н. А. Карышев*, Крестьянские внеадельные аренды, гл. III. («Итоги экономического исследования России по данным земельной статистики», т. II, 1892).

** См. «Землевладение и сельское хозяйство» (статьи из «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*»), М. 1896; ст. *Гольца*, Сельскохозяйственные рабочие. *А. Мануилов*, Аренда земли в Ирландии, М. 1895 г.

с первого же взгляда; это—аренда крестьянских наделных земель крестьянами же: представители экономически высших крестьянских групп, «сливки земледельческой массы», *народнический народ*, «горя любовью братской» к «меньшему брату», снимают наделы у своих однообщинников, связанных с ними теснейшими узами любви, братства, равенства, солидарных интересов, единомыслия, и употребляют эти наделы для расширения своей «народной культуры», для еще большего упрочения своей и без того прочной «хозяйственной самостоятельности». Таким образом, наделная земля беспрепятственно ускользает из рук маломощных крестьян и сосредоточивается в руках «лучших людей деревни», крестьянской буржуазии и кандидатов в оную, т. е. «народа», «друзьями» которого выступают гг. Воронцов, Южаков и им подобные. Мобилизация крестьянских наделных земель, играющая громадную роль в деле обезземеления крестьянской «черни», от которой с чисто буржуазным презрением отворачиваются «друзья русского народа», получила такие угрожающие размеры⁵, что заставила глубоко призадуматься искренних народников.

«Массовая сдача наделов, — говорит один из этих последних, — стала постоянным, ежегодно повторяющимся явлением, в силу чего значительное число наших наделных домохозяйств надо считать фактически безземельными». Сдача наделов в аренду может считаться последним шагом в деле падения самостоятельного крестьянского хозяйства, а многочисленность случаев такой сдачи дает основание бояться, что и в России будут скоро применимы слова аббата Розье. *«Обязанные земли называются достоянием бедных; скорее следовало бы назвать достоянием богатых»...**

И это зловещее предсказание вовсе не пустая фраза; здесь указывается на вполне жизненное явление; здесь констатируется факт величайшей важности: крестьянская буржуазия, нарождение которой кажется г. Южакову лишь «возможным и вероятным при наличных условиях», успела не только вырасти, но до известной степени и «просветиться». Посмотрите на наш юг:

«Более зажиточная группа крестьян таврических уездов** — говорит исследователь, отнюдь не зараженный еретическими воззрениями, — не только пользуется большим размером наделной пашни и угодий, что может происходить вследствие большого состава семей, но в то же время она является и наиболее покупающей землю и наиболее ее арендующей. Таким образом мы видим здесь с одной стороны группу крестьян***, которая не может управиться с собственной, относительно небольшой, наделной пашней, и значительную часть ее сдает в аренду своим зажиточным односельцам, с другой — группу крестьян****, которая, имея значительную площадь собственных земель, еще и много арендует земли и ведет широкие посевы, пользуясь в значительном размере наемным батрацким трудом, доставляемым ей теми же беднейшими односельцами. Такая неравномерность в зажиточности отдельных (групп?) крестьян существует и повсюду в наших селениях, но Таврическая губерния представляет ту особенность, что в ней зажиточная группа крестьян очень многочисленна, она составляет около 1/5 части всего сельского населения. Это обстоятельство имеет здесь громадное влияние на весь склад крестьянского хозяйства и быта.

* *Ж.*, Аренда крестьянских наделов («Рус. Мысль», 1893, № 3, стр. 1, 9).

** Бердянский, мелитопольский, днепровский 77.

*** Не сеющие и засевающие до 10 дес.

**** Засевающие 25—50 и более десятин.

Если во многих селениях производят теперь уборку хлеба и молотьбу его машинами, то потому, что такие машины имеются здесь у зажиточных крестьян. Последние это, бракуя свой инвентарь, продают его своим же односельцам, и вот почему такая масса здесь улучшенных орудий, даже у беднейших крестьян. Если на мирских сходах значительное влияние имеют здесь по преимуществу зажиточные домохозяева, то потому, что они весьма многочисленны. Влияние это во многих отношениях, впрочем, сказывается не к худшему. При многочисленности и разнообразии зажиточного класса, он здесь далеко не представляет столь обычного в средней России типа сельского кулака. Напротив, во многих случаях этот класс дает культурные семьи, отличающиеся строгими нравственными правилами, читающие газеты и журналы. Богатей села во многих случаях здесь и лучшие крестьяне. В этом может убедиться всякий турист при самом беглом наблюдении здешнего сельского быта*.

Итак, «крестьянская аренда» представляет собою явление очень сложное. Хозяйственное значение ее для различных групп крестьянского населения соединено неодинаково. В экономике русской деревни она играет роль фактора, сильно ускоряющего процесс распада крестьянства на имущих и неимущих, подготавливающего капитализацию мелкого земледельческого производства. Вот общее заключение, к которому приводят исследования многих народнических писателей разных оттенков.

Что же говорит по данному вопросу г. Южаков? Он говорит совершенно противоположное тому, о чем свидетельствуют факты, добытые и разработанные названными исследователями. Решительно отвергая существование классовых разделений в среде крестьянства, г. Южаков рассматривает и крестьянскую аренду как явление однородное, простое, и приходит к выводу, что она служит для покрытия дефицитов в крестьянском хозяйстве и что развитие ее свидетельствует о торжестве «народного производства» над капитализмом.

В данном случае г. Южаков является последователем г. Воронцова, у которого учение о побивании «народом» капитализма при помощи «народной аренды» доведено до самых уродливых крайностей. Г. Воронцов рассуждает в таком духе: Русский «народ» — вполне сознательный деятель истории. Он в глубинах своего духа от века носит внушенный ему откуда-то свыше идеал общественного устройства, основанного на самостоятельном хозяйстве, мелком, «народном» производстве, и стремится воплотить его в жизнь возможно полнее. Одушевляемый этим идеалом, он во всю пореформенную эпоху неутомимо «боролся за высшую форму общественно-экономического прогресса», за дальнейшее развитие «зачаточного, но великого строя», каким представляется современный крестьянский быт. Он «задался целью уничтожить все старания привилегированных классов насадить крупное производство, решился вырвать из рук помещиков» сельскохозяйственную промышленность. И вот мелкое хозяйство на всех пунктах торжествует над капиталистическим: народ не сегодня-завтра совсем «прикончит» ненавистного, но уже издыхающего врага. Какими же силами и средствами одерживает он столь блистательную победу над страш-

* В. Е. Постников, Южнорусское крестьянское хозяйство, стр. 146 (М. 1891).

ным противником? Увы, она стоит ему страшно дорого— в тысячу раз дороже, чем стоили Пирру победы над римлянами: народ задумал *«непомерно высокой арендной платой»* отбить у землевладельца охоту самому заниматься хозяйством; несмотря на *«непомерную платежную тягость, подмывающую его освободиться от бремени, связанного с ролью самостоятельного хозяина»*, он не только не забросил землю, но и *«решился взять на себя еще лишние расходы, лишь бы сохранить»* хозяйственную самостоятельность, а именно, *«вместо того, чтобы пойти в батраки на верное обеспечение, он предпочел получить то же батрацкое содержание, но под флагом доходов от самостоятельного хозяйствования, т. е. при условиях, когда он рискует не получить ничего»**. В переводе с фальсификаторского языка, на котором написаны все произведения г. Воронцова, на русский, это значит, что крестьянин в борьбе за *«полугодное существование, за жалкую корку хлеба»*, попал в положение батрака самого худшего сорта, т. е. утратил всякую *«хозяйственную самостоятельность»*. Чтобы заглушить этот вопиющий факт, г. Воронцов сперва выставляет наше голодное, забитое, бесправное, невежественное крестьянство борцом *«за высшую форму общественно-экономического прогресса»* и таким образом доходит до возмутительного надругательства над страдающим народом, до какого ни один даже крепостник никогда не доходил. Но этого знаменитому фальсификатору русской экономики показалось мало: восхваляя народное разорение, он не стыдится еще утешать при помощи пошлейших нравоучений избитый и обобранный народ, говоря, что ему нечего обижаться и жаловаться на свою судьбу: *«Зато он (т. е. народ) имеет нравственное удовлетворение и сослужит великую службу будущему своей родины, устранив с ее почвы капиталистическое земледелие»***. Учиняя такое надругательство над общипываемым мужиком, г. Воронцов вместе с тем открывает в нем удивительнейшую способность—одер-

* В. В., Судьбы капитализма в России, Спб. 1882, стр. 197—8, 163—4, 288—9.

** «Судьбы», etc., стр. 289. Взгляд г. Воронцова на крестьянскую чернь имеет разительное сходство со взглядами Изуверова, фигурирующего в «Игрushечного дела людинах». Припомните сцену общипывания «мужичка» Мзодимцем. «Этот мужичок у меня для «представлений» служит,—объяснял после этой сцены Изуверов.—Сам по себе он персоны не обозначает, а коли ежели силу души кому показать нужно, так складнее нарня не ссыкать!..» И действительно, «мужичок» принимал эти «представления» как должное, имея «нравственное удовлетворение»: «Мужик был сильно помят, но повидимому нимало не огорчен. Он понимал, что исполнил свой долг,—и только потихоньку встряхивался». (Щеорин, 23 сказки, изд. 2-е, Спб. 1887, 73). Вот такие-то «представления» с общипыванием «мужичка» и идеализирует г. Воронцов, изображая их в виде борьбы народа за социальный идеал. Все рассуждения гг. Воронцова и Изуверова проникнуты буржуазно-крепостническим презрением к обираемому мужику: «Ион достанет!». Впрочем г. Воронцов относится таким образом только к мужичьей черни; напротив в его отношении к «хозяйственному мужичку» проглядывает чисто отеческая нежность.

Заметим мимоходом, что в этой теории г. Воронцова нетрудно отыскать все элементы теории так наз. «рыцарей накопления», «активных марксистов», которых описывают гг. Михайловский и др. «Своя своих не познаша!»...

живать над врагом победу посредством собственного страшного поражения, превращаться в нечто худшее, чем простой батрак, и в то же время оставаться носителем народной культуры, «покупать себе независимое существование» ценой потери хозяйственной самостоятельности. «Арендатор», получающий «батрацкое содержание», да и то необеспеченное, крестьянин, не имеющий собственной земли и отдающий землевладельцу почти весь продукт, фигурирует у г. Воронцова в качестве «самостоятельного хозяина»! Итак, «народное производство» вполне мирится с принадлежностью земли и продукта неработнику и с самой чрезмерной эксплуатацией рабочей силы земледельца. Эту чрезмерную эксплуатацию г. Воронцов всеми силами старается замазать благозвучными фразами.

Во-первых, крестьянин, утративший хозяйственную самостоятельность в борьбе даже и не за батрацкое, а прямо за нищенское «содержание», выставляется у г. Воронцова победителем, героем, пользующимся всеми плодами победы, а землевладелец, «выжимающий из крестьян наивысшую арендную плату» («Судьбы», стр. 164), изображается побежденным, потерпевшим, страждущим. Во-вторых, помещик, «нанимающий себе рабочего с вознаграждением его частью урожая или землею», под волшебным пером г. Воронцова превращается в *благодетеля* крестьян, «берущих у него землю с уплатой ренты частью урожая и отработками» (см. примечание 4). «Домашняя» форма крупного земледелия (так называет г. Воронцов эту «форму земледельческого производства», причисляя ее к мелкой, «народной культуре») сама основана на мелком хозяйстве и в некотором отношении *служит для поддержания* последнего». Дело, видите ли, в том, что, «нанимая мелкого хозяина для обработки своего поля, *владелец, так сказать, участвует в издержках по содержанию его инвентаря*»*. Так сказать, участвует... Выходит, что не рабочий работает на землевладельца, а землевладелец на рабочего. Очень хорошо сказано, жаль только, что не ново: все это на тысячу ладов повторяли западноевропейские вульгарные экономисты гораздо раньше самобытного русского ученого. Такова первая «услуга», которую оказывает землевладелец «самостоятельному» крестьянину. Но его доброта простирается еще дальше:

«Крупный хозяин в России *поддерживает мелкого производителя* еще другим, более прямым путем (*слушайте, слушайте!*): он дает ему землю, если своей у того недостаточно. Дело в том, что где у крестьян черноземной полосы слишком мало земли, там они бросают самостоятельное хозяйство и на лето отправляются в степи, рассчитывая на хорошие заработки при уборке хлебов... Легкость, с какою русский крестьянин снимается с места, имеющая своим результатом отлив рабочих из перенаселенных губерний, является значительным препятствием развитию капиталистического земледелия. Чтобы иметь достаточное число батраков, владелец должен удерживать крестьян на месте высокой заработной платой; но это он считает для себя невыгодным; в таком случае у него остается другой путь: удержать малоземельного крестьянина, увеличив его запашку до размеров, при которых можно вести *самостоятельное хозяйство*, дать ему в аренду землю, которой у него нехватает, и потребовать уплаты за нее трудом». Таким образом землевладельцы «должны отделить

* В. В., Что делается в крупном хозяйстве?, «Север. Вест.», 1886 г., № 2, стр. 33.

часть своих угодий для *поддержания мелкого хозяйства*,—иначе они лишатся рабочих рук»*.

Вульгарный экономист выступает здесь пред нами во всей своей красе и силе. Подумайте только: прикрепление *наемного рабочего* к клочку земли, даваемому в виде заработной платы, выставляется «поддержанием» самостоятельного хозяйства; очень выгодная для землевладельца система обеспечения своего хозяйства наемной рабочей силой (система, которую затемняется «классовое отношение») и рабочий связывается по рукам и по ногам) изображается вынужденным пожертвованием с его стороны в пользу «самостоятельного хозяина», превращение малоземельного крестьянина в батрака преобразуется в торжество мелкого хозяйства над крупным! Ведь это все равно, что утверждать, будто ростовщик, обдирающий мужика, оказывает ему «благоденствие», «поддерживает» его, «так сказать», «участвует в его содержании»...

Но г. Воронцов этим не ограничивается: непреодолимая сила толкает его все дальше и дальше по пути фальсификации экономических отношений. Ведь на то он и вульгарный экономист: жизнь выдвигает все новые и новые явления, разбивающие его гармоническую теорию,—надо же их замазывать!.. И вот, обезземеливши своего «самостоятельного хозяина», г. Воронцов без малейших колебаний «решается» отобрать у него и последнюю лошадинку. Производится эта операция опять-таки под покровом борьбы за идеал. Русский мужик оказывается, извольте видеть, принципиальным противником «закона общественного разделения труда», который пытаются *ввести* в России «привилегированные классы»; как ни силятся гг. Иауверовы обобрать мужика дочиста, специализировать его занятие,—он продолжает придумывать все новые и новые формы «самостоятельного хозяйствования», приспособленные к обстоятельствам; благодаря такой необычайной изобретательности своего ума, мужик вполне гарантирован от превращения в пролетария. Пусть совершается в самых широких размерах обезлошадение крестьянства,—это ровно ничего не значит, это даже лучше: «ион достанет!» Крестьянство «уже озабочено отыскиванием форм, не требующих сохранения полного земледельческого инвентаря»; «опираясь на принцип соединения занятий», безлошадные создают «новые формы сельско-хозяйственного производства, доступные и им, безлошадным земледельцам»!.. Обезлошадение не только не мешает крестьянину сохранять свою хозяйственную самостоятельность, но и побуждает его переходить к «кооперативному», «артельному производству», «с дележом продукта»**. Итак, да здравствует обезлоша-

* Там же, стр. 33—34.

** В. В., Из области крестьянского хозяйства», «Наблюдатель», 1885 г., № 7, стр. 158, 159—160, 164. «К сожалению,—признается г. Воронцов,—мы не имеем никаких данных для того, чтобы судить о силе этой новой струи народной жизни, так как проявления ее *крайне мелки*» (стр. 160). Это впрочем несколько не мешает ему категорически утверждать, что Россия идет самостоятельным «путем развития» Таким образом, по откровенному заявлению автора, не существует *никаких оснований* для того «никогда оптимистического отношения» к обезлошадению, которое он ставит себе в заслугу (стр. 164).

дение, ведущее нас, минуя «промежуточные стадии», на которых застряла Зап. Европа, прямо к «обобществлению»!.. Безземельный и безлошадный крестьянин фигурирует в качестве «самостоятельного хозяина»,—разве это не диво? Но, читатель, держитесь правила «nil admirari», помните, что вы имеете дело с вульгарным экономистом, и не изумляйтесь, когда г. Воронцов причислит к лику «самостоятельных хозяев» еще и бесхозяйного, бездомового, «вольного как птица» крестьянина, ведь занятие фальсификацией—специальность нашего знаменитого писателя!..

Возвратимся к г. Южакову. О нем нам немного уже остается сказать. В качестве мыслителя несамостоятельного он не мог подняться до такой головокружительной высоты, как его учитель. Не обладая поистине удивительной смелостью г. Воронцова и чувствуя свое бессилие, г. Южаков не «мудрствует лукаво», не выдумывает теорий для перетолкования побивающих его фактов в свою пользу, а просто-напросто отрицает эти факты. Сущность дела от этого несколько не изменяется: умалчивая о распадении крестьянства на классы и рассуждая о земельной аренде, как о факторе, поддерживающем «народное производство», он, точно так же как и г. Воронцов, замазывает противоположность между хозяйственным мужичком и бесхозяйным или слабосильным мужичком, изображая первого живущим трудами рук своих, последнего—самостоятельным хозяином. Это—обычный прием всех буржуазных публицистов.

Скажут, быть может, что цитированные нами статьи гг. Южакова и Воронцова написаны лет 10—15 назад, когда факты, противоречащие их теориям, были известны мало или по крайней мере еще не получили себе надлежащего объяснения, но что теперь, когда эти факты сделались достоянием всей нашей экономической литературы, гг. Южаков и Воронцов изменили свои взгляды. Однако на деле это совсем не так. Достаточно припомнить полемику субъективистов против гг. «матерьялистов», т. е. людей, все мирозерцание которых построено на классовой идее... Так г. Южаков обвиняет «г. матерьялистов» в том, что они хотят будто бы «разорить народ капитализмом» и «насадить» у нас такой страшной ценой «высшую культуру»*. Еще яснее высказывается в этом же смысле г. Воронцов. «В России... пролетарий тонет в массе крестьянства, и потому служение идее пролетариата требовало бы обездоления большей части населения страны»**. Субъективисты всегда остаются

---

* «Из внутренней хроники». «Русск. Богатство» 1895 г., № 2, стр. 176—177.

** «Очерки теоретической экономии», Спб. 1895 г., стр. 256—257. Под «крестьянством» г. Воронцов понимает «самостоятельных хозяев», а под именем «самостоятельных хозяев» у него попрежнему фигурируют безземельные (но о безлошадных он уже умалчивает—как будто их и не бывало никогда на Руси!). Так как, рассуждает наш экономист, так как «самостоятельный земледельческий промысел есть последнее прибежище трудящегося человека в России», то «он и не может быть вырван из рук мелко производителя. Можно допустить, что община рухнет и что крестьянство обез-

субъективистам: об ожидаемом и желаемом они говорят как о настоящем, а о настоящем—как об ожидаемом и желаемом. В настоящем они не видят никаких зародышей капитализма, никакого «обездоления» крестьянства, никакого возвышения над массой «хозяйственных мужичков». Настоящее представляется им каким-то народным раем, которое вздумали разрушить «гг. матерьялисты», желающие «насадить» в России капиталистический ад. Как видим, «друзья русского народа» ничему не научились и ничего не позабыли...

Полемика против «матерьялистов» обнаружила весьма ярко всю буржуазность воззрений новейших народолюбцев. Чем громче вопиют факты против гармонических теорий, тем упорнее наши субъективисты замалчивают эти факты, или же открыто объявляют их выдумкой, или же, наконец, отрицают всякое социальное значение их. И тот, и другой, и третий «полемический прием» свидетельствует о буржуазном презрении субъективистов к «бесхозяйному», о полном их нежелании не только защищать его интересы, но даже и отделять их от интересов «хозяйственного мужичка», о существовании крепчайших уз «равенства, братства, солидарности, ассимиляции», связывающих современное народничество с крестьянской буржуазией, с ее интересами, ее воззрениями, стремлениями. Отождествление буржуазии с «народом», сознательное или бессознательное игнорирование классовых разделений, пренебрежение к действительно трудящимся, пристрастие к туманным, лишеным конкретного содержания фразам насчет «единомысленного пребывания», «народного производства» и тому подобных умилительно-идиллических штук, боязнь взглянуть в глаза действительности—это черты, в высшей степени характерные для всех буржуазных ученых и публицистов как западноевропейских, так и восточноевропейских. Наши самобытники, мнящие себя воплощением чистого разума, носителями абсолютного идеала, живущими и действующими вне пространства и времени, постоянно толкующие о «необязательности» для России западноевропейских путей развития и о необходимости озаботиться скорейшим отысканием нового, самостоятельного пути, в действительности на каждом шагу только воспроизводят с поразительной точностью буржуазную Европу. Печально... для них. Полемика гг. субъективистов с гг. матерьялистами служит не больше как литературным отражением сознательной и провозглашенной уже «розни» между «хозяйственными и бесхозяйными»...

вемелится, но и обезземеленные они будут обрабатывать чужую землю в качестве самостоятельных хозяев» (стр. 238). Итак, никакого пролетариата даже и быть не может в мужичьей России, ибо русский мужик и после падения его хозяйственной самостоятельности *сумеет* остаться «самостоятельным хозяином: «Ион достанет!..»

Г. Южаков благосклонно допускает, что «разорить народ капитализмом можно и у нас», но он полагает, что «гг. матерьялистам» «едва ли удастся» насадить этим путем «высшую культуру» в России (там же). Факт обездоления крестьянской массы *в настоящем* игнорируется и г. Воронцовым и г. Южаковым.

III

Далеко подвинулся процесс социальной дифференцировки, окончательно расшатавший все старые устои и заложивший прочный фундамент для новых экономических отношений, пробил страшную брешь в народническом миросозерцании. Народнические формулы и идеалы и прежде не соответствовали действительности; теперь же, когда жизненные отношения чрезвычайно усложнились, это несоответствие обнаружилось в высшей степени ярко. Разорвалась субъективная завеса, скрывавшая от глаз людей историческую действительность со всеми ее противоречиями, антагонизмом, борьбой. Нужно было согласовать теорию с жизнью, а для этого представлялось два пути: во-первых, можно было, еще тщательнее закрывая глаза субъективной повязкой, оставить старые идеалы и формулы, наполнив их новым социальным содержанием, т. е. выбравши более соответствующий им уголок жизни и выбросивши за борт все остальное; так поступили между прочим гг. Воронцов и Южаков: они стали на сторону «самостоятельных хозяев» новой эпохи и отвернулись с презрением от слабосильных и бесхозных; в их лице народничество как движение идеологическое превращается в смердящий труп; во-вторых, можно было усвоить новую, классовую точку зрения на социальную жизнь и переработать все свое миросозерцание на новых началах. Выбор того или другого пути зависел от многих обстоятельств, из которых главное—принадлежность выбирающего к известному общественному классу по своим социальным симпатиям.

Мы охарактеризовали некоторые основные воззрения представителей первого направления; чтобы еще больше оттенить характер новейшего народничества, мы покажем на примере двух писателей (далеко не самых ярких), как под влиянием экономической эволюции в деревне изменялись постепенно воззрения народников в другом направлении, как из недр старого народничества выходило то еретическое миросозерцание, которое приводит теперь в ярость приверженцев народнического староверия. Один из этих писателей, покойный И. Анисимов, усвоил новую точку зрения лишь при изучении отдельных вопросов деревенской экономики; но экономическая эволюция не затронула основных его воззрений на общество, государство и т. д.; однакож это не помешало ему бросить на экономические отношения деревни совсем не народнический свет.

Ставши на новую точку зрения, Анисимов разглядел прежде всего, что крестьянство—вовсе не однородное целое:

«В течение последнего двадцатилетия,—так начинает он свою статью—у нас успел образоваться к услугам капитала громадный избыток рабочих рук... В ряду ненормальных (?) явлений в жизни народа особенно заметны усилившееся за последние годы переселенческое движение среди крестьянства, появление массы бесхозных и безлошадных крестьян, господство над массой крестьянства разного рода кулаков, закабаление кустарей и пр.; но... самым важным из этих явлений необходимо признать начавшееся

обезземеление крестьянского населения)*. Явления эти свидетельствуют отнюдь не о поголовном обеднении крестьянства, а напротив—об *обогащении* немногих на счет *разорения* многих, т. е. именно об образовании противоположных социально-экономических групп в деревне:

«Весьма характеристическою особенностью экономического строя современной деревни» является «возникающее в ней *крайнее неравенство имущественных состояний*» «мы видим... с одной стороны *меньшинство, накапливающее и сосредоточивающее в своих руках все большие и большие средства производства*, а с другой—*большинство, окончательно утрачивающее свою хозяйственную самостоятельность*» (стр. 121).

Анисимов стоит в данном случае на классовой точке зрения: рассматривая разложение старого экономического быта, он имеет в виду не сплошную, однородную крестьянскую массу, в действительности и не существующую, а различные группы крестьянского населения; с этой точки зрения влияние процесса разложения оказывается совсем не таким однообразно простым, каким оно представляется большинству народников,—нет, для отдельных крестьянских классов он приводит к совершенно противоположным результатам: одни экспроприируются, в руках других средства производства сосредоточиваются. Таким образом новая точка зрения дала Анисимову возможность разглядеть то, чего не видят безусловные субъективисты, а именно, что на развалинах прежних *форм производства* нарождаются новые, носящие классовый, антагонистический характер:

«Резко бросающееся в глаза наблюдателя неравенство имущественных состояний» в современной деревне «выражается с одной стороны в массе дворов бездомовых, безземельных, бросивших хлебопашество, безлошадных, стоящих на самом низком экономическом уровне, и с другой—в незначительном меньшинстве, скопляющем в своих руках все большие и большие *средства производства* и эксплуатирующем первых. *Само собой разумеется, что о солидарности интересов этих двух групп населения не может быть и речи. Стремления и цели одной являются здесь совершенно противоположными стремлениям и целям другой группы*; следовательно, присущие общине, при нормальном ее состоянии, *благотворные внутренние отношения не могут уже иметь места или по крайней мере являться господствующими*; на место их воцаряется *рознь, господство силы над правом и над обычаем*; нравственное влияние общины на отдельных своих членов уступает место влиянию иного рода, и уже отдельных, сильных экономически лиц, которому и ей самой нередко приходится подчиняться» (стр. 131—132).

Эта рознь проявляется не только в общинной жизни, но и в сфере «земледельческого производства»: изменяется самая форма эксплуатации большинства меньшинством, кулак превращается из ростовщика в предпринимателя-капиталиста, т. е. овладевает процессом производства.

«По мере того как патриархальный ростовщик-кулак, обогащаясь мало-помалу на счет своего ближнего, расширял средства своего производства, положение массы становилось все хуже и хуже». И вот, благодаря усилению «влияния и господства над массой обогащавшегося меньшинства», «благодаря все большему и большему сосредоточению капитала в руках последних, первоначальный способ обращения (капитала)—ростовничество—оказался сравнительно малоходным и притом до известной степени рискованным. Поэтому представлялось гораздо более выгодным и целесообразным дать ему

* И. Анисимов, Разложение нашей земельной общины», «Вест. Евр.», 1885, № 1, стр. 111.

иного рода назначение, а именно—*расширить* путем его приложения *сферу хозяйственно-экономической деятельности*. Рядом с этим изменением в способе обращения капитала изменилась конечно и самая форма эксплуатации нуждающегося большинства: если до сих пор оно эксплуатировалось в качестве заемщика... то *теперь стало уже эксплуатироваться как рабочая сила*; эта последняя форма эксплуатации... выразилась в *неимоверно быстро распространяющемся у нас в последнее время уродливом явлении—закабалении труда при страшном его обесценении во всех без исключения отраслях промышленности*» (стр. 124).

Нарождается крестьянская буржуазия,—эта вдохновительница современных народников, их идеал,—и заставляет служить себе самую общину, эту хранительницу высшей, «внеисторической» справедливости, «естественного права», эту сокровищницу трудовых начал, это «противоядие возникновению пролетариата».

«Как экономические, так и юридические условия современного положения общины... действуют *исключительно* в интересах наиболее богатой и обеспеченной части населения, в интересах нарождающейся у нас как сельской, так и городской буржуазии: первые служат ей тем, что силою вещей заставляют крестьянина бросать земледельческое хозяйство и устраняют его от земли, сосредоточивая последнюю в руках наиболее сильных соперников в борьбе за материальные средства существования; вторые же тем, что, обезличивая общину в распоряжении принадлежащей ей земельной собственностью в пользу отдельных лиц, являются в руках последних орудием отторжения общинной собственности—с одной стороны находящейся в пользовании бесхозяйных членов общины, с другой—находящейся в их непосредственном пользовании» (стр. 156—157). Таким образом описанный процесс разложения старого, *идуций рука об руку с нарождением нового, кусел уже пошатнуть* самые коренные устои общинного владения» и не «грозит в будущем перевернуть», как утверждает автор, боясь произнести роковое слово, а (как следует из всего сказанного им) уже перевернул «вверх дном весь строй внутренних отношений» общины (стр. 156). Это—«явление далеко не местное: оно *замечается всюду; ...стремление сельской буржуазии к захвату общинных земель* обнаруживается с большей или меньшей силой и настойчивостью и в губерниях черноземной России, и в губерниях ее промышленной области, и в губерниях северных и приволжских» (стр. 155).

Какой резкий контраст представляет эта картина экономической борьбы в деревне с той мирной картиной патриархально-идиллических отношений, какую рисуют гг. Южаков, Воронцов, etc. l.. К сожалению, Анисимов смотрел на нарисованную им картину, как на что-то «ненормальное», случайное, не вызываемое игрою всей совокупности реальных общественных сил: идея законосообразности общественных явлений была чужда ему.

Гораздо более широкое влияние оказал экономический переворот на воззрение другого из взятых нами писателей—Н. О. Лобачевского (псевд.). Лобачевский признал факт начинающегося распада крестьянства на классы за вполне «жизненное явление» и взял его за исходный пункт для исследования вопроса о расширении крестьянского землевладения при помощи операций Крестьянского банка; это дало ему возможность ориентироваться в современных экономических отношениях деревни и с необычайной для народника проицательностью оценить роль Крестьянского банка и его влияние на экономическую эволюцию. Разбирая устав этого банка (еще не начавшего свои операции), Лобачевский задался вопросом, в каком направлении будет новое учрежде-

ние действовать на тот процесс разложения старых экономичес-ских устоев и рождения новых, который совершается в недрах деревни?

Дело в том, что «крестьянство не есть вполне однородная масса по своему благосостоянию»: из нее выделяется с одной стороны класс пролетариев, который быстро растет, с другой—класс крупных крестьян: «В самом крестьянстве развивается не общинная и мелкая частная собственность, а средняя и крупная». Крестьянский банк только ускорит этот процесс распада крестьянства на противоположные группы: организация его «такова, что им воспользоваться могут только те крестьяне, которые сами уже имеют значительные средства... Банк будет лишней силой, действующей в том же направлении, как и существующие экономические силы». «Банк имеет экономическую цель—создание среднего зажиточного крестьянства, наподобие немецкого», т. е. крестьянской буржуазии; он «будет образовывать крестьян-помещиков, т. е. таких землевладельцев, которые никоим образом сами не могут обработать своей земли», и пр.*.

Слова—глубоко поучительные для «сплошных» народников (гг. Воронцова и Южакова в том числе), которые толкуют о благотворных результатах деятельности банка: эти результаты выражаются в увеличении пропасти между многоимущими и неимущими, пропасти, которой не зрят равнодушные очи... Далее, новая точка зрения помогла Лобачевскому разглядеть истинный характер стремлений тех «народных друзей» (вроде кн. Васильчикова), которые в конце 70-х годов выступали с проектами организации мелкого кредита для крестьян—проектами, приводившими в восторг народников. В них он нашел «двойственное отношение к коренному вопросу общественного благосостояния, каков аграрный вопрос».

«С одной стороны признается важность и неотложность мер, клонящихся к расширению крестьянского землевладения: кн. Васильчиков весьма недвусмысленно высказал, что «сельский пролетариат зарождается в России и растет быстро» С другой стороны, высказываются мысли, явно противоречащие поставленному вопросу, вроде того, что «увеличение мелкого землевладения делается, даже при содействии ему, так медленно, что в довольно значительный промежуток лет нельзя подметить от этого значительного влияния», вследствие чего нельзя «опасаться» повышения заработной платы» (стр. 24). Такая двойственность «показывает, что авторы проектов... *слишком заботливо относятся к тем интересам*, для которых опасна полная хозяйственная независимость крестьян**»; нельзя... не удивляться ничтожеству предлагаемых мер, тому вниманию к интересам частного землевладения, которое побуждает самих сторонников высказываться относительно важности проектируемой меры; нельзя не удивляться наконец... прямому желанию эксплуатировать идею мелкого земельного кредита в пользу крупного землевладения» (стр. 25, 26).

Так может говорить только истинный защитник интересов трудящегося люда: он никогда не отождествит их с интересами нетрудящихся...

* «По поводу вопроса о мелком поземельном кредите», «Отеч. Зап.», 1883, № 3, стр. 37, 38, 35, 32.

** К этим «интересам» заботливо относится и г. Южаков: он старается доказать, что они вполне солидарны с интересами самостоятельных крестьян: «В настоящее время,—говорит он,—в России интересы землевладельца и земледельца тесно связаны» («Зад. земл. пол.», «В. Е.», 1894, № 7, стр. 395; ср. стр. 395, 388, 390). Что касается г. Воронцова, так он идет еще дальше—прямо объявляет землевладельца благодетелем земледельца, принужденным подчиняться требованиям последнего (см. выше).

Правда, Лобачевский осветил с новой точки зрения только один из вопросов «мужицкой жизни»; но уже этого достаточно, чтобы выдвинуть его из массы народников-староверов. Зато Лобачевский сделал в высшей степени важный шаг вперед в другом отношении: он возвысился до понимания *закономерности* социальных явлений, в которых правоверные субъективисты искали и ищут только целесообразности. Как мы знаем, субъективисты отрицают социальную эволюцию: на исторический процесс они смотрят как на сплошной ряд «ошибок», как на результат «бессмысленной и безнравственной» игры сверхъисторических сил. Все оценивая на свой субъективный аршин, на все перенося свои собственные качества, они и историческому процессу ставят свои собственные цели (как в прошлом, так в настоящем и будущем), подсовывают историческим событиям свои субъективистские тенденции, навязывают историческим деятелям свои собственные желания и стремления; а так как их цели и идеалы не имеют никакого отношения к историческому процессу, так как исторические события имеют смысл совершенно отличный от того, какой вкладывают в них субъективисты, так как исторические деятели руководствуются своими, а не субъективистскими соображениями, то все в истории и представляется субъективистам результатом «ошибки», «случайности» и т. п. только потому, что их цели не достигаются, их желания и надежды не оправдываются. Припомним, напр., как смотрят субъективисты на крестьянскую реформу. По их мнению, деятели этой реформы, являвшиеся в действительности лишь представителями господствующих интересов, затронутых ею, одушевлены были страстным желанием устроить крестьянский быт именно так, как это желательно для субъективистов, но вследствие простого недоразумения, не сумевши рассчитать средства с целью, устроили его совершенно не так: *по ошибке* установили страшный выкуп за землю, *по недосмотру* отрезали у крестьян половину их земель, и т. д.; аналогичные *ошибки* «допущены» были и при проведении реформы в жизнь. Таким образом одно из величайших исторических событий,—крестьянское освобождение, *как оно совершилось в действительности*, в качестве результата взаимодействия реальных общественных сил, в качестве продукта борьбы интересов социальных классов, господствующего и угнетенного,—объясняется субъективистами чисто по-ребячески; они видят в нем просто лишь плод «недосмотра», «ошибки», «недоразумения» со стороны исторических деятелей... Другой пример: нашим субъективистам сильно хотелось, чтобы крестьян наделили вполне достаточным количеством земли. Долго обращались они с мольбами и заклинаниями на этот счет к разным надсоциальным, т. е. фантастическим существам, и ожидали пришествия всеблагого и всемогущего «мы», который исполнил бы их желание... Но вот наконец блеснул как будто луч надежды: по соображениям, ничего общего с мечтаниями народников не имеющим, основан был Крестьянский банк. Субъективисты возликовали: они тотчас же решили, что социальные фетиши, сверхисторические силы, к которым они взывали, услышали их мольбы

и задалась целью осуществить народнические мечты... Само собой разумеется, что на деле оказалось совсем не то. И вот, когда обнаружилось, что банк действует далеко не согласно с народническими желаниями, то гг. субъективисты начали объяснять это просто лишь «недосмотром»: для достижения «цели», видите ли, избраны были не совсем подходящие средства... Такого рода примеров можно найти громадную массу в народнической литературе. От этой-то ребяческой «теории ошибок», основанной на отрицании законосообразности в общественной жизни, и отстранился отчасти Лобачевский, отстранился именно благодаря тому, что попытался взглянуть на социальные явления с классовой точки зрения. Он вооружился против изложенных выше взглядов на значение Крестьянского банка, понимая, что в общественной жизни господствует не случайность, а закономерность, не произвол, а необходимость, и что, значит, сочинением «программы борьбы со злом» тут ничего не поделаешь. «Г. Ходский, — писал Лобачевский, — говорит о недостатках «Положения» (о крестьянском поземельном банке) в таком духе, как будто они составляют непредвиденные промахи, и что стоит только разъяснить дело, как все эти недостатки рано или поздно исчезнут. Но ведь недаром литература перетирала этот вопрос в течение пяти лет» (Ц., стр. 35). Лобачевский видел, какая пропасть отделяет народнические мечтания от реальной действительности, и, что особенно важно, полагал, что эта пропасть вовсе не непредвиденная случайность, а, напротив, естественно необходимый продукт игры «интересов, для которых опасна полная хозяйственная самостоятельность крестьян»... Это вполне рациональный взгляд на дело, сближающий автора-народника с новейшими антагонистами народнического староверия. К сожалению, дальше этого Лобачевский не пошел: бросивши вскользь в высшей степени плодотворную идею, он дал совершенно субъективистскую оценку вышеупомянутым интересам и ударился в шаблонные народнические мечтания... Несмотря на всю элементарность высказанной Лобачевским мысли, она оказалась совершенно невразумительной для народников-староверов, сотрудничавших с ним в одном журнале. Это показывает следующий факт: статья Лобачевского, которую мы цитировали, напечатана в мартовской книжке «Отеч. Зап.» 1883 г., а в апрельской книжке г. Кривенко уже развивает, как ни в чем не бывало, старую теорию «непредвиденных промахов»: «Банк... вероятно далеко не оправдает возлагавшихся на него надежд — вследствие «ошибок, вкравшихся в его организацию» («Отеч. Зап.» 83, № 4, стр. 258). Но этого мало: всего любопытнее то, что в подтверждение своих слов г. Кривенко ссылается на Лобачевского: «В прошлом № «Отеч. Зап.», в статье г. Лобачевского, говорилось по этому (поводу) довольно обстоятельно». Бедный г. Кривенко, — он даже и не подозревал, что Лобачевский не только не поддерживает его, а «дочельно обстоятельно», побивает!

А. Санин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Человек молодой, начинающейся культуры вступает в жизнь с *крайним субъективированием всех окружающих его явлений*. Он или переносит на себя качества внешней природы и глубоко верит в непосредственную от них зависимость самого себя, или *на явления и силы природы переносит свои собственные качества...* Во всем мире люди молодой культуры видят такие же живые существа, как они сами, одаренные теми же физическими и душевными силами, как и у них. От бичевания человек испытывает боль, и это ощущение, без всякой его проверки Ксеркс переносит на море и бичует его за дурное поведение во время переправы его флота. *Не умея еще повелевать природой* при помощи наблюдения законов, управляющих ею, но заключая в себе обширный запас повелевательных стремлений... человек того времени находит им единственный выход в отождествлении качеств сил природы с своими собственными. Его воображение *представляет себе силы природы такими же живыми существами или проявлениями таких же живых существ, как он сам, и к ним-то он обращается с просьбами, мольбами и заклинаниями для достижения своих желаний*» (И. Я. Фойницкий, Моменты истории законодательства о печати. «Сборник госуд. знаний», т. II, 1875, стр. 306—307). Эта характеристика воззрения дикарей на физическую природу, взятая нами из первой подвернувшейся под руку книги, вполне приложима и к воззрениям субъективистов на общество, — надо только переменить имена: «Mutato nomine, de te fabula narratur!»

2. Для иллюстрации сказанного в тексте приводим несколько образчиков субъективистских рассуждений о задачах исследования социальных явлений, о прогрессе, о социальных законах и пр.

Известный русский философ субъективной школы следующим образом объясняет различие между воззрениями субъективистов и ученых, занимающихся исследованиями действительности: «Одни исследователи принимают за точку отправления судьбы общества или цивилизации, сводят задачу науки к познанию существующего и не могут или не желают дать руководящую нить для практики. Другие отправляются от судеб личности, полагая, что общество и цивилизация сами по себе цены не имеют, если не служат удовлетворению потребности личности; далее эти исследователи думают, что наука обязана дать практике нужные указания и изучать не только существующее, а и желательное» («Сочинения Н. К. Михайловского», том III, вып. I, стр. 180; изд. 2-е, 1888). Итак, исследователь социальных явлений не должен ограничиваться изучением существующего, а обязан еще давать практике и какие-то специальные указания. Социальная наука, кроме всего прочего, обязана давать еще какую-то «руководящую нить для практики». Что это значит? Ведь, изучая существующее, объясняя действительность, открывая проявляющиеся в социальной жизни законы, ученый тем самым дает и «указания» для практических деятелей, осмысливает их работу, подводит под нее научный фундамент, освещает их путь. Это неизбежно; так бывает постоянно, да иначе и быть не может, — все равно, думает ли теоретик о практике или нет, имеет ли он в виду снабжать практиков «указаниями» или нет. Зачем же *требовать* от науки и от ученых того, что они и без того дают, чего они *не могут не давать*? А между тем г. Михайловский утверждает,

будто люди, занимающиеся *исследованием существующего*, «не могут или не хотят дать руководящую нить для практики», и предвзывает к ним особые требования. Как же это так? Очевидно, г. Михайловский требует от науки не того, что она дает и без его требований, а *чего-то другого*, ставит науку *иного рода* задачу, не имеющую ничего общего с исследованием действительности. По его мнению, открываемые учеными *законы реальной жизни* очевидно не могут служить «руководящей нитью для практики», из *познания существующего* практик не может извлечь нужных ему «указаний», *фактическое исследование* не может играть роль фундамента для практической деятельности. Чего же нужно г-ну Михайловскому от науки? Ясно, что не познания существующего, не открытия законов общественной жизни, не фактического исследования,—все это отодвигается на задний план—а «*изучения желательного*», познания *несуществующего*, исследования *того, чего нет* в действительности. Правда, г. Михайловский говорит, что наука должна кроме «желательного» изучать и действительное, кроме несуществующего исследовать и существующее. Но это не больше как фраза в его устах: на самом деле он не занимался изучением реальной жизни, и все его сочинения представляют собою плоды изысканий в области «желательного».

Самая точка зрения, на которой стоял г. Михайловский, отрезывала ему всякий путь к изучению действительности, к «познанию существующего». Восхваляя точку зрения моралиста-субъективиста, он крайне неодобрительно относится к «точке зрения исследователя причин и следствий явлений»; повидимому эту последнюю он считал пригодной только в видах отыскания «смягчающих вину обстоятельств» для *осужденных* моралистом социальных явлений (см. «Сочинения», т. II, стр. 315, изд. 2-е). «Точка зрения исследователя причин и следствий»,—по мнению г. Михайловского,—в своем безусловном виде закона в приложении к предметам исторически замаринованным, напр. к истории ассирийского царства; она понятна и в приложении к злобе дня в устах замаринованных людей» (там же, стр. 316). Эту точку зрения он называет «фаталистической» (стр. 324). Очевидно, в термины «социальный закон» и «причина и следствие» г. Михайловский вкладывает чисто фетишистский смысл.

Еще решительнее и прямее о задачах исследования социальных явлений высказывается в этом смысле другой субъективный русский философ, определяя общественный прогресс не как социальную эволюцию, не как процесс изменения одних общественных форм в другие, а как *цель*, к которой *должна* измениться «критическая личность», *если* ей будет угодно заняться этим,—как *идеал*, который *должен* быть осуществлен историческим процессом,—для того, «чтобы заслужить название» прогрессивного, этот философ прямо заявляет, что обращать внимание на «реальное течение истории», на исторический процесс, как он совершается в действительности,—дело не только бесполезное, но и вредное: «Говоря о прогрессе, *никому не следует думать, что он решает вопрос, как действительно совершается течение событий, каков естественный (?) закон истории...* Теория прогресса дает *нравственную оценку совершившимся событиям истории и указывает нравственную цель, к которой должна идти критическая личность, если она хочет быть прогрессивным деятелем.*» (Л. М., По поводу критики на Исторические письма, «Знание», 1871, № 10, стр. 21). Итак, *прошлое* не подлежит изучению, над ним надо просто-напросто творить нравственный суд и расправу, бичевать его, если оно не выдержит экзамена по нравственности,—как бичевал Ксеркс море «за дурное поведение», воображая, что из этого выйдет какой-нибудь толк. В прошлом нельзя отыскать корней настоящего; точно так же и в настоящем нельзя найти никаких задатков будущего,—решительно никаких: «Предсказать с достаточной вероятностью реальное течение истории» можно будет лишь «в весьма далеком будущем», тогда, когда явится возможность «предсказать изменения в распределении звездных групп за миллиарды веков»; теперь же «подобная задача—фантазия» (стр. 21); теперь нельзя предсказать даже завтрашнего дня. А впрочем, это не только невозможно, но даже не нужно совсем: «осуществление» «теории прогресса» зависит вовсе не от реального течения истории, а от деятельности «критической личности», да и то «если захочет она быть прогрессивным деятелем»... Кто делает

историю?—Критическая личность, которой никакой закон не писан, для которой не существует «реального течения истории». Как видим, наш субъективный философ стоит на точке зрения некрасовского папши, который на вопрос Вани, «кто строил железную дорогу?» отвечал самым авторитетным тоном: «Инженеры, душечка!» Как бы то ни было, а раз все зависит от благоусмотрения «критической личности»—этого олицетворения мистической, надсоциальной силы, свехисторического деятеля,—изучать историю нет ни малейшей надобности: «необходима *только* оценка исторического движения с точки зрения прогресса как конечной цели» (стр. 22). Исследование «реального течения истории» в прошлом, настоящем и будущем «интересно в наше время лишь для метафизика»; для метафизика—для того действительно «важно» знать, насколько совпадает история, как она естественно совершается,— с историей, как мы ее хотим» (стр. 24); а для «реалиста нашего времени» (т. е. субъективиста, социального мистифика) этот вопрос даже не существует: «вырабатывая убеждение и воплощая его,—вот все, что нужно» этому реалисту. На что же опираться ему в своей практической прогрессивной деятельности, где та точка опоры, опираясь на которую, он должен двигать историю? Наш философ дает на этот вопрос в высшей степени характерный ответ: воплощая свое «убеждение» в жизнь, «реалист нашего времени» («критическая личность» тоже) отнюдь не должен опираться на «реальный ход истории», на «историю, как она совершается»,—это дело метафизиков и гегельянцев, и пусть им они занимаются; нет, реалисту следует «искать средств» к воплощению своего убеждения в жизнь—не больше, не меньше как «в глубине своего убеждения»!.. (стр. 42). Резюмируем все изложенное: «критическая личность»—единственный носитель «прогресса»; ей незачем изучать «реальный ход истории», заслуживающий лишь бычования; она должна конструировать прогрессивный исторический процесс и в борьбе за идеал опираться на «историю как мы ее хотим»...

Как субъективисты понимали «социальные законы», это нам объяснит г. Головачев. Кн. Васильчиков, в своем «Землевлладении и земледелии», писал: «Наделить наибольшее число жителей имуществом, соответствующим их рабочей силе,—такова должна быть идеальная цель прогресса». Как видим, кн. Васильчиков просто-напросто формулирует идеальную цель прогресса, т. е. ставит задачу, которую *должна* разрешить история, для того чтобы... для того чтобы, видите ли, заслужить одобрение кн. Васильчикова. Вот эту-то «цель», эту-то «задачу» г. Головачев и называет «общим и вполне ясным экономическим законом», «общим научным законом», «против которого не может быть спора» (А. А. Головачев, Землевлладение и земледелие в России, «Отеч. Зап.», 1877, № 9, стр. 25). Итак, социальный закон и цель прогресса—это одно и то же; выставить *цель*, которую желательно достигнуть,—значит *открыть закон* общественной жизни; для того чтобы *открыть* социальный закон, стоит только указать *цель*, к которой *должна* идти социальная жизнь, изучать же социальные явления, отыскивать связь между ними—вовсе не требуется: придумывая из своей головы *цели прогресса*, «*давай заказы истории*», и больше ничего. Следовательно субъективисты смешивают законы, т. е. формулы, в которых выражаются существующие в действительности соотношения между явлениями общественной жизни, с целями, т. е. формулами, заключающими в себе требование того, что представляется желательным, но чего нет еще в жизни, формулами, выражающими не действительное соотношение между реальными явлениями, а только желательное соотношение между несуществующими явлениями, между абстрактными понятиями. Таким образом, на место реальной действительности предметом исследования становится фикция, абстракция; разрывается связь между законами и явлениями; социальные явления выкидываются за борт, социальные законы превращаются в чисто нравственные требования, в начальственные предписания, в законодательные акты, в мистические, надсоциальные силы, действующие независимо от явлений общественной жизни. Такие «социальные законы» можно, с одной стороны, вводить, отменять, изменять когда угодно, где угодно и как угодно; с другой стороны, перед ними можно преклоняться как перед велениями верховного, свехисторического существа, питать к ним фетишистский страх.

Правда, несколькими строками ниже, г. Головачев дает, повидимому, несколько более рациональную формулировку своего «закона». «Путем трудного практического анализа *исторических явлений* вы приходите к *открытию* известного экономического закона, вы находите, что если *события* складываются согласно этому закону, то благосостояние жителей растет быстрее, если же нет, то этот рост замедляется» (стр. 25—26). Здесь можно пойти уже некотором подобие «закона», тут устанавливается соотношение между общественными явлениями—известной комбинацией «событий» и увеличением благосостояния людей. Однако этот «закон» отличается крайней бессодержательностью: это—не больше как пустая абстракция, банальнейшая фраза, выведенная «путем трудного анализа» не реальных общественных явлений, а отвлеченных понятий. Она имеет точно такую же научную ценность, как и фразы вроде того, что «человеку, чтобы жить, надо есть и пить», «для писания необходимы бумага, перо и чернила», при помощи их нельзя объяснить ни одного факта из жизни общества. «Почему падает благосостояние массы народа?» «Потому, что «события» складываются неблагоприятно для увеличения благосостояния». «Отчего люди умирают с голоду?» «Оттого, что им нечего есть»... Кроме подобного рода тавтологий, ровно ничего не выгмеш из этих законов, потому что это не законы, а нравственные требования. В самом деле, говоря, что если «события складываются» известным образом, то благосостояние растет, я просто хочу выразить, что для увеличения благосостояния требуется выполнение таких-то и таких идеальных условий, наличие такой-то комбинации обстоятельств; при этом совершенно игнорируется, каковы реальные условия общественной жизни данной страны, в данную эпоху и пр. Следовательно, в вышеприведенной фразе г. Головачева формулируется не социальный закон, а нравственное требование, цель прогресса, идеал; она вовсе не объясняет реальных явлений общественной жизни, а требует внесения в жизнь того, чего в ней нет,—осуществления отвлеченной идеи, воплощение идеала. Такой именно смысл придает ей и сам г. Головачев: «Отсюда,—говорит он непосредственно после цитированных слов,—казалось бы, прямой вывод, что реальная цель критической деятельности состоит в том, чтобы стремиться к порядку вещей, согласному с выведенным законом», т. е. стараться *вести* этот социальный закон. «Но,—продолжает г. Головачев,—нам говорят, что эта *цель* недостижима, вследствие *отсутствия* практических мер к ее *осуществлению*». Вот видите: не только этот «закон» не соответствует реальным явлениям общественной жизни, но и не существует даже средств для «ведения» его. Однакож эта чудовищная аномалия нимало не беспокоит г. Головачева: ну, что за бета, если этот закон—не больше как пустейшая фраза, рассуждает он, несмотря ни на что, «закон все-таки остается законом, и его значение в сфере экономических отношений будет действовать даже там, где он не осуществляется, где невозможно практическое его применение»; «и тем хуже для общества, которое не устранил в своей среде причин, препятствующих» проявлению «закона» (стр. 26). Таким образом, в представлении субъективиста социальный закон обособляется от реальных явлений, выражением которых он служит, превращается в какую-то мистическую силу, действующую вне времени и пространства. Придумывание таких «законов», которые хотя и не «применяются», но все же «действуют», а если и не «действуют», то все-таки не бездействуют; блуждание в области самых безвыходных противоречий—«не гегелевских, а плоских», г. Головачев называет «теоретическим исследованием в области *социальных явлений*» (стр. 26), «научной разработкой экономических вопросов» (стр. 27)—при помощи субъективного метода. Но мы видим, что это не изучение действительных явлений, а изучение желательного, т. е. *фикций*, исследование того, чего нет, «вещей извещенных невидимых», построение «системы вопиющих противоречий»,—только противоречий «не гегелевских, а плоских» (выражение Маркса). Впрочем, простосердечный г. Головачев и сам откровенно признается в этом: он заявляет, что люди, занимающиеся «теоретическими исследованиями в области социальных явлений», «видят истину... не в том, что существует на деле» (стр. 27), т. е. не в области действительности, а в области субъективных грез. И это г. Головачев сказал не в порицание, а в похвалу «исследователям социальных явлений»!..

Так смотрит на социальные законы не один г. Головачев: все субъективисты рассматривают социальные законы как законодательные акты, как начальственные предписания, которые можно вводить, видоизменять, отмечать, не сообразуясь с условиями пространства и времени, где угодно, как угодно и когда угодно,—видят в социальных законах какую-то мистическую силу, действующую независимо от реальных явлений общественной жизни. Приведем еще один, очень яркий пример.

С давних пор наши публицисты ломают голову над вопросом, «обязательно ли» для России пройти стадии развития, проходимые Зап. Европой? В переводе с субъективистского языка на научный это значит: действуют ли и будут ли действовать в России те законы социального развития, которые формулированы западными учеными для Зап. Европы, на основании изучения явлений западноевропейской социальной жизни? Разница между этими двумя формулировками одного и того же вопроса кажется с первого взгляда чисто формальной, внешней, словесной; но вдумайтесь в них внимательно и вы увидите, что под той и другой формулировкой скрываются два совершенно различных строя понятий, два совершенно различных мировоззрения. В самом деле, когда мы спрашиваем, действуют ли в России те законы социального развития, которые формулированы западными учеными для Зап. Европы на основании изучения явлений западноевропейской социальной жизни, то мы предполагаем, что закон развития—не какая-нибудь мистическая сила, действующая вне условий пространства и времени, и не законодательный акт, не начальственное предписание, которое можно ввести, применить, отменить и т. д. где и когда угодно, а просто существующая в нашей голове формула, которою выражается причинная связь между социальными явлениями, которая поэтому может иметь значение только тогда и там, где наблюдаются соответствующие социальные явления, и в такой мере, в какой они наблюдаются. Где нет явлений, там нет и закона; где есть явления, там есть и закон. Следовательно, чтобы разрешить поставленный вопрос, действуют ли в России известные социальные законы, нужно посмотреть сперва, существуют ли в России те социальные явления, выражением которых служат эти законы: если окажется, что в социальной жизни России наблюдаются точно такие же явления, как и в Зап. Европе, то значит и там, и здесь действуют одинаковые социальные законы; если окажется, что русская жизнь не похожа на западноевропейскую, то значит законы одной не приложимы к другой; если, наконец, окажется, что наблюдаемые явления русской социальной жизни однородны с явлениями европейской социальной жизни, но только комбинируются несколько иначе, то значит и формулировка законов социального развития России будет несколько видоизмененная по сравнению с формулировкой законов социального развития Зап. Европы, сообразно данному различию в комбинации социальных элементов той и другой. Только и всего. Значит, при такой постановке вопроса все дело сводится к изучению действительности, к фактическому исследованию. Здесь мы стоим на вполне твердой реальной почве.

Совсем другой вид получает дело при другой, субъективистской постановке вопроса: «*обязательно ли* для России идти по тому пути развития, по которому шла и идет Зап. Европа?» Тут речь идет уже не о том, что *существует*, что наблюдается в *действительности*, что говорят *факты*, а о том, что *лучше*, выгоднее, что представляется более *желательным*, что надо считать *обязательным*. Это—разница колоссальная: при субъективистской постановке вопроса центр тяжести рассуждений переносится из области существующего в область несуществующего, из области фактического исследования действительной жизни в область субъективных фикций, бесплодных мечтаний, несбыточных надежд; человек тернет твердую почву фактов под ногами и уносится в заоблачную высь идеала; исходным пунктом всех его рассуждений становится не факт, а идея, отвлеченная формула. Этого мало,—субъективистская постановка вопроса предполагает извращенное понятие о социальных законах. В самом деле, когда мы спрашиваем, обязательно ли для России западноевропейский закон развития, то мы подразумеваем, что той или другой стране заранее бывает предопределено идти известным путем, т. е. что судьба ее предначертана в какой-то таинственной книге судеб и что

следовательно судьбу данной страны можно узнать без помощи фактического исследования прямо из таинственной книги, при помощи разного рода мистических действий. Рассуждать таким образом можно только тогда, когда на социальные законы смотришь как на какие-то мистические силы, пребывающие где-то в *надсоциальной сверхисторической сфере*, действующие независимо от явлений общественной жизни. При подобных условиях, при такой вере в существование надсоциальных сверхисторических сил, стоящих вне общества, существующих отдельно от исторической действительности, нет, очевидно, ни малейшей надобности в исследовании реальных явлений общественной жизни,—вся задача ученого сводится к... *гаданию на картах* о судьбе отечества: «Итти или не итти?» «обязательно или не обязательно?» и т. д. Этим именно и занимались наши субъективные философы, много лет старавшиеся разрешить *конкретный* вопрос, «обязателен или не обязателен для России западноевропейский путь развития?» от разума и от сердца, при помощи «*parce par tout*», чудодейственной *абстрактной* формулы, выведенной не из изучения существующего, а из мечтаний о желательном. Укажем для примера на Н. К. Михайловского (см. его «Сочинения», том II). Этот писатель в течение многих лет ломал себе голову над разрешением вопроса, «*обязательны ли*» для России законы социального развития Зап. Европы, «*должны ли мы*» итти «вдоль по дорожке столбовой», проторенной многострадалной старушкой Европой, или же *нам* можно и должно *избрать* другой, лучший, более соответствующий идеалу путь, «иде же несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание»? И что же, как старался разрешить г. Михайловский этот «проклятый» вопрос? Сознал ли он необходимость *фактического исследования* для открытия закона социально-экономического развития России, изучал ли он *с той целью* экономическую структуру русского общества, фактические отношения между реальными общественными силами, политический строй России, словом—всю совокупность реальных условий русской жизни в данную эпоху? О, нет, г. Михайловский «избрал другой путь» для разрешения занимавшего его вопроса,—да иначе он, в качестве правоверного субъективиста, и поступить не мог. Для него важно было знать не то, что есть, а то, что *желательно*, что *обязательно*, т. е. то, чего нет. Поэтому ему никогда даже и на ум не приходило, что вопрос, какими законами определяется социальное развитие России, можно решить *только* при помощи всестороннего изучения русской исторической действительности: нигде из относящихся сюда мест его сочинений вы не найдете ни одного указания, ни одного даже самого слабого намека на необходимость «избрать путь» фактического исследования. Напротив, г. Михайловский считал возможным открыть законы развития России совершенно независимо от изучения русской действительности: ведь в глазах субъективиста социальный закон—это надсоциальная сила, существующая и действующая вне условий пространства и времени, отдельно от социальных явлений, следовательно его можно и должно рассматривать и не обращая ни малейшего внимания на то, что происходит в действительности. Г. Михайловский ставил вопрос таким образом: Зап. Европа проходила в своем развитии такие-то и такие-то стадии, *должна ли* проходить те же стадии и Россия? Вот несколько выдержек из разных его статей.

Излагая основную идею «Землевладения и земледелия» кн. Васильчикова, г. Михайловский пишет (1878 г.): «Он (Васильчиков) различает две стороны вопросов, касающихся «землевладения и земледелия»: сельскохозяйственную культуру и положение рабочих сил сельского населения. Судьбы этих двух групп явлений общественной жизни... не одинаковы исторически, да и логически не необходимо совпадают. Сельскохозяйственная производительность, земледелие может колоссально возрастать, а земледелец превращаться в то же самое время из независимого землевладельца в безземельного батрака, а затем и совсем ссаживаться с земли и наконец быть вынужденным бежать из отечества, эмигрировать. *Так оно и было*, в большей или меньшей степени, *в различных странах Зап. Европы*. Что касается России, то в ней и состояние сельскохозяйственной культуры, и положение рабочих сил сельского населения крайне незавидны, хотя русский земледелец в большинстве случаев пока еще и землевладелец. *Русскому публицисту естественно*

представляется вопрос: должна ли Россия в своем дальнейшем развитии пройти все моменты европейской истории? Должна ли она купить высокий уровень земледелия ценою обезземеления народных масс? Князь Васильчиков полагает, что это отнюдь не обязательно, или по крайней мере с этим направлением теперь следует бороться до последней возможности» («Письма к ученым людям», «Отеч. Зап.», 1878, № 7, стр. 172). Мы видим, что вопрос русской жизни выдвигается г-ном Михайловским не на основании изучения социально-экономического развития России, а на основании просто аналогии с Зап. Европой. Решается он точно так же не путем тщательного анализа фактов русской исторической действительности, а при помощи апелляции к «русскому публицисту», как будто «русский публицист» — воплощение надсоциальной силы, могущей одним мановением волшебного жезла направить Россию на какой угодно «путь развития», вовсе не сообразуясь ни с ее историческим прошлым, ни с ее историческим настоящим. Какую же резолюцию, вкладает «русский публицист» «на белом листе бумаги» (tabula rasa), каким рисуется Россия в воображении субъективистов? «Князь Васильчиков полагает», что ей «отнюдь не обязательно избирать западноевропейский путь развития, — просто полагает, да и вся недолга, т. е. высказывает мнение, не основанное на тщательном анализе фактов русской действительности. И г. Михайловский чувствует себя вполне удовлетворенным: искомый «путь» найден... в голове у кн. Васильчикова; требуемый «закон развития» открыт в виде цели, к которой должна идти русская история, если она хочет быть прогрессивной. Словом, самая главная и трудная часть дела сделана, остается значит, только ввести самооткрытый «закон» в жизнь, «убедить «отечество» шествовать предначертанной ему стезей, alea iacta est — надо бороться до последней капли крови. Что же касается исторического прошлого и настоящего России, «реального течения русской истории», тех законов развития, которые проявляются в реальной русской жизни, так о них г. Михайловский даже не заикается: ему нет до них ни малейшего дела, — над вопросом: «на сколько совпадает история, как она совершается, с историей, как мы ее хотим», пусть уж метафизики и гегельянцы ломают головы... Другое место, еще более характерное: критикуя теорию русских социологов-органистов в ее применении к России, г. Михайловский говорит (1872 г.):

«Их положение, ввиду излюбленной ими идеи социального организма, весьма любопытно и оригинально. Дело в том, что пока. — что даст бог впереди, неизвестно, — Россия в некоторых отношениях весьма не пирамидальна, весьма не органична. Органическая теория требует, чтобы каждая функция, каждый вид занятия был строго отделен от других, чтобы в обществе было как можно более различных и как можно более обособленных частей. Если у нас в России и сохранились еще некоторые обособления, которые отжили свой век в Европе, как например обособление податных и неподатных сословий, то с другой стороны мы далеко не видим около себя той резкости обособлений вообще, какая господствует на Западе. Там, в странах наиболее цивилизованных, землевладение, капитал и труд отделены друг от друга весьма резко, чем органическая теория и удовлетворена. У нас этого нет. Подвляющее большинство населения России состоит из землевладельцев-земледельцев. В Европе обрабатывающая промышленность сконцентрирована в городах. У нас огромная доля ее не отделилась от сельской промышленности и не выходит из деревни. У нас мужик если и работает на фабрике, то тем не менее имеет свой клочок земли, к которому и возвращается летом и в минуты невзгоды. В Европе этого нет (?), потому что и мужика там настоящего не везде можно сыскать. У нас безземельный рабочий есть исключение, тогда как в наиболее цивилизованных странах Европы дело устроено самым органическим образом, и такого явления, как землевладелец-капиталист-рабочий — там давно уже нет. Вместе с тем Россия есть страна неразвитая, бедная капиталами и знаниями. Ввиду всего этого возможны две диаметрально противоположные политические программы. Можно требовать для России буквального повторения истории Европы в экономическом отношении: расторгнуть общину, отнять у мужика землю и отправить его на фабрики, свести всю обрабатывающую промышленность в города, а сельскую предоставить мелким или крупным землевладельцам-неземледельцам. Таким путем различ-

ные общественные функции благополучно обособятся. По можно представить себе и другой ход вещей. *Можно представить себе поступательное развитие* тех самых экономических начал, какие и теперь имеют место на громадном пространстве империи. Это будет разумеется опыт небывалый, но ведь мы и находимся в небывалом положении. Мы представляем собою *народ*, который был до сих пор, так сказать, прикомандирован к цивилизации. Мы (кто «мы» — русский «народ», русское государство, «русские публицисты»?) владеем всем богатейшим опытом Европы, ее историей, наукой. (Это русский-то народ, или русская бюрократия?), но в то же время сами только оцарапаны цивилизацией. Наша цивилизация возникает так поздно, что мы (опять этот таинственный незнакомец!) успели вдоволь насмотреться на чужую историю и можем вести свою собственную вполне сознательно. (Кто это успел «вдоволь насмотреться» и может вести русскую историю — «вполне сознательно», русские ли публицисты, русский ли мужик, русская ли бюрократия, русское ли дворянство, русская ли буржуазия, или все вместе, заключивши между собой братский союз?..), — преимущество, которым в такой мере ни один народ (крестьянство что ли?) в мире до сих пор не пользовался» («Сочинения», т. II, стр. 229—230, изд. 2-е, 1888).

В этой страничке из сочинений русского субъективиста, которую читатель пробежит, разумеется, с величайшим удовольствием, как в зеркале отражается все русское народничество, с его субъективным методом исследования, с его антиклассовой точкой зрения, с его философией истории, с его экономией, политикой и т. д. К сожалению, мы не можем заняться здесь всесторонним анализом ее; сделаем лишь несколько замечаний, относящихся к рассматриваемому теперь предмету.

С первого взгляда может показаться, будто г. Михайловский стоит на чисто фактической почве: он указывает на особенности русского экономического строя, особенности, дающие право сделать вывод, что и закон социально-экономического развития России отличен от западноевропейского. Но это только с первого взгляда: всмотритесь поближе, и иллюзия исчезнет. В качестве строго последовательного субъективиста г. Михайловский взял за исходный пункт не факт, а идею, и оперирует не над реальными явлениями, а над фикциями; оттого русская историческая действительность получает под его пером освещение совершенно фантастическое. Прежде всего г. Михайловский не замечает никаких классовых разделений в русском обществе; он представляет дело в таком виде, будто Россия — единый *народ*, однородное, недифференцировавшееся целое, все части которого живут одной жизнью, исполняют одни и те же социально-экономические и политические функции, обладают одними и теми же свойствами, одними и теми же силами, словом, во всех отношениях равны между собой. Это фантастическое целое он окрещивает именами «Россия», «народ», «мы», олицетворяет его, превращая в какую-то мистическую силу. Всмотриваясь поближе в эту силу, мы откроем в ней некоторые любопытные свойства. К кому в сущности приложимы слова, что «мы успели вдоволь насмотреться на чужую историю», «мы владеем всем богатейшим опытом Европы» и т. д.? К крестьянству? Нет: приписывать ему, темному и бесправному, обладание «всем богатейшим опытом Европы, ее историей, наукой» и власть вязать и решать судьбы отечества было бы самым жестоким издевательством над ним. К государству? Нет, оно — не сокровищница знаний, а представитель господствующих жизненных интересов, орган классового господства. К дворянству, буржуазии? Нет и нет. К кому же наконец? Да очевидно к кому — к «русским публицистам»: о них еще можно пожалуй сказать, что они «вдоволь насмотрелись на чужую историю» (хотя и поняли в ней не слишком много; напр. — рабочее движение), слышали и об европейской науке (хотя и она принесла им пользы не больше, чем история); известно также, что они обладают неистощимым запасом повелевательных стремлений, считают себя способными «вести свою историю вполне сознательно», много потрудились над отысканием «других путей развития», кроме тех, которые указываются самым ходом исторической эволюции, и насочиняли целую массу проектов насчет переведения отечества с пути пагубного на путь праведный. Вот эти-то драгоценные качества российских субъективистов и переносятся на надсоциальное существо «мы», «Россия» и пр.

Итак, г. Михайловский населяет социальный мир фантастическими силами, наделяет их своими собственными качествами и обращается к ним «с просьбами, мольбами и заклинаниями», т. е. поступает точно таким же образом, как и «человек молодой культуры», который населял произведениями своей фантазии внешнюю природу, наделял их своими собственными качествами и обращался к ним с просьбами, мольбами и заклинаниями... Мы имеем пред собой очень яркий пример социального фетишизма. Неклассовая точка зрения помещала г. Михайловскому правильно оценить значение крестьянской реформы, а следовательно и разглядеть истинный характер «экономических начал», действующих «на громадном пространстве империи». Реформа 1861 г. вовсе не создала в России класса самостоятельных хозяев-крестьян, да и не могла создать, ибо она явилась результатом борьбы неравных социальных сил и совершена была не в интересах труда, а в интересах наиболее выгодной эксплуатации рабочей силы¹.

Таким образом крестьянин вступил в новую эру полусамостоятельного хозяином-полупролетарием. Эту амфибию г. М. наделил фантастическими свойствами, и вот получился «целостный индивидуум», совмещающий в своем лице землевладельца, капиталиста и земледельца². Разве это «фактическое исследование»? Нет, это—не более как «изучение желательного»...

Итак, статика русской экономики представлена у г. М. в совершенно извращенном виде. Но, кроме статик, есть еще динамика явления. Если бы г. М. хотел заняться изучением экономических отношений России в их неподкрашенном и неподслащенном виде, ему бы предстояло исследовать, во что, под совокупным действием всех наличных общественно-экономических и политических условий русской жизни, при данном, исторически установившемся соотношении реальных общественных сил, превращается амфибия-крестьянин, утрачивает ли он свойства пролетария, сохраняя свойства хозяина, или же, наоборот, утрачивает свойства хозяина, приобретая свойства пролетария... Только этим путем и можно открыть закон развития страны. Но г. Михайловский, в качестве субъективиста, не мог поставить вопрос таким именно образом: для него важно не то, что происходит в действительности, а то, что должно происходить, чтобы заслужить его одобрение. Поэтому, изобразив фантастическую статику, он прямо заявляет: «Ввиду этого (ввиду чего?) возможны две программы». Какое отношение имеют эти «программы» к движению самой жизни,—неизвестно. Действительность (хотя бы в фантастическом виде) представляется г. М. объектом непосредственного воздействия, не опирающегося на знакомство с законами ее существования и развития; наоборот, сами эти законы являются для г. М. результатом желательного воздействия надсоциальных сил. «Можно расторгнуть общину, отнять у мужика землю» и пр.,—говорит г. М., и ему даже и в голову не приходит спросить: «а что происходит в действительности? Разлагается община или нет, обезземеливается мужик, или нет, отделяется город от деревни или нет,—под влиянием совокупного действия реальных общественных сил?» «Можно представить себе поступательное развитие» существующих «экономических начал». Каковы эти «начала», какова их относительная жизнеспособность при всей совокупности наличных экономических, социальных и политических

¹ Эту простую истину, впервые высказанную знаменитым русским экономистом еще до проведения реформы (см. «Критика философских предубеждений против общинного владения». «Современник», 1858, № 12), начинают понимать теперь и некоторые народники: «По мысли законодательной власти»,—мысли, положенной в основу Положения 19 февраля, — «наш крестьянин должен был в будущем представлять нечто среднее между земельным собственником, живущим от своего хозяйства, и западноевропейским безземельным пролетарием, существующим доходом от заработка» (В. Вирюкович «Землевладельцы и земледельцы», «Рус. М.», 1891, № 5, стр. 1—2).

² Заметим мимоходом, что г. М., «вдоволь насмотревшийся» на Европу, несвязно изображает и экономические порядки западных стран: в действительности «землевладение», «капитал» и «труд» обособлены там еще далеко не так «резко», как кажется ему.

условий, имеют ли они шансы устоять в борьбе с противоположными «началами», тоже «имеющими место на громадном пространстве империи», какие из этих «начал» развиваются, приобретая себе еще больше места, какие гибнут, утрачивая свое место; словом, как обстоит дело в действительности,—об этом г. М. даже не спрашивает; да и зачем ему это: ведь он стремится познать не существующее, а желательное!.. «Можно требовать... «Можно представить себе»... Достаточно «потребовать», достаточно «представить», чтобы найти «залог развития», и тогда «мы» немедленно исполним это «требование» и «представление».. Вместо того чтобы открыть закон развития России посредством строго фактического исследования статике и динамике ее общественного строя, и затем уже бороться за свой идеал, опираясь на реальные общественные силы, г. М. хотел вывести закон развития прямо из своего идеала и затем уговорить «отечество» следовать ему. Он не мог понять действительность прежде всего как объект изучения, а затем уже и как объект воздействия, основанного на этом изучении; нет, действительность представлялась ему только объектом воздействия, не опирающегося на знание ее, а «закон развития»—результатом этого воздействия. Разве не походит г. М. в данном случае на «человека молодой культуры», который, будучи обуреваем «повелевательными стремлениями», хотел повелевать природой, не опираясь на знание ее сил?..

И вот человек с такими-то примитивными понятиями вздумал приложить теорию Маркса к России. Естественно, что г. М. подсунул Марксу свои собственные антинаучные воззрения на социальную жизнь и социальные законы. Плодом этого чудовищного совокупления двух диаметрально противоположных мировоззрений и явилось уродливое детище, гуляющее ныне по страницам «Русского Богатства», «Нового Слова» и других журналов под именем «русского марксизма». Заметим еще, что воспринявши от г. Михайловского «субъективный метод», отрезывающий человеку путь к «познанию существующего», г. Воронцов начал им руководствоваться при изучении фактов русской экономической жизни. Можете себе представить, какая невообразимая путаница получилась от этого не менее чудовищного совокупления субъективного метода с фактическим исследованием!..

К сожалению, мы не можем здесь распространяться об этом. Придется подождать другого, более удобного случая.

3. «Земские статистики весьма часто объясняют размер крестьянской аренды большею или меньшею нуждою крестьян в земле, но те же статистики показали нам, что в степных губерниях большое число крестьян арендует землю и при достаточных земельных наделах. Для арендования земли недостаточно еще одной нужды в увеличении землепользования, но также нужна еще возможность удовлетворения этой нужды, нужны средства и достаточный инвентарь для ведения большого размера хозяйства, нужно еще «присутствие вблизи селения земли, которую можно было бы взять в наемку» (В. Е. Постников, Южнорусское крестьянское хозяйство, М. 1891, стр. 18—19). «Арендой земель в таврических уездах (Бердянском, Мелитопольском, Днепровском) по преимуществу занимаются хозяева зажиточные, имеющие достаточное количество надельной и собственной земли; в особенности это следует сказать об аренде вненадельных земель, т. е. земель владельческих и казны, находящихся на более дальних расстояниях от селений. В сущности это и весьма естественно: для аренды более дальних земель нужно иметь достаточное количество рабочего скота, а крестьяне менее зажиточные не имеют его здесь в нужном размере «для обработки своих надельных земель» (Ib., стр. 148). Так в Бердянском уезде крестьянами арендовалось надельной и вненадельной пашни 117 686 десятин; из них на бедную группу (засаивающую в 10 дес.) приходилось только 6,9%, на среднюю (засев. 10—25 дес.) 33,1%, на зажиточную (засев. более 25 дес.) около 60%; в Мелитопольском уезде из арендуемых 220 767 дес. пашни приходилось на бедную группу 5,6%, на среднюю 28,0%, на зажиточную 66,4%; в Днепровском уезде арендуемые 137 882 дес. пашни распределялись так: бедная группа 5,7%, средняя 35,1%, зажиточная 59,2% (стр. 149). Что касается размеров арендной платы, то «дороже всего платили за землю беднейшие крестьяне» (стр. 150).

Если взять только аренду казенной земли, то указанное различие между отдельными крестьянскими группами выступит еще резче. Из общей площади казенных земель, сдававшихся в аренду в трех таврических уездах, гораздо больше половины (63%) снималось целыми крестьянскими обществами. Казалось бы, чего еще лучше: общинный принцип явно торжествует. «Но,— замечает г. Постников,—земля, арендуемая крестьянскими обществами, находится в пользовании сравнительно *небольшого* числа домохозяев, и притом *преимущественно* *эжикочных*». Из приведенной у г. Постникова таблицы видно следующее: «В Днепровском уезде у эжикочной группы крестьян находилось в пользовании более $\frac{1}{2}$ всей арендованной пашни (на казенных землях), в Бердянском более $\frac{2}{3}$, а в Мелитопольском уезде, где всего более арендуется казенной земли, даже более $\frac{3}{4}$ арендованной площади; у беднейшей же группы крестьян (засевающих до 10 дес. пашни) находилось во всех уездах всего 1 938 дес., или около 4% арендованных земель» (стр. 150). «Таким образом льготными условиями аренды казенных земель для крестьянских обществ в таврических уездах главным образом воспользовалась *наиболее эжикочная* часть сельского населения» (стр. 151). Льготы, данные «обществам» (народническому «народу»), только увеличили дифференцировку крестьянства.

Изучение так называемой «крестьянской аренды» с точки зрения разделения крестьянства на экономические группы началось не со вчерашнего дня. Отдельные исследователи, чуждые всяких еретических замашек, додумывались до этой мысли и до самого времени, когда г. Южаков и ему подобные «друзья русского народа» распевали приторные песни насчет равенства и единомыслия в крестьянской среде. Вот что например писал один из народников в 1885 г.: «Говоря о крестьянских арендах, большинство статистических сборников задавались между прочим выяснением зависимости размеров аренды от размеров надела... Обыкновенно оказывалось, что степень участия в аренде находится в обратной зависимости от размера надела, т. е. что наименее наделенные *общины*¹ дают наибольший процент арендующих дворов и скопляют у себя относительно большие количества сьемной земли, чем группы *многоземельных общин*». Автор рекомендует относиться к подобному выводу «с крайней осторожностью», потому между прочим, что он «сделан для таких сложных земельных единиц, как *община*, заключающая в себе и много- и мало-земельные дворы; следовательно его никак нельзя распространять на *группы семей*; не следует думать, например, что наименее наделенные группы *семей* принимают и наибольшее участие в аренде, не следует думать, что здесь происходит как бы *посемейная* компенсация надела арендой. В действительности далеко не так» (В. Григорьев, К вопросу о крестьянских арендах, «Экономический журнал», 1885, № 6, 15 августа (стр. 2)). Путем косвенного сопоставления данных по Тамбовской губернии г. Григорьев приходит к выводу, что «чем больше в известных группах сельских общин нуждающихся (домохозяев) в сьемке земли, тем меньшая часть их является действительными сьемщиками земли». В Зеньковском у., Полтав. губ. «степень участия в сьемке земли возрастает (до группы более 10 дес.) вместе с ростом землевладения; даже наиболее многоземельные семьи (имеющие свыше 10 дес.) принимают более активное участие в сьемке земли, чем две первые группы (безземельные и малоземельные хозяйства)» (стр. 3). «Мы видим та. м образом,—заключает автор,—что *обратное* соотношение между размером землевладения и арендой для *пообщинных* групп сменяется на *прямую* зависимость этих явлений при *подворном* их изучении, т. е. *малоземельные дворы* и *путем аренды* имеют меньшую возможность обеспечить себя, чем дворы с *более крупным* размером землевладения. Да это и понятно. Конечно, потребность в арендной земле больше у малоземельных крестьян, но зато они много слабее и часто бывают не в силах соперничать с лучше наделенными, более эжикочными, но все же нуждающимися (?) в аренде домохозяевами» (стр. 4). Во всех этих рассуждениях г. Григорьева проглядывает не совсем ясное сознание, что крестьянство—это ряд отличных друг от друга экономических групп.

¹ Курсив везде принадлежит автору.

4. «При аренде земли за деньги крестьянин является вполне самостоятельным хозяином; при аренде исполнительной и за отработки он уже *утрачивает долю своей самостоятельности*. Условия аренд исполнительных и отработочных отличаются большим разнообразием; этого рода аренды вызываются, с одной стороны, потребностью крестьянина в земле и, с другой—*потребностью частных владельцев в наемных рабочих*, почему во многих случаях такие аренды являются крайне сложными по условиям, или *маскируются иногда невольный наем на земледельческие работы*. Аренда за отработки второстепенных, например, угодий, как «выпускни», «прогон» для скота и т. п., *напоминает* собою часто *больше наем на отрядные или сдельные работы* за натуральную плату. Отрядные или сдельные работы распространены во многих местах России, особенно *излюбленным способом найма рабочих* они оказываются в центральных черноземных губерниях. Занимаются ими крестьяне различной состоятельности, но преимущественно находящиеся в более стесненных условиях по сравнению с крестьянами, только арендующими землю. Работы эти представляют *нечто промежуточное между арендой земли и вольным наймом на земледельческие работы*» (С. Ф. Руднев, Промыслы крестьян в Европейской России. «Сборник Саратовского земства», 1894 г., № 11, стр. 421—422).

Очень приятно встретить такие же воззрения на аренду частновладельческих земель слабосильными крестьянами (аренда исполнительная и отработочная) в том самом журнале, где излагал свои елейные теории г. Южаков. «*Чем крестьянин беднее, тем арендуемая земля в конце-концов обходится ему дороже, тем более он утрачивает свою хозяйственную самостоятельность, так что после известного предела арендатор превращается в сущности в рабочего с вознаграждением из доли убранный хлеба...* Он часто получает с обрабатываемого участка за одну и ту же работу меньше рабочего по найму. Отсюда уже вытекает простая выгода сдать надел и превратиться в бесхозяйного рабочего» (В. Бирюкович, Крестьянское хозяйство в черноземно-степной полосе, «Север. Вестник», 1886, № 4, стр. 111). «Аренда исполну или за отработки, с превращением хозяина в рабочего, является кульминационной точкой в невыгодном пользовании земли со стороны крестьянина, дальше которой уже идет превращение его в батрака». Малоземельные уезды «*выделяют действительно довольно порядочный процент бесхозяйных или по крайней мере кандидатов в них. В Саратовском уезде к последней категории принадлежит в настоящее время целая треть населения*» (стр. 113—114). К зимним запорядкам на полную обработку десятины с получением части или всей платы вперед крестьяне прибегают «*лишь благодаря тому, что землевладелец ссужает даже семенами своего арендатора, с возвращением их конечно из урожая. Но тут уж трудно решить, крестьянин ли берет у землевладельца землю с уплатой ренты частью урожая и отработками, или же помещик нанимает себе рабочего с вознаграждением его частью урожая или земли. Последнее может быть сказано с одинаковым правом, так как землевладелец при такой аренде обыкновенно указывает, какая часть земли и чем должна быть засеяна, равно как наблюдает, чтобы обработка производилась своевременно и тщательно. В губерниях, напр., малорусских мы видим целую группу безземельных земледельцев («подсосудки»), которые, проживая на помещичьих землях, работают на них (помещиков) «из снопа», т. е. за известную часть собранного урожая, но имеют и свое собственное небольшое хозяйство на клочках, дающихся им в виде заработной платы. Они составляют нечто среднее между колониями рабочих и арендаторов. К этому же типу постепенно приближаются и группы малоземельных крестьян в исследуемой нами полосе (губ. Самарская и Саратовская), арендующие земли исполну или за отработки*» (стр. 110). Вот они—«самостоятельные хозяева», носители «народной культуры», «мирные дети труда», составляющие «противовес всякому капитализму»!.. Любопытно, что статьи г. Бирюковича, которые мы цитировали, помещались почти рядом со статьями гг. Воронцова и Южакова, где крестьянская аренда выставлялась в виде яркого доказательства торжества «народного производства» над капитализмом. Вот уж поистине «очи имут и не видят, уши имут и не слышат»!..

5. «Надельная земля служит в настоящее время предметом обширной спекуляции в южнорусском крестьянском быту. Под землю получаютя

ваймы с выдачею векселей, весьма распространенных здесь между таврическими крестьянами, причем доход от земли остается в пользу ссудившего деньги впрямь до уплаты долга; земля сдается или продается на год, два и более долгие сроки, 8, 9 и 11 лет, и такие сдачи наделов формально свидетельствуют в волостных и сельских правлениях... Казенные недоимки у крестьян служат также обычною причиною продажи земли... Запродажа наделов в чужое пользование практикуется как в тех селениях, где существует раскладка земли по ревизским душам и никаких коренных переделов земли не происходит, так и в селах с раскладкой земли по наличным душам и коренными переделами, только в последних срок запродажи обыкновенно короче и рассчитан на срок передела земли... В настоящее время эта запродажа наделной земли в южнорусских селениях сосредоточивает в себе самые жизненные интересы местного зажиточного крестьянства... Она составляет, между прочим, одно из главных условий для широкой распахки земель, практикуемой здесь зажиточными тавричанами и доставляющей им большие экономические выгоды». Точно так же и в Херсонской губернии «наделная земля мобилизуется почти беспрятственно и развивает большое кулачество среди сильных властей и богатеев ссла» (*Постников*, Южнорусск. крест. хоз., стр. 139, 140).

«Значительная часть крестьянства таврических уделов, приблизительно около $\frac{1}{3}$ всего населения... в большинстве случаев по неимению нужного для ведения хозяйства скота и инвентаря, не эксплуатирует своей наделной земли, сдает ее внаймы и тем увеличивает землепользование другой, более зажиточной половины крестьян» (*Ив.*, 137).

На распространение сдачи наделов было обращено внимание опять-таки уже давно в журнальной литературе. Г. Григорьев писал в цитированной статье: «...для южных местностей имеет *весьма серьезное значение* и съемка земель крестьянами у своих однообщинников или у соседних обществ... Важное значение для крестьянского хозяйства аренд из наделной земли вытекает уже из их распространенности во многих местах» («Экон. Журн.», 1885, № 6, стр. 7).

Опять-таки в высшей степени приятно отметить, что на обезземеление слабосильных крестьян указывалось в том самом журнале и даже в тех самых книжках, где печатал свои внеисторические этюды г. Южаков. «В настоящее время *весьма значительная часть каждой общины*, после потери хозяйственного инвентаря, *по личному почину* сдает свои наделы другим домохозяевам. Среди госуд. крестьян с общинным землевланием Ставропольского у. таких домохозяев числится до 16%; в Саратовском у. их 18%, и в аренду поступает здесь до $\frac{1}{5}$ всех наделных земель». Мир стремится оставить сдаваемые наделы за собой. «Но тут ему приходится вступать в борьбу с отдельными влиятельными «богатеями», которые снимают душевые наделы у их владельцев в большинстве случаев за бесценок и по старым деловым обязательствам. Бывали, напр., случаи, когда «богатеи» с большою энергией отстаивали перед миром, во время коренных переделов, интересы бесхозяйных общинников и их право на землю; делалось же это исключительно в тех видах, что земля бесхозяйственных достанется им же, богатеям» (*В. Бирюкович*, Крест. хоз. в черноз.-степной полосе, «Сев. В.», 1886, № 8, стр. 81). Какая удивительная картина: «богатеи» отстаивают интересы бесхозяйных и их право на землю!..

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
От издательства	III
Предисловие автора к русскому изданию	1
<i>Введение.</i> Общий очерк развития землевладения в России	7
<i>Глава I.</i> Поземельная община	17
<i>Глава II.</i> Производительные силы крестьянства	24
<i>Глава III.</i> Подати и недоимки	33
<i>Глава IV.</i> Общинная и индивидуальная аренда	40
<i>Глава V.</i> Превращение «самостоятельного хозяина» в земледельческого рабочего	47
<i>Глава VI.</i> Рабочая плата в деревне	50
<i>Глава VII.</i> Сельское избыточное население	55
<i>Глава VIII.</i> Разложение патриархальной семьи	59
<i>Глава IX.</i> Современные земледельческие классы	70
<i>Глава X.</i> Личное землевладение и земельная община	86
<i>Глава XI.</i> Периоды общинной земли	91
<i>Глава XII.</i> Крупное сельское хозяйство	99
<i>Глава XIII.</i> Заключение: последствия голода	114
<i>Приложения:</i>	
А) Заметка о развитии капиталистического сельского хозяйства в России (к главе XII)	123
Б) Статистические таблицы:	
I. Распределение земли между различными разрядами крестьянского населения	133
II. Обложение крестьянства	135
III. Недоимки	136
IV. Распределение арендуемой земли	137
V. Бюджеты типичных крестьянских дворов	138
VI. Заработная плата, получаемая крестьянами от промышленных занятий	143
VII. Средний урожай пшеницы	146
VIII. Годовая плата с.-х. рабочим за десятилетие 1881—1891 гг.	147
IX. Поденная плата пешему рабочему за десятилетие 1881—1891 гг.	150
X. Годовая заработная плата мужчин	153
XI. Помесячная плата фабричным рабочим	155
<i>Приложение переводчика.</i> Несколько замечаний по поводу теории «народного производства».	165
<i>Примечания</i>	198